ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ISSN 2219-5254
ISSN 2500-2791 (online)

Вестник Ивановского государственного университета

2026, специальный выпуск

ФИЛОЛОГИЯ • ФИЛОСОФИЯ • ИСТОРИЯ

ISSN 2219-5254
ISSN 2500-2791 (online)

ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Гуманитарные науки»

2026. Специальный выпуск

Научный журнал **Издается с 2000 года**

**Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Реестровая запись 30 июля 2020 г. ПИ № ФС 77-78823**

Журнал включен ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (ред. от 22.10.2021 г.)

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Е.М. Тюленева, д-р филол. наук (*главный редактор серии*) (Россия, Иваново)
Д.Г. Смирнов, д-р филос. наук (*зам. главного редактора*) (Россия, Иваново)
В.М. Тюленев, д-р ист. наук (*зам. главного редактора*) (Россия, Иваново)
О.С. Горелов, д-р филол. наук (*ответственный секретарь*) (Россия, Иваново)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

А.Ю. Алексеев, д-р филос. наук (Россия, Москва)
М.В. Белов, д-р ист. наук (Россия, Нижний Новгород)
К.В. Воденко, д-р филос. наук (Россия, Новочеркасск)
Н.Ю. Гвоздецкая, д-р филол. наук (Россия, Москва)
Д.И. Дубровский, д-р филос. наук (Россия, Москва)
А.И. Жеребин, д-р филол. наук (Россия, Санкт-Петербург)
А.А. Житенев, д-р филол. наук (Россия, Воронеж)
Ф.И. Карташкова, д-р филол. наук (Россия, Иваново)
Р.Я. Подоль, д-р филос. наук (Россия, Рязань)
Д.И. Полывянный, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
Ф.А. Селезнев, д-р ист. наук (Россия, Нижний Новгород)
Г.С. Смирнов, д-р филос. наук (Россия, Иваново)
А.А. Федотов, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
В.Н. Финогентов, д-р филос. наук (Россия, Орёл)
З.А. Харитончик, д-р филол. наук (Беларусь, Минск)
Ю.Л. Цветков, д-р филол. наук (Россия, Иваново)
В.Л. Черноперов, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
К.А. Юдин, канд. ист. наук (Россия, Иваново)

Адрес редакции (издателя):

153025 Ивановская обл.,
г. Иваново, ул. Тимирязева, 5
e-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Подписной индекс в каталоге
«Пресса России» 41512

Электронная копия журнала размещена
на сайтах www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

© ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет», 2026

ISSN 2219-5254
ISSN 2500-2791 (online)

IVANOVO STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series «The Humanities»

2026. Special issue

Scientific journal **Issued since 2000**

The journal is registered in the Federal Agency for the Oversight in the Sphere of Communication, Information Technology and Mass Communications.
Registry entry ПИ № ФС 77-78823 of July 30, 2020

The journal is peer-reviewed and recommended by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations (issued on 22.10.2021)

Founded by Ivanovo State University

EDITORIAL BOARD:

E.M. Tyuleneva, Doctor of Philology (*Chief Editor of the Series*) (Russia, Ivanovo)
D.G. Smirnov, Doctor of Philosophy (*Vice-Chief Editor)* (Russia, Ivanovo)
V.M. Tyulenev, Doctor of History (*Vice-Chief Editor)* (Russia, Ivanovo)
O.S. Gorelov, Doctor of Philology (*Secretary-in-Chief*) (Russia, Ivanovo)

EDITORIAL COUNCIL:

A.Yu. Alekseev, Doctor of Philosophy (Russia, Moscow)
M.V. Belov, Doctor of History (Russia, Nizhny Novgorod)
K.V. Vodenko, Doctor of Philosophy (Russia, Novocherkassk)
N.Yu. Gvozdetskaya, Doctor of Philology (Russia, Moscow)
D.I. Dubrovsky, Doctor of Philosophy (Russia, Moscow)
A.I. Zherebin, Doctor of Philology (Russia, Saint-Petersburg)
A.A. Zhitenev, Doctor of Philology (Russia, Voronezh)
F.I. Kartashkova, Doctor of Philology (Russia, Ivanovo)
R.Ya. Podol, Doctor of Philosophy (Russia, Ryazan)
D.I. Polyvyannyy, Doctor of History (Russia, Ivanovo)
F.A. Seleznev, Doctor of History (Russia, Nizhny Novgorod)
G.S. Smirnov, Doctor of Philosophy (Russia, Ivanovo)
A.A. Fedotov, Doctor of History (Russia, Ivanovo)
V.N. Finogentov, Doctor of Philosophy (Russia, Orel)
Z.A. Kharitonchik, Doctor of Philology (Belarus, Minsk)
Yu.L. Tsvetkov, Doctor of Philology (Russia, Ivanovo)
V.L. Chernoperov, Doctor of History (Russia, Ivanovo)
K.A. Yudin, Candidate of Science, History (Russia, Ivanovo)

Address of the editorial office:

153025, Ivanovo region,
Ivanovo, Timiryazew str., 5
e-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Index of subscription
in the catalogue «Russian Press» 41512

Electronic copy of the journal can be found on the web-sites www.elibrary.ru, www. ivanovo.ac.ru

© Ivanovo State University, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

Литературоведение

Павловская О.А. Произведение К. Случевского «Элоа»: особенности лирико-драматической формы 5
Тюленева Е.М. Комическое в пластической поэтике А. Ника 13
Харитонов О.С. Поэтика метонимии в лирике Ю. Шевчука 23
Бочацкая А.А. «Эшелон на Самарканд» Г.Ш. Яхиной и традиции исторического романа 31
Горелов О.С., Платонова М.А. Медиальный и языковой аспекты перформативности поэтического текста (на примере стихотворения Е. Зайцева «самое время…») 43
Биктимиров В.Э. Потерянный и возвращенный рай: интерпретация ветхозаветного сюжета в пьесе «Адам и Ева» П. Хакса 53
Жарова Е.М. Символика снега в романах Орхана Памука «Снег» и Хан Ган «Я не прощаюсь» 62
Овчаренко А.Ю., Шишлаков И.П. Типологические модели женского военного нарратива: позиция автора и поэтика документального свидетельства 68

Языкознание

Кузьмина М.Ю. Анималистические образы в метафорическом нарративе как вербализаторы концептов grief и despair 77
Рожкова Т.В. Семантическая деривация глаголов направления: когнитивный и функциональный аспекты 83
Лань Хао. Перевод «Хуанди Нэйцзин» на русский язык: механизмы трансформации и концептуальная метафора 95

История

Новикова О.В. Комплексное археологическое изучение округи Галичского озера Костромским областным отделением РГО: итоги десятилетия и перспективы 112
Урядова А.В. Противовоздушная оборона Ярославской области в годы Великой Отечественной войны (1944—1945 гг.) 121
Гребенник М.В. Охрана детства на страницах региональных газет Верхней Волги в годы Великой Отечественной войны 132
Исаева Н.В. Нормы международного права в правовой системе Российской Федерации в изменяющейся геополитике: историко-правовые аспекты 141

Философия

Гуров О.Н. Космос, хаос и посредник: структура древних космологических представлений и архитектура цифровых сред 150
Абрамов П.Д. Принцип нисходящей ментальной каузальности в диалоге когнитивной науки и буддизма 163
Горбунов М.Д. Аналитическая философия о политическом измерении нормативного регулирования..... 171

Юбилейное

Филипповский Г.Ю. Поэт-филолог (к юбилею Александра Кушнера) 178
Комиссаров В.В., Юркин Н.Г. Журналу «Интеллигенция и мир» четверть века 188

CONTENTS

Philology

Literary criticism

Pavlovskaya O.A. K. Sluchevsky's work "Eloa": features of the lyric-dramatic form 5

Tyuleneva E.M. The comic in the plastic poetics of A. Nik 13

Kharitonov O.S. The poetics of metonymy in the lyrics of Yu. Shevchuk 23

Bochatskaya A.A. "Echelon to Samarkand" by G. Yakhina and traditions of the historical novel 31

Gorelov O.S., Platonova M.A. The media and linguistic aspects of performativity in poetic text (on the example of poem "the right time…" by E. Zaytsev) 43

Biktimirov V.E. Paradise Lost and Regained: interpreting the Old Testament plot in P. Hacks's play "Adam und Eva" 53

Zharova E.M. Symbolism of snow in the novels "Snow" by Orhan Pamuk and "We Do Not Part" by Han Kang 62

Ovtcharenko A.Yu., Shishlakov I.P. Typological models of women's war narratives: authorial position and the poetics of documentary testimony 68

Linguistics

Kuzmina M.Yu. Animal imagery as a means of articulating "grief" and "despair" in metaphorical narrative 77

Rozhkova T.V. Semantic derivation of directional verbs: cognitive and functional aspects 83

Lan Hao. Translation of the "Huangdi Neijing" into Russian: mechanisms of transformation and conceptual metaphor 95

History

Novikova O.V. Comprehensive archaeological study of the Galich Lake vicinity by the Kostroma regional branch of the Russian Geographical Society: results of a decade and future prospects 112

Uriadova A.V. Air defense of the Yaroslavl Region during the Great Patriotic War (1944—1945) 121

Grebennik M.V. Childcare on the pages of regional newspapers of the Upper Volga during the Great Patriotic War 132

Isaeva N.V. Norms of international law in the legal system of the Russian Federation in a changing geopolitics: historical and legal aspects 141

Philosophy

Gurov O.N. Cosmos, chaos, and the mediator: the structure of ancient cosmological conceptions and the architecture of digital environments 150

Abramov P.D. The principle of descending mental causality in the dialogue of science and Buddhism 163

Gorbunov M.D. Analytical philosophy on the political dimension of statutory regulation 171

Anniversary

Philippovsky G.Yu. A poet-philologist (to the anniversary of Alexander Kushner) 178

Komissarov V.V., Yurkin N.G. Quarter century of "Intelligentsia and the World" journal 188

ФИЛОЛОГИЯ

PHILOLOGY

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

LITERARY CRITICISM

Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2026. Специальный выпуск. С. 5—12.
Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Special issue. P. 5—12.

Научная статья
УДК 821.112.2.09-2:82.091
EDN https://elibrary.ru/whjtkw
DOI: 10.46726/H.2026.5.1

ПРОИЗВЕДЕНИЕ К. СЛУЧЕВСКОГО «ЭЛОА»: ОСОБЕННОСТИ ЛИРИКО-ДРАМАТИЧЕСКОЙ ФОРМЫ

Ольга Алексеевна Павловская
Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,
pavlovskaya32@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы поэтики произведения К. Случевского «Элоа». Интерес Случевского к апокрифическому преданию (спасение Сатаны от слезы невинной девы) был обусловлен повышенным драматизмом эпохи 1880-х годов, поисками ответов на вызовы времени, связанные с историческими и духовными сдвигами. В художественной интерпретации сюжета поэт опирается на традиции Лермонтова (поэмы «Азраил» и «Демон»), предлагает оригинальный опыт творческой трансформации. Автор статьи рассматривает изменение структуры романтического образа Сатаны — через усиление инвективного слова героя, усложнения карнавального проявления (прием масок), психологических перевоплощений, способов манипуляций; в образе Элоа наблюдается перекодировка с точки зрения символической поэтики, нарастание психологического проявления и роли героини в развитии драматического действия. В статье выявляются причины и исследуются механизмы формирования структуры лирической драмы Случевского, в первую очередь за счет включения мистерии как опыта творческого воплощения апокрифического предания. На примере лирической драмы К. Случевского «Элоа» можно говорить о проявлении основных тенденций поэтической эпохи, связанных с созданием синтезных — гибридных — жанровых форм, способных более полно выразить противоречия и драматическую глубину времени, а также обладающих новыми возможностями воздействия на читателя.

Ключевые слова: лирическая драма, мистерия, романтический образ, драматизация лирики

Для цитирования: Павловская О.А. Произведение К. Случевского «Элоа»: особенности лирико-драматической формы // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Специальный выпуск. С. 5—12.

© Павловская О.А., 2026

Произведение К. Случевского «Элоа» (1883) и по сей день остается одним из самых загадочных творений автора: продолжаются размышления об идее и сути сюжета, о неоднозначности творческой интерпретации онтологических мотивов и образов, о возможном включении текста в разные культурно-исторические контексты и т. д. При этом, казалось, вполне очевиден один из ключей расшифровки произведения 1880-х годов — лермонтовская аллюзия:

С тех пор, как прикоснулся я к Тамаре
И с нею в небо ангела пустил,
Мне женщины не по сердцу бывали…
Теперь сдается…
Вдали снова проносится Элоа.
Вот она опять! (367—368)*

Мотив *припоминания*, звучащий как одно из откровений Сатаны, является своего рода символом времени, знаком трагического мироощущения человека 1880-х годов, вынужденного осознать трагическую повторяемость исторических событий и непреодолимость бытийного конфликта Добра и Зла. Одновременно подобная разомкнутость произведения Случевского в широкие литературные параллели — русские и западноевропейские — может быть следствием и такой особенности художественных исканий русских поэтов 1880-х годов, как реминисцентная и аллюзийная основа. На волне неоромантизма литераторы переходной эпохи по-своему возвращали имена Пушкина, Лермонтова в активный литературный процесс, сопрягали собственные открытия с творениями русских гениев.

Для современников Случевского связь этого произведения с творчеством Лермонтова тоже не осталась незамеченной. Из «Дневника 1891—1910» В. Брюсова: «Бальмонт... подсел к нему и стал его восхвалять: “У вас есть великие вещи, вы сами не подозреваете, что вы создали. Вот мы читали “Элоа”, и Брюсов сказал: “Да! Это не Лермонтов!” Случевский покраснел, заволновался, потерялся, не зная, что говорить. Я уже должен был вмешаться и объяснить, что действительно всё это замечательно. “Просто демон нынешних дней умнее”, — сказал Случевский, и он прав» [Федоров: 48].

При этом сюжетно-мотивный комплекс драмы Случевского — установка на спасение Сатаны от слезы невинной девы — вполне позволяет соотнести драму «Элоа» с ранней, также незавершенной поэмой Лермонтова «Азраил» (1831):

Она слезу уронит надо мной,
Смягчит творца молитвой молодой,
Поймет меня, поймет мои мечты
И скажет: как велик, как жалок ты [Лермонтов: 125];

Ведь дочери людские, так бывало,
Сходились с ангелами, а она —
От человечества, она — слеза! (368).

Однако текстовые параллели позволяют обнаружить и линии трансформации сюжетного плана: так женский образ в драме Случевского перекодирован

* Здесь и далее цитируется издание: [Случевский] — с указанием номера страницы в скобках.

в символический план (Элоа бесплотна), тогда как Сатана памятью возвращается к земной юдоли, грезит мечтой о соединении с реальной женщиной.

Традиция романтической поэмы, значимая для поэтики раннего произведения Лермонтова [Павловская: 140], переосмыслена в поэзии 1880-х годов. Если в произведении Лермонтова сценография основана на элементах романтического пейзажа, то в произведении Случевского событийный антураж максимально абстрагирован, символические образы сформированы цветовыми и контрастными обозначениями: «*Дикая местность у преддверия ада. Толпы неясных теней тянутся к красному свету*» (364). При этом Случевский не отказывается от романтического соотношения пейзажа и героя, но традиционную взаимосвязь переносит в гностическую теорию: сферой обитания, средой для Сатаны является мир природы:

Туман холодный вьется, выползая,
И бесполезно глупо тратит влажность,
И в странных образах везде снует…
И он во мне, должно быть, князя чует,
Так льнет, так ластится! (365).

Случевский по-своему решает вопрос о гармоническом соответствии природы и человека: героя сопровождает природный дуплетный образ — туман (он подобен Сатане, вторит его поведению), который подчеркивает раздвоенность героя.

Визуализация женского образа и под пером Лермонтова, и под пером Случевского включает портретные детали:

Тебе не страшно длинные ресницы
Прелестных глаз и брови опалить?
Лазурный блеск твоих роскошных крыльев,
Он пострадает в отблеске багровом,
Так ярко окаймляющем меня? (369);

Но для чего печальна и бледна?
Венок пестреет над ее челом,
Играет солнце медленным лучом
На белых персях, на ее кудрях… [Лермонтов: 126].

Однако призрак Элоа — романтическая мечта, греза Сатаны. Наделенный художественным воображением наравне с Творцом (гностическая модель), Сатана сам творит свой идеал, именно поэтому романтическая приподнятость женского образа в драме Случевского подчеркнута цветовой символикой («лазурный блеск» — семантическое поле иконографической традиции Богородицы). Любопытно, что греза Сатаны лишена гармоничности, и в мечтах героя наблюдается конфликтное столкновение «лазурного блеска» и «отблеска багряного», как противостояние Добра и Зла. При этом романтизация героини в поэме Лермонтова сохраняет код другой эпохи, овеянной мечтами о гармонии и эстетическом идеале дворянской культуры, что передается в особых стилистических приемах: элегическая доминанта образа сопровождается контрастами; «венок», «белые перси», «кудри» — знаки идеального начала.

Романтические установки в разработке образа Сатаны не ограничиваются его художественными мечтами, уже в завязке драмы проявляется особая звуковая восприимчивость героя: «Какое пенье?». В репрезентации князя тьмы акцентируется беспощадная, резкая эмоция: «Какое пенье? Как не на работе /

И до сих пор не на своих местах?» (364). И лишь через строку разворачивается императивная интенция, обращенная к теням, о необходимости стремительного действия. Рассуждения Сатаны подчинены строгой логике, убедительны. Более того, рационализм Сатаны становится стратегией взаимодействия с миром: инструмент воздействия на окружение (Молох, Тени), подчинения и управления. Однако исторический подтекст диалога Сатаны и Молоха не только восстанавливает объем злодеяний первого («Уж не порадоваться ль новой брани»), но и обозначает наступившие перемены («То было делом увлечений ранних») — от рационального к интуиции. Более того, именно такое настоящее требует новых, более изощренных способов проявления князя тьмы, обращенных к художественному сознанию и духовным сферам. Централизации образа способствует его изоморфность, благодаря чему выражается идея неизбывности зла в разные эпохи, герой словно подстраивается под ситуацию века нынешнего, надевает романтическую маску, характерную для эпохи интуиций и художественных исканий, маску недосказанности и недовыраженности: «В речах не точен, и к слугам твоим / Твои веленья часто непонятны…» (365).

Романтический герой от интенций переходит в чувственную сферу, образ становится пластичным, эмоционально смягчается, более того, меняется его мировидение — если в начале Сатана управляет тенями, то теперь он ищет взаимного чувства и как подлинный художник способен на персонификацию своего переживания — выделяет из призраков Элоа. Но при этом Сатана сохраняет свою сущность: под маской романтического героя изощренное зло находит новые способы подчинения окружающих — ложь, и это действенный инструмент для таких чистых натур, как Элоа. Принятое Сатаной обличье капуцина вызывает доверие у героини, располагает к беседе и становится коротким путем для очередного торжества зла. Однако Случевский, как и Лермонтов, вводит неожиданную развязку любовной истории: в поэме Лермонтова героиня ссылается на решение матери о браке с другим, Случевский же делает акцент на бесплотности Элоа — призрак исчезает. Но в сюжете о Сатане такая развязка — еще один толчок для всплеска романтических эмоций:

Вспылал мой ум ужасной жаждой!
И как растопленный металл,
Бежит во мне по жиле каждой
Зловещий грохот всех начал! (381).

Герой, как и в начале драмы, испытывает негодование, эмоциональное потрясение, перерастающее в развернутые сентенции о времени. Произведение Случевского, в отличие от поэмы Лермонтова, называется по имени героини. В этом, на наш взгляд, проявляется авторское намерение найти художественный маркер эпохи и одновременно — ужасающего проявления Сатаны.

В сложной жанровой природе этого произведения соединяются разные традиции: так приемы романтической поэмы актуализируют линию романтического героя-индивидуалиста, драма в стихах заостряет внимание на драматичной любовной истории, традиция мистерии акцентирует противостояние Добра и Зла как вечный конфликт, а также заставляет задуматься о несостоятельности попытки преодолеть природное зло. Подзаголовок «*апокрифическое предание*», данный самим автором к произведению, заставляет избегать

однозначных толкований жанровой природы текста и в то же время нацеливает на неканоничность, нетрафаретность авторских художественных решений.

Обратим внимание, что по своей природе Элоа — призрак (в поэме Лермонтова Дева — реальный человек). В состоянии мечты Сатана воспринимает мир чувственно и ощущает присутствие Элоа. Женский образ является продолжением мечты Сатаны («Жаль, что только призрак! / Таких могу я натворить без счета, / Она сама — совсем, совсем не то! / В ней сущность есть, и сущность та — печаль»). По правилам драмы, он вызывает героиню на сцену («Она в лазури скрылась, / А разглядеть ее поближе нужно. / Явись, Элоа!») и даже живописует ее:

> Да, поглядишь — роскошное созданье!
> Не вывелись на небе мастера,
> Художники красивых воплощений!
> Какой прелестный строй роскошных линий! (367).

Заметим, что Сатана как романтический герой наделяет созданный воображением идеал важной для него сущностью — печалью, тем самым уже привязывает героиню к себе. Однако автор трансформирует канон романтической поэмы: Элоа, подобно лермонтовской героине, откликается на влечения Сатаны, обретает линию психологического поведения, но и участвует в создании драматического конфликта.

Именно в призрачной природе Элоа — развязка новой романтической истории, невозможность исполнить предначертанное ей преданием действо: «Когда его бессмертная полюбит / И, правду видя в лжи, обманет ложь…».

Жанровый подзаголовок к драме Случевского — «апокрифическое предание» — проясняет суть образа: Элоа предначертана миссия христианского спасения мира из лжи. Но образ вызван к бытию Сатаной, причем обманным способом — через его актерское перевоплощение, что и предрекает несостоятельность миссии и, как следствие, нарастание силы Сатаны.

Апокрифическое предание как текст задает свое сюжетное пространство, благодаря чему структура произведения Случевского становится многоуровневой. Централизации мистериального сюжета способствует смена декораций («*Яркий солнечный день. Монастырь в развалинах*»), переодевание Сатаны (капуцин с кропилом в руке), появление новых образов (умерший священник) и участников массового плана (монахи, хор только что умерших людей). Включение мистерии — сценической формы с религиозным содержанием — в пространство лирической драмы способствует обособлению образа заглавной героини: из призрачного существа Элоа превращается в героиню, склонную к саморефлексии:

> Зачем господь в предвиденье великом
> Мне, дочери мгновенья, дал бессмертье?
> <…>
> Зачем, любя творца всем существом,
> Близ князя мрака — я вполне спокойна?
> В вопросах этих вовсе не сомненье —
> Исканье богом избранных путей… (370).

Вполне очевидно, в соответствии с мистериальной традицией, в Элоа актуализируется божественная сущность, поэтому органичной сферой проявления героини становится заброшенный монастырь и кладбище: именно здесь Элоа обретает смысл своего появления в мире — восстановление мира, воскрешение

душ. Но высокая интуиция героини влечет ее к большей определенности, требует конкретного поступка, в том числе ради близкого через самопожертвование. Примечательно, что Элоа сохраняет чистоту своих помыслов, ни на миг не забывая о Сатане. Узы любви, хоть и обманной, направляют психологическое поведение Элоа, подталкивают героиню к молитвенному обращению к Богу: «Сомненья так сильны… и раны так глубоки… / Живого места нет… Помилуй духа тьмы!» (379). Слова Элоа выполняют функцию вызова героя на сцену, мистериальный сюжет резко сменяется лирико-драматической коллизией: Сатана воспринимает воззвания героини как шаг навстречу: «Из недр земли, из всех земных печалей, / Я поднялся к тебе навстречу…» (379).

Значимым приемом в воплощении мистериального сюжета являются звуковые и свето-цветовые образы. Так колокольный звон обозначает новое сюжетное пространство — «*монастырь в развалинах*», но и возвещает о перевоплощении участника действия: князь тьмы предстает «в виде капуцина», при этом звуковая доминанта мистерии вступает в противоречие с местом, и это в первую очередь замечает Элоа: «Скажи: я думала, что монастырской / Службы нет? Упразднена обитель / За старый грех...» (372). Элоа попадает в сети Сатаны, оказывается в пространстве, смоделированном князем тьмы, для реализации своего плана возвращения на небо («Загадка истины о том, как будет / Сам сатана на небо возвращен…»).

Искусное перевоплощение князя тьмы рассчитано на неискушенную Элоа: капуцин под колокольный звон окропляет святое место, тем самым творит память по умершим и укрепляет надежду в Элоа на воскрешение и прощение. Конфликтная основа мистерии — столкновение Добра и Зла — обозначена в хоровом образе «только что умерших» и «умершего священника». Именно хор вторит звону колокола и усиливает своим движением его музыкальную стройность:

Что гудит каким-то звоном?
Что живит погасший слух?
Мы несемся небосклоном,
Нам захватывает дух… (375).

Но именно хор умерших, приобщенных к небесной сфере и наделенных высокой интуицией, видит вторжение сатаны в сакральное пространство и нарастающим движением об этом подает сигналы. Образ небесной «великой бури» является знаком столкновения зла и духовной силы. Сатана стремится избавиться от этих душ:

Стойте ж вы! Куда спешите?
Дайте вас поразобрать!
Уменьшу я цифру в свите,
Если должное мне взять… (377).

Умерший священник, включившийся в противостояние князю тьмы, является знаком персонификации его врагов. Для Сатаны это главная мишень, ибо священник первым вступает на поле битвы. Заметим, что священником Сатана может быть разоблачен («митрой венчан» — знак Божественного присутствия в герое), но это и очередная удобная для манипуляций маска… Следовательно, оснований для истребления священника достаточно много: Сатана расчищает пространство для своего волеизъявления.

Хоровая партия, как и колокольный звон, придают мистерии объемность, одновременно, подобно звуковой волне, усиливают развитие мистериального сюжета (подготавливают развязку), сообщают драматическому действию легкость и динамичность (хоровым проявлением наделены души, воздушные существа).

Структурному вычленению мистерии способствуют цвето-световые эффекты: все мистериальные сцены освещены солнцем. Заметим, что солнечно-багряный цвет сопровождает и образ Сатаны. Подобная соотнесенность служит предостережением о распространении зла и является эсхатологическим предзнаменованием конца мира: «…Пока, перед концом, / Я, с трубным гласом вперемежку, / Вдруг разыграюсь трепаком…» (381).

Именно финальная инвектива Сатаны, подготовленная драматической развязкой несостоявшегося намерения, является наиболее выразительной для понимания сути художественного образа: Сатана не просто бросает вызов веку, но это глумление, выразительность которого обусловлена синтезностью словесных культур: проповедническая интонация и стилистические (словесные) формулы религиозно-обрядового действия («Смех… стоны… муки… им в насмешку, / Вовек!..») соединяются с элементами народного площадного танца и праздника («Вдруг разыграюсь трепаком»). Финальный монолог Сатаны демонстрирует объем и масштаб присутствующего в мире зла, слово наполнено энергией действия. Лирическая драма Случевского имеет открытый финал: князь тьмы полон решимости действовать, аккумулирует энергию несостоявшегося добра, устремлен в будущее. И в этом дерзость художественного опыта русского поэта 1880-х годов.

В целом можно сказать, что творческий опыт К. Случевского отражает такие важные тенденции поэтической эпохи, как динамика жанров, включающая линии синтезирования и одновременно трансформации романтических структур разной родовой природы, и прежде всего лирики и драмы. Художественная практика К. Случевского, как и поэтические искания его современников — К. Фофанова, С. Надсона, К. Романова и других, нацелена и на открытия литераторов романтической эпохи 1820—30-х годов, в частности, М. Лермонтова, и в то же время успешно трансформирует эти поэтические приемы, благодаря чему творчество автора последней трети XIX века приобретает оригинальность и самобытность.

Список источников

Лермонтов М.Ю. Сочинения: в 6 т. Т. 3. Поэмы 1828—1834 / ред. Б.В. Томашевский. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1955. 328 с.

Случевский К.К. Элоа // Случевский К.К. Стихотворения и поэмы / подг. текста, вст. статья и примеч. А.В. Федорова. М.; Л.: Советский писатель, 1962. 468 с.

Список литературы / *References*

Павловская О.А. «Азраил» М.Ю. Лермонтова как поэма-мистерия // Лермонтовские чтения—2014: сборник статей. СПб.: Лики России, 2015. С. 140—148.

(Pavlovskaya O.A. “Azrael” by M.Yu. Lermontov as a mystery poem, *Lermontov Readings—2014: collection of articles*, Saint Petersburg, 2015, pp. 140—148. — In Russ.)

Федоров А.В. Поэтическое творчество К.К. Случевского // Случевский К.К. Стихотворения и поэмы / подг. текста, вст. статья и примеч. А.В. Федорова. М.; Л.: Советский писатель, 1962. С. 5—52.

(Fedorov A.V. The poetic work of K.K. Sluchevsky, *Sluchevsky K.K. Poems and Poetic Works*, Moscow; Leningrad, 1962, pp. 5—52. — In Russ.)

K. SLUCHEVSKY'S WORK "ELOA": FEATURES OF THE LYRIC-DRAMATIC FORM

Olga A. Pavlovskaya
Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, pavlovskaya32@yandex.ru

Abstract. The article discusses the poetics of K. Sluchevsky's work "Eloa". Sluchevsky's interest to apocryphal legend (salvation of Satan from the tears of an innocent virgin) was caused by the increased dramatic nature of the 1880s era, the search for answers to the challenges of the time caused by historical and spiritual shifts. In the artistic interpretation of the plot, the poet draws on the traditions of Lermontov (the poems "Azrael" and "The Demon"), offers an original experience of creative transformation. The author of the article examines the structure of Satan's romantic image transformation — through the intensification of the hero's invective language, the complication of carnivalesque manifestations (the use of masks), psychological transformations, and methods of manipulation. A re-encoding in the image of Eloa is observed from the perspective of symbolic poetics, an increase in psychological manifestation, and the role of the heroine in the development of the dramatic action. The article identifies the causes and examines the mechanisms shaping the structure of Sluchevsky's lyrical drama. First and foremost, this is due to the inclusion of mystery as an experience of creative embodiment of apocryphal tradition. Using K. Sluchevsky's lyrical drama "Eloa" as an example, one can speak of the manifestation of the main trends of the poetic era, which are associated with the creation of synthetic — hybrid — genre forms capable of more fully expressing the contradictions and dramatic depth of the time, as well as possessing new possibilities for influencing the reader.

Keywords: lyrical drama, mystery, romantic image, dramatization of lyric poetry

For citation: Pavlovskaya O.A. K. Sluchevsky's work "Eloa": features of the lyric-dramatic form, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2026, Special issue, pp. 5—12.

Статья поступила в редакцию 14.08.2026; одобрена после рецензирования 18.09.2026; принята к публикации 25.09.2026.

The article was submitted 14.08.2026; approved after reviewing 18.09.2026; accepted for publication 25.09.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Павловская Ольга Алексеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры отечественной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, pavlovskaya32@yandex.ru, SPIN: 5499-1469

Pavlovskaya Olga Alekseevna — Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of the Department of Russian Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, pavlovskaya32@yandex.ru

Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2026. Специальный выпуск. С. 13—22.
Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Special issue. P. 13—22.

Научная статья
УДК 821.161.1.09-1:7.038.54
EDN https://elibrary.ru/fwhzfj
DOI: 10.46726/H.2026.5.2

КОМИЧЕСКОЕ В ПЛАСТИЧЕСКОЙ ПОЭТИКЕ А. НИКА

Елена Михайловна Тюленева
Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, talen@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению смехового начала в поэтике А. Ника (Николая Аксельрода) — поэта, прозаика, художника-графика и коллажиста, представителя ленинградской неофициальной литературы. Предполагается, что специфическая оптика художника и пластическое мышление, свойственное А. Нику, будут проявляться не только в его визуальных проектах, но и поэтических текстах. Заход в проблему комического связывается с принципиальной для поэта проблемой идентификации и стирающейся субъектности, определяющей интерес к пластической работе с формой, представляющей или замещающей субъекта. В поэтических текстах условно дографического периода творчества А. Ника наблюдается разного рода деформация, расщепление, атомизация, деструкция, инвазия формы, порождающая смеховые эффекты параллельно с вербальным комизмом или независимо от него. Выявляются пластические механизмы формирования комического: формальный диссонанс финального элемента текста с основным; визуальное обрушение предшествующей архитектуры стиха; несовпадение или подмена формы/формата; разминание формы, в том числе языковой; насыщение текста внешне непроявленными, симулятивными объектами; пластический аналитизм, визуализирующий контраст большого и малого либо генерирующий оксюморонное смешение форм; материализация и овеществление текстовых элементов, превращение их в узор, рисунок, оптическую иллюзию; формирование из элементов текста аллюзивных гротесковых визуальных образов; обнажение физических разломов текста, в том числе вскрывающих ритуально-смеховые формы; пластический каламбур, демонстрирующий игру форм; карнавальный ритм, формируемый графикой текста, и другие.

Ключевые слова: А. Ник, Николай Аксельрод, ленинградская неофициальная литература, пластическое мышление, пластика смеха, комическое

Для цитирования: Тюленева Е.М. Комическое в пластической поэтике А. Ника // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Специальный выпуск. С. 13—22.

Присутствие комического начала в ленинградской неофициальной литературе хорошо известно — во многом это некая специфицирующая его черта, в том числе отличающая и от московского андеграунда: здесь и традиции обэриутов, и влияние петербургского текста, формирующего интеллектуальный трагикомизм и эстетизм формы (заумь, метафизический абсурд, сюрреализм), и установка на условный ретромодернизм с сохранением философского и поэтического внутри стиха, а соответственно, рефлексирующей субъектности и (нео)романтической иронии, и отчетливый акцент на высокой провинциальности — контрасте масштабов прошлого и настоящего с его

© Тюленева Е.М., 2026

низовым бытом (телесный гротеск, черный юмор, мрачность городского фольклора). Отдельный интерес представляют характерные способы создания этого комизма или работы с ним, позволяющие проявить как общие механизмы, так и индивидуальные авторские стили. В этом смысле продуктивной оказывается пластическая сторона комического, которая активно разрабатывается поэтами-художниками, фотографами, перформансистами «второй культуры».

А. Ник (Николай Аксельрод), о котором пойдет речь, — профессиональный фотограф, но гораздо важнее, видимо, органическое пластическое мышление, свойственное ему, поскольку именно специфическая оптика художника и художническое взаимодействие с поэтическим текстом отчетливо выражены у него задолго до перехода к коллажированию и абстрактной графике. Вот на этом, собственно текстовом, периоде творчества А. Ника мы и остановимся, чтобы проявить если не пластическую природу смеха, то пластические способы реализации комического в литературном тексте. Намеренно не возьмем его визуальные, фигурные и макаронические стихи, где пластическая форма наглядна, а попробуем показать ее присутствие в формате стертой визуальности.

Присутствие смехового начала П. Казарновский наблюдает уже в первой самиздатовской книге А. Ника «первая. книга. стихов» (1974), собранной В. Эрлем, отмечая сардонический смех как характерную черту авторской поэтики, наряду с брутальностью, жестким алогизмом и малой формой текста [Казарновский 2017]. Здесь же он говорит и об устойчивом приеме басенной финальной афористичности текстов А. Ника, в которой, однако, «мораль» намеренно опустошается, максимально расходясь с сюжетной частью и представая в обессмысленном, гротескном и абсурдном виде. В этом контексте истоки гротесково-абсурдистской поэтики А. Ника обнаруживаются еще и в свойственном многим представителям Малой Садовой интересе к сатирическим опытам баснописцев XVIII века. При этом, подчеркивает П. Казарновский, басенные установки у А. Ника трансформируются: акцент смещается с человеческих пороков на сами жанровые особенности басни, именно они подвергаются абсурдизации — так «алогизмом преодолевается консервативность басни» [Там же].

Важный для нас момент: с работы над жанром начинается работа с формой — басенный финал сначала деконструируется, а затем и сепарируется, становясь автономным и частотным элементом текста, уже только формально — своей итоговостью — сохраняющим связь с «моралью». И именно здесь у А. Ника, как правило, обнаруживается комический эффект: в заключительных фразах/строках, которые обрушивают всю предшествующую архитектуру стиха.

Ни директор школы,
Ни завуч,
Ни завхоз,
Ни преподаватели
Ни сами ученики

Не подозревали! [А. Ник 2026]

Отбивка последней строки, впрочем, необязательная у А. Ника, обнажает графику текста появлением новой фигуры или черты (восклицательный знак) после монотонной, умножающейся серии одинаковых, стандартно

каталогизированных форм. Ирония, возникающая контекстуально, из исторического или стилистического опыта, поддерживается простым пластическим жестом формального несовпадения — подмены формы/формата, который работает бессознательно, а потому быстрее, чем семантизированные контексты, и экспансивнее (смешна сама внезапная неуместность). В результате уходит жесткая привязка к одному семантическому полю, предмет «неподозревания» расширяется, приобретает затекстовые формы новых визуализаций — текст прирастает невидимыми, но гипотетическими объектами-сюжетами, которые обязательно порождает потенциально насыщенная пустота/белизна холста (в нашем случае отбивка строки). Непроявленность, симулятивное присутствие этих объектов-причин, добавляющие элемент хоррора, выводят комизм стилистического несовпадения в плоскость карнавального смеха, соединяющего смешное со страшным[1].

Работа с финальным элементом текста и его традиционно резюмирующей, риторической функцией видится неслучайной и связанной с основной проблемой творческих размышлений А. Ника — проблемой авторского или субъектного голоса. П. Казарновский подробно показывает, как (не) происходит самоидентификация и усложняется формат этого голоса, формируется отстранение от субъектности (в том числе через использование масок — «ироника, созерцателя, простака»), становясь характерным и узнаваемым свойством поэтики [Казарновский 2012]. Здесь нам видится еще одна возможная точка захода в смеховое поле А. Ника: выведение как авторского, так и лирического высказывания за пределы текста закономерно будет сопровождаться одной из характерных процедур — остранением, опустошением, подменой, дискредитацией и т. п., что вполне логично производится через формы комического. Но с другой стороны, именно эта работа над идентификацией порождает пластическую реакцию тела: оно начинает подвергаться деформации, разминанию, расщеплению, атомизации, деструкции, инвазии… Программное «Руки мои и ноги, / Нос и голова: / Части моего тела, / Части моего я» [Трансфуристы: 147] отзывается в самом псевдониме «А. Ник» — это уже пластический жест: карнавальное урезание имени Николай Аксельрод, формальное опустошение или превращение в чистую самодостаточную форму, минимальный языковой знак (к слову, сейчас получающий дополнительную коннотацию созвучием с ником-именем в цифровой среде, тоже часто симулятивным или стертым). И это уже не только имя, это объем, визуальная структура — объект на листе бумаги, который поэт предъявляет миру вместо себя. Сходным образом строится и комбинация *А. Ник «Доты»* — цикл миниатюр-анекдотов от А. Ника, опубликованный К. Кузьминским в антологии «У Голубой Лагуны» [А. Ник 1998]. Здесь пластическое дробление и искажение слова «анекдоты» снова, как и с басней, удачно работает на остранение

[1] Нельзя пройти и мимо замечательной «Басни» о Васильевне, которую рассматривает П. Казарновский [Казарновский 2017]:

— Васильевна! Давно тебя не видел.
Откуда и куда? Какими здесь судьбами
ты очутилась?
— Я не Васильевна, — ответила она сердито, —
а смерть!
— Прости меня тогда, — опешил я и наутек пустился.

Мораль проста: Васильевны остерегайтесь!

жанра, обнажая комическое еще до появления самого комического — собственно анекдотов.

Подобные пластические трансформации условного «субъектного тела», сопровождающиеся комическим или гротесковым эффектом, множатся, свидетельствуя об устойчивости как самой проблемы, так и способа ее осознания/выражения.

Я — ТО
ХЕ — ХЕ
Я

[Трансфуристы: 148]

Обналичивающийся, фактуризирующийся смех — смешок (ХЕ — ХЕ) — встает физическим клином между субъектом (Я) и его самоидентификацией (Я — ТО или Я-то, в некоторых издательских версиях встречается такой вариант [А. Ник 2026], кажется, более точный семантически, но для поэта неудобный графически[2]). Причем этот клин начинает расширяться и увеличивать разлом, графически притягивая к себе «ТО», а также линии тире и пуст*о*ты пробелов между ними. Формируется визуально-филологический пластический аналитизм: фраза раскладывается на микрочастицы, разнородные иконически (Я, ТО, ХЕ) и морфологически (местоимение, местоимение/частица, междометие), и они начинают существовать как отдельные пространственные блоки, не столько семантически, сколько визуально корреспондируя. И даже неоднозначность прочтения, в целом обязательная у А. Ника: Я — ТО или Я-то; ХЕ — ХЕ или в другом варианте хе, хе — почти материализуется, семантизация мерцает, то проявляясь, то исчезая, то улавливаясь, то рассыпаясь[3]. Этот механизм родственен художественному аналитизму П. Филонова, исследующему объект в процессе внутреннего прорастания и деления клеток. А. Ник применяет подобный метод к тексту и человеческому телу:

Тело на тело
Язык на язык
Живет еще в Праге
Писатель А. Ник.
Хоть и зарыто
Сердце в земле
Печень и почки
Еще не на дне. [А. Ник 2011]

Субъект превращается в собрание автономных элементов — утрированный анатомический театр. Этот черный юмор горек, но вместе с тем нарастание графичности, рубленности акцентирует не только самодостаточные объекты, но и границы между ними — то есть некую сеть, узор визуальных пятен, то самое бесконечное филоновское межэлементное прорастание. Поэтому именно генеративной видится финальная визуальная иллюстрация метафоры неизношенности печени и почек, физической органики тела: «печень и почки» отталкиваются от «дна»/последней строки, наглядно всплывая, поднимаясь, оживая в этом движении. Так пластика текста, вновь сгущаясь к концу,

[2] Впрочем, наблюдения за самиздатовской машинописью показывают, что дефисы очень часто отрываются от слов без дополнительного визуального эффекта.

[3] В более широком плане об устойчивой амбивалентности и образа, и высказывания у А. Ника, бесконечном поле возникающих смыслов и их *вибрации* как характерном свойстве поэтики А. Ника говорит П. Казарновский [Казарновский 2024].

деконструирует другой известный финальный конструкт, делая ставку на смех: все это было бы грустно, когда бы не было так смешно.

Представление тела деформированным, атомированным, разобранным на органы и элементы, жесты и метонимизирующие фрагменты формирует гротесковый образ, склоняющий нас к босховским сардоническим ассоциациям:

> Эмбрион с распущенными волосами,
> Держащий в руках охапку дров
> И говорящий на языке майя,
> С высунутым фиолетовым языком
> Рвался из заспиртованного состояния
> На волю,
> Как рвется цветная собака с цепи.
> Однако экскурсанты проходили мимо
> И не замечали страданий юного Вертера [Трансфуристы: 164].

Но вновь последние строки обращают гротеск в бурлеск или трагикомедию. Однако интереснее другое — своеобразное разминание комического через разминание формы. В центре текста изначально бесформенный биологический объект, который начинает прописываться, визуально собираться из случайно найденных, почти механически добавленных пластических деталей разного объема, функционала и цвета. Их несоответствие друг другу карикатурно. Вместе с тем этой кипящей форме в условном центре холста по композиционной необходимости нужно окружение, фон, и, словно матрешка, она помещается внутрь б*о*льшего объема, с точки зрения семантики замкнутого, агрессивного, статичного (условная колба, витрина). Но с точки зрения пластики — обрамляющего, композиционно оформляющего, гармонизирующего пространство с находящимися внутри мерцающими оптическими пятнами. Именно перенасыщенность и разнородность последних взрывает холст изнутри, конфликтуя с гармонией как формой. Это несоответствие уже другого рода, оно эксцентрично по форме и противоречит здравому смыслу по содержанию (цветная собака рвется с цепи). Здесь на разломе возникает ритуальный, лиминальный смех, долженствующий сопровождать переход в иное пространство — отсюда выламывающаяся короткая строка «На волю». Овеществляется, визуально предъявляется исходный пластический инициационный протоконфликт формы и содержания, который и создает движение смеховых стадий внутри текста: от гротескного эмбриона через балаганный комизм цветной собаки к пародированию романтической иронии, вызванной появлением юного Вертера. Так яркий финальный комический эффект оказывается подготовлен (размят) всем текстом.

Комическому пластическому разминанию подвергаются формы, которые способны уловить (или поймать) субъекта, и в первую очередь языковые: голос, как и маска, — типичный его представитель-заместитель. Такой языковой формой часто выступает у А. Ника идиоматическая и, соответственно, стертая фраза — любая трансформация ее, по определению, сопровождается смехом.

> и я не я
> и лошадь не моя
> телега не моя
> корова не моя
> коза чужая
> всех куриц вор унес [Трансфуристы: 150]

Опустошение «Я» поддерживается ироническим опустошением поговорки через овеществление непричастности как необладания. Текст и графически строится на оптической градации: распадении по строчкам и исчезновении визуальных объемов: лошадь — телега — корова — коза — курица. «Я» тоже постепенно меняет форму до полного стирания: *я* — не *я* — не мо*я* — чуж*ая* — вор унес. Мир вокруг и изображение расширяются до сюжета (вор унес), заполняя условный холст, но и ослабляя присутствие «Я», уменьшающееся за этими объемами. Немотивированное разбухание этих объемов, как каши в сказочном горшке, вызывает еще досмысловой, витальный смех, откликающийся на переизбыток жизненной энергии.

Интересен и исходный пластический нюанс: в идиому привносится дополнительный начальный элемент «и», открывающий текст и отказывающий форме «Я» даже в исходной фокальности («и я…»). Но при этом он же, отзываясь в следующем анафорическом «и», задает ритмический рисунок, остраняет «лошадь», придавая ей узнаваемый объем и порождая цепную реакцию возникновения следующих объектов-объемов. Так проявлением-визуализацией стертых за идиоматикой форм запускается радость узнавания, а последовательным их умножением повышается ее градус, до нового поворота — в том числе и графического (последняя неформатная строка), выводящего на новый смеховой виток.

Особым способом разминания формы предстает пластическое насилие над ней — своеобразный авангардный жест опустошения формы для обнуления содержания. Так, к примеру, А. Ник работает с бальмонтовской манифестацией «Будем как солнце»:

Будем
Будем звуками звучать,
Верх тормашками торчать,
Сабли острые глотать,
А из жопы вынимать патефон.

Как
Как из шума сделать шум,
Из рублевки миллион,
Из картошки самогон,
А из жопы патефон?

Солнце
Солнце шумное звучит,
Миллионом нам грозит,
Самогоном нас поит —
А из жопы торчит патефон [Трансфуристы: 154].

Графика одновременно запараллеливает и противопоставляет тексты: символистская вертикаль отзеркаливается в новом формате, но тут же деформируется и буквально перемалывается авангардной пластикой, представая каскадом горизонтальных, спадающих рядов с многочисленными фрагментами и осколками. Значимым становится и пробел между столбцами, визуализирующий границу (пропасть) между двумя оптиками-эстетиками.

Жест крушения подается как намеренно балаганный, а потому смеховой эффект формируется через нагромождение низовых, неформатных и визуально ярких объектов. Вполне в духе «Транспонанса» аудиальное подается телесным, обладающим ощутимой действенностью: «будем звуками звучать», «из шума сделать шум». Кардинально меняется и графический ритм: повторяющиеся элементы утрачивают стройность и линеарность, при том что

геометрия гиперболизируется. Рефреном повторяющиеся последние строки строф визуализируют кружение пластинки, поддерживая множащиеся текстовые круги (солнце, картошка, жопа), а раструб патефона словно врезается в них клином, отсылая к известным образам Эль Лисицкого и А. Родченко, таким парадоксальным способом воспроизводя ритуально-смеховое насилие над формой. Как и круги, треугольники по принципу пондерации уравновешивают плоскость текста: это и образ торчащего вверх тормашками человека, и открытый рот глотателя сабель, и бутыль самогона, и расходящиеся лучи шумно звучащего солнца. Это карнавальное сочетание треугольников и кругов (колпаков и бубенцов) обнаруживает на месте геометрической логики ничем не ограниченную активность десемантизированных форм, демонстрируя амбивалентность производимого разрушения и его трансгрессивный потенциал.

В метафорическом смысле эта игра с кругами и треугольниками может рассматриваться как пластический каламбур, которых тоже немало у А. Ника.

Принимая во внимание теперешнюю
мою ситуацию, все последующие
за ней ситуации пока нельзя
принимать во внимание [А. Ник 2011]

Лингвистический каламбур строится на обыгрывании канцелярита «принимая во внимание». Рассматриваемый пространственно, этот штамп работает и на уровне пластического каламбурирования, создавая визуальную петлю, в которую попадает текст: оптическая замкнутость, невозможность выйти из текста или продвинуть его при внешней неограниченности знаками препинания или другими границами формата — все это соответствует тупиковости, заданной вербально. Думается, вполне мог бы существовать и усеченный вариант этого каламбура: «Принимая во внимание, принимать во внимание», утверждая парадоксальную неизбежность тавтологической логики. А. Ник усложняет и сам каламбур, и его изображение, вводя процессуальность — движение объектов. Внутри образовавшейся рамки, в зеркальности клише возникает своеобразное пластическое нарезание форм: текст членится не логически или синтаксически, а буквально на полуфразе, как фрагмент коллажа или искаженное отражение. Зазоры и пустоты внутри синтагмы («теперешнюю / мою ситуацию», «последующие / за ней ситуации» и наконец «нельзя / принимать»), вызывающие спотыкание взгляда (как и г*о*лоса), создают внутренний дубль каламбура внешнего: форма стиха сама моделирует ту самую ситуацию препятствия и тупика, о которой говорит текст. Материальным препятствием становится и собственно «ситуация»: слово дважды оказывается зажато внутри строки, как будто именно оно и создает затор или оптический изъян, из-за которого ломаются строки, технически не давая возможности появления искомых новых «ситуаций». Так остранение происходит еще и на уровне изображения, а пластическое мышление автора переводит текст из режима рассказывания в режим показывания.

Еще дальше продвигается в этом направлении следующий текст:

Бездырье. Околодырчатость.
Дыроватость. Издырканность. [Трансфуристы: 174].

Здесь словесный каламбур с нанизыванием словоформ с корнем -дыр- уже не отделим от пластики деформированного объекта, поскольку эта деформация становится материалом текста: в центре всех образований пустота (дыра) — текст формируется из умножения пустоты, а его пластика из многократного

обналичивания пустоты. Иначе говоря, пластический каламбур А. Ника конструирует материальный объект из чистого отсутствия.

При этом симулятивный объект имеет отчетливо видимый компонентный состав, а его элементы обладают вполне различимыми нюансами: «Бездырье» — плоскость, где дыр еще нет, но уже есть коннотация критического отсутствия, по аналогии с «безлюдьем»; «Околодырчатость» — пространство вокруг пустоты, некая окружность, контур, фон; «Дыроватость» — неполное, незавершенное проявление пустоты, физический дефект фактуры на поверхности; «Издырканность» — финальное механическое изрешечение, превращение формы в перфорацию или труху. Последовательно демонстрируется пластическая градация разрушения формы, однако внешне ее визуальные варианты множатся. Пустота оживает, демонстрирует себя и порождает.

Разлом и одновременное производство формы осуществляется и на уровне графики: короткие назывные предложения, разрывающиеся точками и прописными буквами, и множащаяся пустота пробелов между ними. Дыры (белые и черные) буквально прорывают, разрывают текст, вырываясь в пустоту листа и сливаясь с ней[4]. Стоящая за внешне облегченной формой каламбура романтическая ирония, фиксирующая неполноту бытия, его трещины и зазоры, здесь находит выход в буквализации этих зазоров и собственной дырявости, одновременно и устраняющей субъекта, и предъявляющей его такое своеобразное вещество. Можно говорить и о некоей интеллектуальной усмешке А. Ника, предлагающего читателю физически увидеть и пережить пустоту.

В этом смысле выведение лирического героя за пределы текста эквивалентно очищению листа-холста и высвобождению его собственной активности: лирическая рефлексия метонимически замещается взаимоотношениями текстовых элементов (формы слов и строк, стыки слов, графические пустоты) и своеобразной графической исчерченностью — абстракцией, строящейся на бесконечной пересеченности форм.

Страх перед борщом
Ужас перед борщом
Жуть одним словом
Жрать одним словом [Трансфуристы: 163]

В пластическом смысле повтор замещает смысл ритмом, а лексемы позволяет рассматривать как формы с их сходством и различием. На этом формальном уровне осуществляется не только конфликт, но и диалог элементов, формирующих композицию: страх—ужас, ужас—жуть, жуть—жрать, борщом—словом. Формы собираются еще и из почти одинаковых элементов, буквенный/знаковый набор довольно ограничен. Такого рода формальное родство обеспечивает легкий переход от «жуть» к «жрать» как следствие разминания формы. Фонетический шум шипящих и свистящих поддерживается визуальным дребезгом трансформирующихся объемов — происходящее действо высвобождает языковую телесность. И в этом контексте агрессивность жеста «жрать», как раз и выводящая смеховую реакцию на максимум, адекватна самому предмету, шевелящемуся и копошащемуся, как живое тело.

[4] Ср. у Ры Никоновой: «Емкость единицы литературы увеличивается, а вакуума между отдельными ее элементами становится больше, он (вакуум) даже выпячивается, приобретает самодовлеющее значение (стихи из пауз и т. д.). Литература становится шире и разнообразней по фактуре <…> паузы вырастают, а размеры детали увеличиваются» [Таршис: 11]. О пустотах и вакууме в поэзии см. также: [Ры Никонова].

Текст как будто сам порождает эту реакцию. Однако здесь пластического максимума достигает и растворение поэта в своем тексте. Его усмешка-ухмылка впаяна в саму фактуру стиха, проявляясь в фокусировке, оптическом кадрировании, фрагменте выхваченной реальности, отсечении их от привычного контекста, гипертрофированном приближении или отдалении, наконец, наделении текста перформативностью.

О пластическом растворении в тексте стоит говорить и применительно к уникальному формату книг сновидений А. Ника, которые мы пока оставляем за пределами наших наблюдений, пытаясь в первую очередь обнаружить те механизмы, в которых может быть описана его поэтическая пластика. Кажется, что комическое с его генетически взрывным, движущим, трансформирующим началом может быть адекватным ракурсом уловления форм пластического существования текста. Как и обратно: заход в смеховую сферу со стороны пластического воплощения ее форм, возможно, вскрывает ту мерцающую неоднозначность высказывания, на которой настаивает А. Ник.

Список источников

А. Ник. «И слезы, и круженье томное». Стихотворения / публ. Б. Ванталова, П. Казарновского // Зинзивер. 2011. № 7 (27). URL: http://zinziver.ru/publication.php?id=3422 (дата обращения: 10.08.2026).

А. Ник. Причина всех причин есть причина: минималистские стихотворения // Поэзия. 2026. № 1. URL: https://poetry.rs/ru/materials/nik-1 (дата обращения: 10.08.2026).

А. Ник. «Доты» // Антология новейшей русской поэзии «У Голубой Лагуны»: в 5 т. Ньютонвилл, 1998. Т. 5Б. С. 515—532.

Трансфуристы. Избранные тексты / сост. П. Казарновский. М.: Гилея, 2016. 281 с.

Список литературы / References

Казарновский П. «А еще лучше думать о наступающем прошлом…» (подступы к творчеству А. Ника) // Новое литературное обозрение. 2012. № 114. С. 204—211. URL: https://nlobooks.ru/article/13394/ (дата обращения: 10.08.2026).

(Kazarnovskiy P. “And it’s even better to think about the coming past...” (approaches to the work of A. Nik), *New Literary Review*, 2012, no. 114, pp. 204—211. — In Russ.)

Казарновский П. О поэтических практиках А. Ника // Toronto Slavic Quaterly. 2017. № 61. URL: http://sites.utoronto.ca/tsq/61/Kazarnovskij61.pdf (дата обращения: 10.08.2026).

(Kazarnovskiy P. On the poetic practices of A. Nik, *Toronto Slavic Quarterly*, 2017, no. 61. — In Russ.)

Казарновский П. «Вибрация слов»: осмысление творческой маргинальности А. Ника // Новое литературное обозрение. 2024. № 187. С. 168—186.

(Kazarnovskiy P. “Vibration of words”: understanding the creative marginality of A. Nik, *New Literary Review*, 2024, no. 187, pp. 168—186. — In Russ.)

Ры Никонова. Слово — лишнее как таковое // Арс. Специальный выпуск: Бездна. 1992. С. 131—135.

(Ry Nikonova. The word is superfluous as such, *Ars. Special issue: the abyss*, 1992, pp. 131—135. — In Russ.)

Таршис А. Литература есть частица вселенной // Транспонанс. 1981. № 8. С. 9—12.

(Tarshis A. Literature is a particle of the universe, *Transponans*, 1981, no. 8, pp. 9—12. — In Russ.)

THE COMIC IN THE PLASTIC POETICS OF A. NIK

Elena M. Tyuleneva
Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, talen@rambler.ru

Abstract. The article examines the comic element in the poetics of A. Nik (Nikolai Axelrod), a poet, prose writer, graphic artist, and collagist associated with the unofficial literary scene of Leningrad. It is hypothesized that the artist's distinctive perspective and characteristic plastic mode of thinking manifest themselves not only in his visual projects but also in his poetic texts. The approach to the problem of the comic is linked to the question of identification, which is central to the poet's work, and to the erosion of subjectivity, both of which determine his interest in the plastic manipulation of form as a means of representing or substituting for the subject. In A. Nik's poetic texts from what may provisionally be termed his pre-visual period, various forms of deformation, fragmentation, atomization, destruction, and formal invasion can be observed, generating comic effects either alongside verbal humor or independently of it. The article identifies several plastic mechanisms through which the comic is produced: the formal dissonance between the final element of a text and its main body; the visual collapse of the preceding architecture of the poem; the mismatch or substitution of form and format; the deformation of form, including linguistic form; the saturation of the text with externally imperceptible, simulacral objects; plastic analysis that visualizes the contrast between the large and the small or generates an oxymoronic fusion of forms; the materialization and reification of textual elements, transforming them into patterns, drawings, or optical illusions; the formation of allusive grotesque visual images from textual elements; the exposure of the text's physical fractures, including those that reveal ritualized forms of laughter; the plastic pun, which foregrounds the play of forms; the carnivalesque rhythm created by the graphic arrangement of the text; and other devices.

***Keywords*:** A. Nik, Nikolai Axelrod, Leningrad unofficial literature, plastic thinking, the plasticity of laughter, the comic

***For citation*:** Tyuleneva E.M. The comic in the plastic poetics of A. Nik, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2026, Special issue, pp. 13—22.

Статья поступила в редакцию 11.08.2026; одобрена после рецензирования 14.09.2026; принята к публикации 25.09.2026.

The article was submitted 11.08.2026; approved after reviewing 14.09.2026; accepted for publication 25.09.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Тюленева Елена Михайловна — доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, talen@rambler.ru, SPIN: 6303-3436

Tyuleneva Elena Mikhailovna — Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Russian Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, talen@rambler.ru

Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2026. Специальный выпуск. С. 23—30.
Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Special issue. P. 23—30.

Научная статья
УДК 821.161.1-192:81’38
EDN https://elibrary.ru/irvoyw
DOI: 10.46726/H.2026.5.3

ПОЭТИКА МЕТОНИМИИ В ЛИРИКЕ Ю. ШЕВЧУКА

Олег Сергеевич Харитонов
Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,
xaritonovolegmail@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию метонимии как доминантного принципа поэтики «ДДТ». Актуальность исследования определяется соответствием современным тенденциям филологической науки, в русле которых развивается изучение поэзии русского рока. Материалом послужили как тексты альбомов «ДДТ», так и непесенная поэзия Ю. Шевчука. Цель — описать систему метонимических переносов и показать, как метонимия формирует стиль и модус лирического субъекта. Процедура исследования опирается на структурный, сопоставительный, интертекстуальный и интермедиальный методы. Новизна исследования состоит в том, что метонимия впервые рассматривается не как частный прием, а как один из структурообразующих принципов, определяющих стиль, мироощущение лирического субъекта и типологическую близость лирики Ю. Шевчука к традиции Б. Пастернака. Установлено, что метонимия реализуется в двух видах: атрибут как выразитель объекта, выражение абстрактного через конкретно-предметное. На уровне лирического субъекта метонимия проявляется в отождествлении героем себя и мира при сохранении самости; на уровне типологических связей — в близости к метонимической поэтике Пастернака, описанной Р.О. Якобсоном. Метонимия определяет динамическую оптику восприятия лирического субъекта, выраженную в деформации времени и пространств. Также метонимичность становится способом овеществления абстрактных категорий в лирике Шевчука.

Ключевые слова: метонимия, «ДДТ», поэтика, лирический субъект, стиль, русский рок

Для цитирования: Харитонов О.С. Поэтика метонимии в лирике Ю. Шевчука // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Специальный выпуск. С. 23—30.

Введение

«ДДТ» — одна из старейших русских рок-групп, заявившая о себе еще в 1980-е гг. — «классический» период русского рока, когда набирали популярность группы «Кино», «Алиса», «АукцЫон», «Пикник», на который пришлось творчество А. Башлачева.

Цель нашей работы — сформировать научное представление о системе метонимических переносов в поэтике группы «ДДТ». Материал нашего исследования – песенная и непесенная поэзия Ю.Ю. Шевчука. Предмет — метонимия в рамках категорий стиля и лирического субъекта.

Актуальность исследования вызвана растущим интересом современной филологической науки к явлениям постнеклассической художественной матрицы, в русле которого развивается направление по изучению поэзии русского рока [Русская рок-поэзия…], в том числе целостно исследуются художественные

© Харитонов О.С., 2026

миры отдельных авторов [Доманский], а также связи рок-поэзии с традицией русской классической литературы [Лочмелис].

Типология и функция метонимии в поэзии «ДДТ»

Метонимия как художественный прием в стилистике Ю. Шевчука имеет разные функции, но главная из них — динамическая: метонимия служит для увеличения смыслоемкости речевого потока. Как писала Н.Д. Арутюнова, «основой метонимии служат пространственные, событийные, ситуативные, семантические, синтаксические и логические отношения между разными категориями объектов… Метонимия служит сокращению, сжатию речи» [Арутюнова: 236]. Ю.М. Лотман функцию метафоры и метонимии поясняет так: «…цель их состоит не в том, чтобы с помощью определенной семантической замены высказать то, что может быть высказано и без ее помощи, а в том, чтобы выразить такое содержание, передать такую информацию, которая иным способом передана быть не может» [Лотман: 63].

В стилистике Шевчука метонимия может иметь следующие разновидности:

1) атрибут как выразитель объекта: «В короткой юбке бродит ночь со мной» [Шевчук. Акустика: мин. 57] («Париж»): юбка — женщина; «Дома у меня на книжной полке / Эти звезды до сих пор болят. / Капитана Марковца — осколки, / Всех доставшихся сырой зиме ребят» [Шевчук. Сольник: 76] («Я не знал живого Марковца…»): звезды с погон — погибшие солдаты; «Гастарбайтеры страдали: / Вывозили их силком, / Без наград и без зарплаты, / Как героев соцтруда, / Увозили автоматы, / Коммуналки-поезда» [Там же: 204] («Садовое кольцо»): автоматы — солдаты;

2) обозначение абстрактного явления через его конкретно-предметное проявление: «В каждом рту надрывается бард» [Там же: 71] («Миллениум»): бард — искренняя поэзия; «Серый, добрый маньяк, голос твой в каждом доме на ужин» [Там же: 97] («Серый голубь»): голос — речь; «Кавказские войны горят именами на черном базальте» [Там же: 174] («Кавказские войны»): имена — павшие воины — война; «Чистят мраморное темя, кормят Спасские часы» [Там же: 178] («Там, где тьма стоит у света…»): мраморное темя, Спасские часы — официальная власть; «На Черной речке, вечером, к пяти. / Я не сверну, и с рифмы не сойти...» [Там же: 108] («Дуэль»): рифма — поэтическое призвание. Бывает и обратное движение смысла и образа — выражение конкретного через абстрактное: «Когда национальность голосует за кровь» [Там же: 60] («Предчувствие гражданской войны»): национальность — нация.

Иногда метонимическое выражение общей абстракции через частную конкретику граничит с метафорой и выразительной предметной деталью: «В рабочем квартале не спят, / рабочий квартал — ножи», «Рабочий квартал — дешевая брошь [метафора], / рабочий квартал — шинель [метонимия: рабочий квартал — целое, шинель — часть, атрибут быта]» [Там же: 164], «В рабочем квартале — зима, / рабочий квартал — снег. / В рабочем квартале сходит с ума / шлакоблочный кривой новый век» [Там же: 165] («Рабочий квартал»), «Мы вечно в пути, мы — голодное где-то [метафора], / Мы отчаянная, ненадежная жизнь [метонимия: коллективный субъект — часть, жизнь — целое]» [Там же: 183] («Звезда»). Из последнего примера видим, что часто метонимия служит способом овеществления абстрактных явлений. Невещественное эстетически понимается через сопутствующее ему вещественно-предметное: «Ваши бодрые речи в хрустальных немецких бокалах» [Там же: 174] («Кавказские войны»), «Мента, курящего в кулак / заснеженной пустыни» [Там же: 101] («Проводник»). Это же заметно и в других примерах

выше: голос на ужин, шлакоблочный век. Видим, что в творчестве Шевчука весьма сильна установка на уникальность лирического переживания, динамичность речи и опредмечивание абстрактных явлений.

В этой связи нельзя не сказать о традиции Б. Пастернака в творчестве Ю. Шевчука. В песне «Подарок» [ДДТ. Мир номер ноль: мин. 104] в качестве реминисценции наряду со строчкой из «К***» А.С. Пушкина звучат строки из «Зимней ночи»: «Свеча горела на столе, / Свеча горела» [Пастернак: 588]. В данном случае в сознании концепированного автора песни Пушкин и Пастернак оказываются в одном ряду. То же видим в высказывании самого Шевчука на презентации книги своих стихов: «Я не Пастернак, не Мандельштам, не Пушкин, я — Юрий Шевчук, пою песни» [Юрий Шевчук рассказал…]. Если учесть очевидную значимость фигуры Пушкина для Шевчука-поэта[1], то постановка авторов в один ряд может говорить о сопоставимом влиянии на творческий облик Шевчука и эстетики Пастернака. Важно отметить, что песню «Родина» Шевчук написал во время чтения «Доктора Живаго» [Юрий Шевчук. Интервью: мин. 10].

О стилевой доминанте поэзии и прозы Пастернака Р.О. Якобсон писал: «Система метонимий, а не метафор — вот что придает его творчеству “лица необщее выражение”» [Якобсон: 239], «Стихи Пастернака — целое царство метонимий, очнувшихся для самостоятельного существования» [Якобсон: 330]. При таком сопоставительном рассмотрении творчества Шевчука становятся понятны пространственно-временные особенности его поэтического мира и динамическое мироощущение лирического героя. По словам Якобсона, «ассоциация по смежности — послушный инструмент в руках Пастернака-художника — перетасовывает пространство и смешивает временные ряды» [Якобсон: 331]. Как будет установлено, тот же принцип лирического самосознания характерен для поэзии Шевчука.

Метонимичность лирического субъекта в поэзии «ДДТ»

Главным же типом метонимического переноса в поэтике Шевчука является отождествление героем себя с окружающим миром. Обзор научных публикаций, посвященных образу лирического героя в поэзии лидера «ДДТ» [Троценко, Воробьева; Шпилева], приведен в одной из прошлых наших публикаций [Харитонов]. Там же говорилось о сложном сочетании в психике лирического субъекта ощущения себя частью мироздания, народа, истории, культуры и отстраненности по отношению к миру социально-политических отношений. Это «неслиянное и нераздельное» сочетание единства с миром и одиночества автор назвал окказиональной композитой «единочество», которая стала названием двух альбомов ДДТ 2002 года — «Единочество. Часть 1» и «Единочество. Часть 2» [Шевчук, Казански]. Разумеется, центральным текстом в этих циклах Шевчука является стихотворение «Единочество».

Стихотворение «Единочество» («Когда един…») [Шевчук. Сольник: 23—24] представляет собой полумистическое созерцание героем реального и потустороннего миров. Он бродит «в лесу застывшем среди камней и льдин» и «видит голоса, но не живые». Время действия — ночь — имеет семантику мертвого пространства, зловещей темноты, в которой царит одиночество, тревога, предчувствие опасности: «Когда луна ползет… в спящем мире и нож

[1] На вопрос о любимом поэте Шевчук называет Пушкина, хотя и с долей юмора, потому что дальнейший список начинает со слов «а если серьезно» [Юрий Шевчук. Ответы…: мин. 14—15], однако спонтанность первого ответа говорит о многом.

в руке разбойничий, стальной по сытой лире». Ощущение угрозы и творческой неудовлетворенности сочетается с визионерскими прозрениями: «В такие ночи мертвые стекаются на озеро, все павшие, убитые, слепые». Мертвецы «бредут, ощупывая тьму и не отпетый прах». Включение в их образ тактильного плана делает его, образ, более выразительным, вещественно-осязаемым. Все они объединены эпитетом «позабытые». Герой находится в пограничном состоянии, он одновременно видит миры живых и мертвых, физический и духовный.

В значительной мере стихотворение построено на метонимиях. Это описание предмета через смежный ему предмет: «И видишь голоса, но не живые… / Звенящие сухими камышами», «Огни деревни взъерошенными псами уныло воют на дугу», «Следы словами на снегу рифмуются бездарно». В первом примере — наложение голосов мертвецов и звука камышей, что подчеркивает призрачность, полуосязаемость этих голосов. Во втором — метонимия служит одновременно и олицетворением. В третьем примере заметно явное стремление автора к усложнению семантической ткани текста: сочетание «слова следами на снегу» было бы более традиционно для русской лирики и больше тяготело бы к бессоюзному сравнению и при этом сохраняяло бы аллитерацию — сочетание глухого свистящего [с] ([с’]) с сонорными. Однако строка в наличном виде не просто сравнивает шаги на снегу со словами, а совмещает два плана — внешний сюжетный (прогулка героя по зимнему ночному лесу) и ментальный (работа творческой мысли). Эти планы переплетаются, художественно изображая один другой. Усложнение текста тем самым обостряет их диффузность и условность физической реальности.

Метонимия также проявляется в совмещении различных, но смежных явлений в одном предложении: «Когда Луна ползет по коже обмороженных берез. / По горло в спящем мире и нож в руке разбойничий, / Стальной по сытой лире». Пейзажная зарисовка переплетается с ощущением угрозы, опасности. В описании природы используются физиологические тропы: кожа берез, обмороженные березы. Словосочетание «по горло в спящем мире» также обнаруживает стремление автора сломать традиционный порядок слов: «в по горло спящем мире» синтагматически более верно, хотя и не вполне благозвучно. Однако авторский вариант художественно мотивирован: это и мир, спящий «по горло», то есть полностью погруженный в сон, и луна, ползущая по горлу этого мира. Лира — традиционное метонимическое обозначение поэтического творчества. Для Шевчука «сытая лира» — это лира бесплодная, творческая импотенция. В стихотворении это словосочетание в свою очередь является метонимией, обозначающей самого героя-поэта, страдающего муками творчества.

В лирической кульминации произведения обостряется именно тема творчества. Хотя речь идет, как кажется, о словесном творчестве, герой сокрушается о том, что эти слова «бесплодны» — «не создадут Луну» и от них не родится «новый человек». Словесная реальность и физическая перетекают одна в другую. В этих строках видим не только метонимическое совмещение разных пластов мироздания, но и стремление наделить слово животворящей силой, способной воздействовать на физический мир. Это еще один пример того, как метонимия порождает вещественность в лирическом тексте. Корни же такого овеществления лежат в поэтике мифа.

В строках «…когда Луна, / Объединяя суету в единое и цельное пространство, / Заморозила сырье непостоянства и во дворе / висящее / Белье…»

видим то же совмещение смежных, но разнородных планов — абстрактно-экзистенциального и предметно-бытового. Это «единое и цельное пространство», в котором тесно соседствуют друг с другом вечность и время, философия и быт, высокое и низкое (ср.: «Где все конечно, кроме пустяков, что вечностью особенно любимы» [Шевчук. Сольник: 113]). Так метонимия служит одним из средств выражения парадоксального мировидения.

Кульминация лирического сюжета и его развязка образуют метонимический парадокс: «Я понимаю, на бред похож мой Век, / Меня в него не звали <…> И всё ж един я с этими больными облаками, / Рябой луною, озером и мертвецами…». Парадокс заключается в сочетании взаимоисключающих, на первый взгляд, тезисов: герой чувствует себя и лишним в этом мире, и единым с ним одновременно. Свойство лирического героя находиться на рубеже реальностей является неотъемлемой частью его образа: «Я слышу мертвых, я вижу живых» [Поэты русского рока…: 81] («Stix»). Он проводник между противоположными мирами: «Художник, на мой взгляд, любой — он пограничник» [Юрий Шевчук. Интервью ½: мин. 10].

Однако здесь прослеживается отголосок тех сложных взаимоотношений лирического «я» и мира, в которых художественной интуицией, совестью герой стремится различить мировую стихию и социальный шум, подлинное и вторичное, значимое и несущественное, добро и зло, переплетающиеся в тончайшей материи жизни. Сам автор рассуждает о том, что «есть вечный минус и есть вечный плюс, есть добро и есть зло, и между этими полюсами рождается что-то, какая-то энергия, и художник, он как бы на этом сквознячке стоит такой … он имеет какой-то насморк, который можно назвать, может быть, творчеством» [Вечера в Политехническом…: мин. 18]. Это же иллюстрирует и другая высказанная им мысль: «Сейчас у нас в стране нет черно-белого. У меня такое ощущение, что мы все какие-то пятнистые… И линии фронта одной какой-то нет» [Шевчук. Интервью в гримерке…: мин. 23]. Это происходит путем вхождения героя в поток бытия, принятия жизни в ее противоречивости: «Разлита суть и неясны причины. / Но в этом кайф — движеньем жизнь полна» [ДДТ. Иначе]. Отсюда полуосознанная самим героем миссия моста, связки между гармонией и хаосом, красотой и уродством. Это стремление возникает у него в результате его интуитивного мироощущения: «И если что не разрежу умом, / Распакую своей душой» [ДДТ. Я получил…] («Поэт»). Так и возникает метонимия. Но уже не как художественный прием, а как качество лирического переживания.

Из анализа стихотворения «Единочество» видим, что метонимия является смыслообразующим началом. Она определяет и содержательную, философскую основу текста, и модус эстетической интуиции, являясь особенностью стиля поэта.

Более того, этот троп становится не просто художественным приемом, но и логикой лирического героя, одной из характерных черт его мироощущения. Он тяготеет к тому, чтобы отождествлять себя с миром вокруг либо абстрактными бытийными категориями, либо даже предметами быта. Лирический герой Шевчука противоречив. Он сочетает в себе индивидуализм, отстраненность, одиночество, духовно-философическое отшельничество с ощущением себя как части этого мира, части Родины, которая ему нравится, «хоть и не красавица» / «спящая красавица» [Поэты русского рока…: 71—72], части культуры, истории, народной жизни. Он чувствует, как через него проходит человеческая боль, как в нем пульсирует время и его бесконечный бег: «А время тикало себе, / А сердце такало». Отсюда желание героя остановить

время: «Время выключил, поставил на подоконник» [Шевчук. Сольник: 59] («Рождество 2001»), «Я остановил время…» [ДДТ. Черный пес…], визуальный сюжет клипа «Где мы летим…» [ДДТ. Иначе]. Философское проникновение лирического героя в глубины жизни и потребность в его динамическом художественном воплощении во многом становится основой метонимического мышления. Стыковка этих диссонирующих планов жизни, их наслоение одного на другой — это ощущение реальности в динамике, которая начинает деформировать время и пространство в художественном мире поэта: «Я намазал на хлеб расстояния» [ДДТ. Единочество] («Она»), «Чтобы дальняя дорога мне короче показалась» [ДДТ. Черный пес…] («Я зажег в церквях все свечи»).

Метонимический перенос очевиден и в авторских метапаратекстах. Обратимся к спонтанному художественному монологу Шевчука на передаче «Школа злословия», который мы в данном контексте причисляем к художественным текстам автора: «Помните, Ясная поляна, ночь? (Т. Толстая: Нет, не помню.) А я помню. Мне во сне приснилось. <…> Лев Николаевич открыл глаза, тихонечко вылез из своей солдатской постели и вышел из дома, и говорит: “Наконец-то я стану атомом, я стану клеткой этого народа, я растворюсь в нем” <…> Лев Николаевич — это моя любимая фигура. Серьезно» [Школа злословия…: мин. 3—4]. Это не только признание в любви к Л.Н. Толстому как к писателю и нравственному авторитету, но и иллюстрация того, как автор переносит свои качества на другого, близкого ему по духу человека: слова Толстого-персонажа о растворении в народе — не что иное, как репрезентация Шевчуком интенции своего лирического героя на единение с народом.

Видим, что важной составляющей лирического переживания становится перенос по смежности: герой как часть мира переносит свои свойства на мир и, наоборот, отождествляет мир с собой.

Заключение

Таким образом, метонимия представляет собой не просто один из приемов в поэзии «ДДТ», но принцип художественного мышления, активно формирующий как поэтический стиль лидера группы, так и модус лирического переживания поэтического «я». На уровне стиля метонимия проявляется в нескольких видах: 1) атрибут как выразитель объекта; 2) обозначение абстрактного явления через его конкретно-предметное проявление; 3) выражение конкретного через абстрактное. На уровне лирического «я» метонимичность воплощается в отождествлении героем себя с явлениями окружающего мира при сохранении своей самости, осознании себя частью мироздании и в то же время кем-то отдельным. Также метонимичность формирует оптику восприятия лирическим субъектом времени и пространства как текучих, пластичных и динамичных.

Список источников

Вечера в Политехническом. Юрий Шевчук. URL: https://yandex.ru/video/preview/12316214510157395451 (дата обращения: 10.04.2026).

ДДТ. Единочество II. Живой (2003). URL: https://vk.com/music/album/-2000535340_1535340_7824e470cfca4273cb (дата обращения: 10.04.2026).

ДДТ. Иначе. P.S. (2010). URL: https://vk.com/music/album/-2000536009_1536009_767d6d8365d116dc72 (дата обращения: 14.03.2026).

ДДТ. Мир номер ноль (1998). URL: https://yandex.ru/video/preview/526264900181417025 (дата обращения: 14.03.2026).

ДДТ. Черный пес Петербург. URL: https://vk.com/music/playlist/430140_81230923 (дата обращения: 14.03.2026).

ДДТ. Я получил эту роль (1988). URL: https://vk.com/music/album/-2000550204_1550204?act=album (дата обращения: 14.04.2026).
Пастернак Б.Л. Доктор Живаго. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. 608 с.
Поэты русского рока: Ю. Шевчук, А. Башлачев, А. Чернецкий, С. Рыженко, А. Машин. СПб.: Азбука-классика, 2005. 496 с.
Шевчук Ю.Ю. Интервью в гримерке. Архив. URL: https://www.youtube.com/watch?v=k3VT9JJSOWM&t=1222s (дата обращения: 14.03.2023).
Шевчук Ю.Ю. Сольник. Альбом стихов. М.: Новая газета, 2009. 128 с.
Шевчук Ю., Казански К. L'Echoppe (2008). URL: https://vk.com/artist/konstantinkazanski?z=audio_playlist-2000551592_1551592%2F0dada2bfcb13e9a2a8 (дата обращения: 14.03.2026).
Школа злословия. Юрий Шевчук. URL: https://www.youtube.com/watch?v=XqnfVP52H24&t=2461s (дата обращения: 14.03.2023).
Юрий Шевчук. Акустика. 1997. URL: https://yandex.ru/video/preview/3659452218343196424 (дата обращения: 16.10.2026).
Юрий Шевчук рассказал о книге, попсе и счастье // MP7.ру. 2009. 24 июля. URL: https://mr-7.ru/articles/2009/07/24/iurii-shevchuk-rasskazal-o-knige-popse-i-schaste (дата обращения: 16.10.2026).
Юрий Шевчук. Интервью ½ (2009). URL: https://www.youtube.com/watch?v=DjUgbcajnjI&t=1799s (дата обращения: 1.07.2022).
Юрий Шевчук. Интервью. URL:https://yandex.ru/video/preview/12218380255209891415 (дата обращения: 16.10.2026).
Юрий Шевчук. Ответы на вопросы (часть 5) URL: https://yandex.ru/video/preview/7692266955507440 22?q_source=title (дата обращения: 16.10.2026).

Список литературы / References

Арутюнова Н.Д. Метонимия // Русский язык: энциклопедия. М.: Дрофа, 1997. 703 с.
(Arutyunova N.D. Metonymy, *Russian Language: Encyclopedia*, Moscow, 1997, 703 p. — In Russ.)

Доманский Ю.В. В мире Егора Летова: тексты и контексты: монография. М.: Выргород, 2026. 224 с.
(DomanskiyYu.V.Inthe worldof EgorLetov:texts and contexts, Moscow,2026, 224 p. — In Russ.)

Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. 416 с.
(Lotman Yu.M. Inside thinking worlds, Saint Petersburg, 2015, 416 p. — In Russ.)

Лочмелис Е.Р. Русский рок и классическая литература XIX в.: традиции и интерпретации / послесл. Б.В. Соколова. М.: АИРО-XXI; Серебряные нити, 2025. 210 с.
(Lochmelis E.R. Russian rock and classical literature of the 19th century: traditions and interpretations, Moscow, 2025, 210 p. — In Russ.)

Русская рок-поэзия: текст и контекст: сборник научных трудов / под ред. Ю.В. Доманский, Е.Э. Никитина, О.Э. Никитина. Вып. 24. М.: Эдитус, 2024. 208 с.
(Russian rock poetry: text and context, ed. by Yu.V. Domanskiy, E.E. Nikitina, O.E. Nikitina, issue 24, Moscow, 2024, 208 p. — In Russ.)

Троценко И.Н., Воробьева Е.П. Формы выражения авторского сознания в творчестве Ю. Шевчука (альбом «Единочество») // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2011. № 12. С. 122—130.
(Trotsenko I.N., Vorobyeva E.P. Forms of expressing authorial consciousness in the works of Yu. Shevchuk (album "Edinochestvo"), *Russian rock poetry: text and context*, 2011, no. 12, pp. 122—130. — In Russ.)

Харитонов О.С. Поэтика парадокса в лирике Ю.Ю. Шевчука // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. 2023. № 2. С. 206—213.
(Kharitonov O.S. Poetics of paradox in the lyrics of Yu.Yu. Shevchuk, *Bulletin of the State University of Humanities and Technology*, 2023, no. 2, pp. 206—213. — In Russ.)

Шпилева Г.А. Восприятие литературоведением творчества Ю.Ю. Шевчука: pro et contra // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2017. № 17. С. 83—90.
(Shpileva G.A. Perception of Yu.Yu. Shevchuk's works by literary criticism: pro et contra, *Russian rock poetry: text and context*, 2017, no. 17, pp. 83—90. — In Russ.)

Якобсон Р.О. Заметки о прозе поэта Пастернака // Якобсон Р.О. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1985. С. 324—338.
(Yakobson R.O. Notes on the prose of the poet Pasternak, *Works on poetics*, Moscow, 1985, pp. 324—338. — In Russ.)

THE POETICS OF METONYMY IN THE LYRICS OF YU. SHEVCHUK

Oleg S. Kharitonov
Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, xaritonovolegmail@mail.ru

Abstract. The article examines metonymy as the dominant principle of *DDT*'s poetics. The relevance of the study is determined by its correspondence to current trends in philological scholarship, within which the study of Russian rock poetry is developing. The material comprises the albums "Edinochestvo I—II" ("Solitude I—II"), "Mir nomer nol'" ("World No. 0"), "Inache" ("Otherwise"), and others, as well as the non-song poetry of the group's leader Yu.Yu. Shevchuk. The aim is to describe the system of metonymic transfers and to show how metonymy shapes the style and the mode of the lyrical subject. The research procedure is based on structural, comparative, intertextual, and intermedial methods. The novelty of the study lies in the fact that for the first time metonymy is considered not as a particular device but as one of the structure-forming principles determining the style, the worldview of the lyrical subject, and Shevchuk's poetry closeness and kinship with the tradition of B. Pasternak. The article establishes that stylistically metonymy is realised in three different ways: as an attribute expressing some object, as the expression of the abstract through the concrete-material, and as the expression of the concrete through the abstract. Metonymy is also manifested at the level of the lyrical subject — in the hero's identification of himself with the world while preserving his selfhood; and finally at the genetic level — in the proximity to Pasternak's metonymic poetics as described by R.O. Jakobson. Metoymy determines the dynamic optics of time-space and the reification of astract categories in Shevchuk's lyrics.

Keywords: metonymy, "DDT", poetics, lyrical subject, style, Russian rock

For citation: Kharitonov O.S. The poetics of metonymy in the lyrics of Yu. Shevchuk, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2026, Special issue, pp. 23—30.

Статья поступила в редакцию 14.05.2026; одобрена после рецензирования 19.06.2026; принята к публикации 25.09.2026.
The article was submitted 14.05.2026; approved after reviewing 19.06.2026; accepted for publication 25.09.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Харитонов Олег Сергеевич — соискатель кафедры отечественной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, xaritonovolegmail@mail.ru, SPIN: 2080-5163

Kharitonov Oleg Sergeyevich — Degree candidate at the Department of Russian Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, xaritonovolegmail@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2026. Специальный выпуск. С. 31—42.
Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Special issue. P. 31—42.

Научная статья
УДК 821.161.1.09-311.6:82.091
EDN https://elibrary.ru/ufpomh
DOI: 10.46726/H.2026.5.4

«ЭШЕЛОН НА САМАРКАНД» Г.Ш. ЯХИНОЙ И ТРАДИЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА

Анна Александровна Бочацкая
Луганский государственный педагогический университет, г. Луганск, Россия,
dancinglady94@yandex.com

Аннотация. Роман Г.Ш. Яхиной «Эшелон на Самарканд» наследует традиции *исторического романа*, в частности «Капитанской дочке» А.С. Пушкина. Сюжет путешествия позволяет запечатлеть судьбу молодой советской России в динамике: сталкиваясь в пути с различными взглядами на мир, с разными людьми и преодолевая превратности судьбы, Деев осознает сложность исторических и социокультурных процессов, которые диалектически определяют судьбу как народа, так и частного человека. Мерилом человечности оказывается гуманное отношение к другим людям, а не идеологические убеждения, социальные предрассудки, историческая данность (оппозиция *враги — свои*). Деев — носитель устойчивой этической позиции *любви к ближнему*, которая не меняется в романе; это и позволяет ему спасти эшелон и смириться с разъедающим его трагическим прошлым. Однако непримиримость повествователя к общей амбивалентности жизни и событий, пронизывающая роман «Эшелон на Самарканд», выбивается из жанрового канона исторического романа: в идейно-смысловой сфере яхинского романа важна мысль о недопустимости морального агностицизма и стирания границ между добром и злом.

Ключевые слова: исторический роман, гуманизм, диалектика истории, авантюрный сюжет, амбивалентность, притча

Для цитирования: Бочацкая А.А. «Эшелон на Самарканд» Г.Ш. Яхиной и традиции исторического романа // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Специальный выпуск. С. 31—42.

Метаморфозы жанра романа в прозе Г.Ш. Яхиной продолжились в третьем ее крупном произведении — «Эшелоне на Самарканд» (2021). Как и прежде, важным для писательницы оказалось помещение человека в сложную историческую ситуацию (голод в Поволжье 1921—1923 гг., последствия Гражданской войны, вспыхивающие в разных частях Советской России вооруженные столкновения), которая стала испытанием «меры человечности». Важные для Яхиной темы — *советская история, судьба малых народов России, семья, дети, гуманизм, травма,* — а также художественные особенности нашли в «Эшелоне на Самарканд» яркое воплощение и выкристаллизовались в форме исторического романа.

Однако, даже исходя из предположения, что жанр — «ключ к произведению» [Черниенко: 93], невозможно ограничиться констатацией факта, что «Эшелон на Самарканд» является историческим романом. В «Эшелоне на Самарканд» очевидны черты поэтики Яхиной, свойственные ее романной

© Бочацкая А.А., 2026

прозе вообще; среди них — притчевые формы в повествовании, демифологизация исторического контекста, композиционная гетерогенность текста. Критики и литературоведы, обратившиеся к роману «Эшелон на Самарканд», справедливо относят его к *исторической прозе* [Букарева 2024a; Букарева 2024b; Букарева 2022; Смирнова]. Подходы к определению и характеристике этой жанровой разновидности романа различны, порой противоречат друг другу; основная тенденция заключается в констатации исторического контекста (чаще всего это значимые исторические и социально-политические события определенной эпохи), его влияния на событийную канву и образы героев, а поэтика романов изучается кластерно, описательно. Однако уже М.М. Бахтин обратил внимание на *инвариантные* черты исторического романа (соединение истории и частной жизни; преодоление замкнутости прошлого и достижение полноты времени, в котором минувшее живет не как воспоминание, а как таковое; совмещение различных хронотопов; наследование традиций «готического» романа, семейно-биографического романа, исторической драмы [Бахтин: 121—290]). Продолжая концептуализацию исторического романа как жанра, предложенную М.М. Бахтиным, Н.Д. Тамарченко обратил внимание на «сочетание авантюрности и историзма» в этом жанре, которые определяют его структуру: 1) в историческом романе очевидны типические композиционно-речевые формы, основанные на документальном начале и фактографии — к примеру, историческая справка или исторический комментарий, ссылка на источник информации и др., которые органично вплетены в фикциональное повествование; 2) сюжетная основа исторического романа более-менее едина: это «выбор жизненного пути и определение на службу, двойные ситуации осады и поединка и пленения, и суда»; близость сюжета к циклической схеме; 3) характерная система персонажей, в которой особое место занимает тип главного героя — чаще всего вымышленный персонаж, однако типичный для исторической эпохи [Тамарченко: 45—47].

Уточняет характеристики инварианта исторического романа В.Я. Малкина: в историческом романе сюжет организуется *авантюрной интригой*, которая позволяет проверить жизнью и поступком идею *испытания героя*; фон для сюжета — *кризисная эпоха*, в которой сочетаются *общественная и частная жизнь*, а главный герой неразрывно связан с меняющейся исторической ситуацией, ему противопоставлены представители разных социально-исторических и культурно-исторических сил [Малкина: 74].

Кажется, что историзм романа «Эшелон на Самарканд» очевиден, поэтому на выявлении структурной модели исторического романа и ее конкретизации с учетом индивидуально-авторских особенностей поэтики авторы имеющихся литературно-критических и научных изысканий не останавливаются. В статьях Н.Ю. Букаревой преодолена эта констатация, причем литературовед замечает и многие другие жанры в структуре романа: роман испытания, биографический роман, миф, сказку, песнь [Букарева 2024b: 373—385]. Поэтика «Эшелона на Самарканд» строится на *жанровом синтезе* (см.: [Иванюк]), однако, как справедливо замечает Н.Ю. Букарева, «понятно, что многие из выявленных нами жанров не функционируют в произведении в чистом, “классическом” виде, трансформируясь в соответствии с изображаемой эпохой и поднимаемыми проблемами» [Букарева 2024b: 386]. Другие исследователи углубляют тонкое и справедливое наблюдение Е.А. Костюкович, отметившей традицию жанров робинзонады («жанр, который

обещает спасение в финале»[1]) и путешествия в романе Яхиной (см.: [Смирнова: 136—137]). При этом внимание к жанру путешествия в структуре романа «Эшелон на Самарканд» показывает, что речь идет скорее не о жанровом типе (травелог как композиционно-речевая форма, перволичность повествования, документализм, описательность и другие характерные для литературы путешествий черты, которых либо нет в романе Яхиной, либо они выполняют другие функции), а о *сюжетной схеме*, что вполне соответствует сюжетной модели исторического романа (еще В. Дибелиус полагал, что путешествие — основа сюжета исторического романа первооткрывателя жанра — В. Скотта [Dibelius: 177]). Путешествие в романе Яхиной — не композиционная, а *архитектоническая* форма завершения текста (в понимании Бахтина), т. е. оно составляет ценностно-смысловую основу организации «Эшелона на Самарканд». Другие же жанровые формы — в частности, миф, сказка и песня, а также сюжет испытания и формат жизнеописания, — тоже соотносятся с «внутренней мерой» жанра исторического романа. Напомним, что в «Капитанской дочке» А.С. Пушкина, классическом образце жанра для русской литературы, очевиден *сюжет испытания в биографическом повествовании* (от первого лица) о судьбе вымышленного героя, но типичного для образа представителя дворянства XVIII столетия. Временем действия оказываются значимые исторические события для судьбы России, а топосами — прецедентные места, движение между которыми и составляет *путешествие* героев. В романе есть и вторичные жанры[2]: калмыцкая *сказка* об орле и вороне, рассказанная Пугачевым[3]; *песни* «Заря утренняя взошла», «Во беседах во веселых», «Не шуми, мати зеленая дубровушка…»; *миф* о властителе, который воплощается в дуальных, но внутренне родственных образах Пугачева и Екатерины II, символизирующих власть. Таким образом, наличие сложных вторичных речевых жанров — это структурная особенность исторического романа как такового; новаторство Яхиной проявилось не в их введении в художественную ткань романа, а в углублении *амбивалентности* изображенного мира, которая еще не в столь радикальном виде воплотилась в «Капитанской дочке»[4].

Итак, для выявления своеобразия этой амбивалентности в изображении мира и истории проанализируем инвариантные черты исторического романа в «Эшелоне на Самарканд», а также отметим некоторые новации, привнесенные Г.Ш. Яхиной.

Фабула романа сосредоточена на изображении исторических событий: бывший красноармеец Деев, который после Гражданской войны отвечает за продовольственные эшелоны, в голодный 1923 год сопровождает эвакуационный эшелон, в котором перевозит пятьсот детей из эвакоприемника в Казани. Ему помогают комиссар Белая, женщины, ставшие социальными работниками («сёстры»), среди которых Фатима, фельдшер Буг, повар Мемеля, машинист и его помощник. Фабульные события переданы традиционными сюжетами путешествия и испытания: события романа — это путь в хлебный

[1] Цит. по: Яхина Г.Ш. Эшелон на Самарканд. М.: АСТ, 2021. С. 4.

[2] «Вторичные» не по форме и эстетическому совершенству, а по значимости в структуре текста.

[3] К слову, как отмечают исследователи [Агранович; Марусова], весь пушкинский роман тяготеет к воссозданию жанрового канона народной сказки.

[4] См. об этом глубокую статью Ю.М. Лотмана [Лотман].

Самарканд, где дети должны пережить зиму, и последовательное преодоление трудностей (поиск продовольствия, топлива, воды, лекарств и т. д.). Путешествие забирает жизни ста трех детей; но в дороге Деев решается, не получив разрешения от руководства, забирать попадающихся беспризорных детей: так, уже на вокзале в Казани он вынужден спасти новорожденного младенца, подкинутого отчаявшейся матерью; сироту Загрейку, лежавшего на путях; беспризорников, которые уже в Туркестане проникли в вагон; а после — всех попадающихся в пути детей. В итоге, несмотря на потери, он привозит пятьсот одного ребенка в Самарканд, после чего возвращается в Казань, чтобы возглавить новый эвакуационный эшелон.

Хронотоп романа *исторически конкретен*. Действие начинается 9 октября 1923 года (это последний год массового голода в России); в Самарканд эшелон приезжает спустя шесть недель, 15 ноября. Пространственные координаты точно следуют пути «Казань — Самарканд» и закрепляются в подзаголовках глав: «I. Пять сотен. *Казань*», «II. Вдвоем. *Свияжск — Урмары*», «III. Чертова дюжина. *Сергач — Арзамас — Бузулук*», «IV. Один» (без подзаголовка; топос главы — воспоминания Загрейки, в которых создан и образ его трагического будущего), «V. Вычитание и сложение. *Оренбург — Аральск*», «VI. И снова пять сотен. *Казалинск — Арысь*», «VII. Трое. *Самарканд*». Пространство в романе расширяется за счет воспоминаний: описаны детство Белой в Зачатьевском монастыре, поездка комиссара в Чувашию, сражение под Свияжском, в котором участвовал Деев, ссыпной пункт, который охранял Деев, деревня Загрейки и др. Прошлое дискретно изображается в романе для мотивировки и психологической обоснованности поступков героев (так, Деев соглашается быть начальником эшелона потому, что некогда, защищая груз с шоколадом, убил девять беспризорных детей). Истории Фатимы, Буга, атамана Яблочника, введенные в нарратив, позволяют реконструировать образ дореволюционного прошлого: в частности, известно, что Фатима окончила университет в Цюрихе, работала ихтиологом в Ботаническом саду в Казани, знала несколько языков. Благодаря этому в романе воссоздана система точек зрения, представляющих различные эпохи: дореволюционной России и молодого советского государства.

Изображенный мир и образная структура «Эшелона на Самарканд» отчетливо делятся на два *контрастных* идейно-смысловых пласта, которые подчинены изображению двух реальностей, двух мировоззрений: «нового», советского и «бывшего», российского. Амбивалентность сохранена при воссоздании этих миров, каждый из которых *художественно и этически равен* друг другу. При этом было бы ошибкой считать, что советский мир изображается упрощенно сатирически и уничижительно, а мир российский — сочувственно и патетически, и наоборот; напротив, в «Эшелоне на Самарканд» показано, что только *гуманистическое* начало может привести к спасению. Мерилом человечности оказывается отношение к детям: «Идея сохранения жизни сирот в романе обретает еще и этический смысл: все, кто встретился на пути Деева и помог ему, спасая детей, спасали себя, очищали свою совесть» [Букарева 2022: 59].

Обратимся к некоторым иллюстрирующим контекстам. В нарратив романа, выстроенный на основе сюжетно-повествовательного мотива *пути*, последовательно включена система эпизодов, в которых Деев сталкивается с трудностями: поиском провизии, воды, лекарств, топлива для поезда и др. Каждая «недостача» (В.Я. Пропп) вынуждает героя обращаться за помощью,

угрожать, торговаться, самостоятельно добывать дрова. И каждый раз *свободная воля героя* (Н.Д. Тамарченко) *совпадает с необходимостью* (как обыденной, так и исторической): Деев всегда *чудесным* образом (ср. с репликой Белой: «Он у нас за чудеса ответственный» (134)[5]) справляется с трудностью, даже если кажется, что ситуация трагически неразрешима. Белая, для которой эшелон из Казани на Самарканд уже шестнадцатый за год, категорически запрещает Дееву брать из эвакоприемника больных детей и инвалидов, поскольку по опыту знает, что искалеченные дети не переживут столь длительную поездку. Начэшелона же, возмущенный, как ему кажется, подобной бесчеловечностью («сама баба — язва, стерва и змея, а комиссар из нее — лучше не сыщешь», признает все же Деев (135)), соглашается забрать всех детей. Белая против; она пытается убедить Деева в том, что его порыв не имеет смысла, поскольку больные дети умрут, но в дороге на них придется потратить провизию и лекарства: «Это вам не душу свою жалостливую напоказ выставлять! — говорила негромко, но лучше бы криком кричала. — Добрым быть — это думать обо всем. Опасаться — всего. И предусмотреть — всё. Добрым быть — это уметь надо. Уметь отказать. Приструнить. Наказать… <…> А душу свою сердобольную — в карман поглубже запрятать, чтобы не торчала. Иногда быть добрым — это казаться злым!» (52). Белая оказывается права. У решения Деева, как и у всех сложных этических выборов в романе, есть цена: пятьдесят здоровых ребят останутся зимовать в Казани, чтобы пятьдесят лежачих смогли добраться до Самарканда. После этого Деев много думал об оставленных детях: «Не мог перед ними оправдаться — да никто и не требовал оправданий. Не мог ничего обещать — да и чего стоили обещания перед лицом грядущей зимы? Деев мог только стараться — стрелой домчать состав до Самарканда и так же быстро домчать обратно, пока безымянные мальчики пережидают холода в залах, где по полу кружит поземка» (53).

Для избранных детей у них нет даже обуви, в которой они могли бы добраться до вагонов. Тогда Деев обращается к командиру расквартированного в Казани кавалерийского взвода («из *бывших*, из *благородий*» (курсив автора. — *А. Б.*), как сразу же отмечает про себя Деев, видя выправку и статность офицера: «эдакую щеголеватую посадку Деев видывал не раз — у бывших офицеров царской армии» (38)) с просьбой одолжить на пару часов солдатские сапоги, чтобы дети смогли подойти к вагонам. Взывая к человечности, Деев не отступает, пока командир не соглашается. Приказ, обращенный к Дееву, суров: «Явитесь в воскресенье — к шести утра, с телегой. <…> При малейшем подозрении на кражу казенного имущества прозвучит команда “шашки наголо!”» (39). Однако свою угрозу командир не исполняет. Напротив: когда Деев, прячась в толпе от командира комакадемии, все же сталкивается с ним, то пытается оправдаться и извиниться; но офицер не слушает его, а передает тряпичный сверток — подарок: «…в сложенном несколько раз носовом платке лежали два серебряных креста — два Георгия, третьей и четвертой степени» (71); «На лекарства или питание. <…> Постарайтесь не продешевить» (71). Деев ничего не ответил — все слова казались «пустыми и лишними», он только «счастливо рассмеялся», потому что ощутил, «что есть на земле братство — истинное братство незнакомых, но близких людей» (72).

[5] Здесь и далее текст романа приводится по изданию: Яхина Г.Ш. Эшелон на Самарканд. М.: АСТ, 2021 — с указанием в скобках номера страниц.

Бывший, благородие — тоже часть этого братства: командир совершает внутренне тяжелый символический обмен, жертвуя знаками своей чести, благородного прошлого ради помощи детям. Это примиряет Деева с тем, чего он не может принять идеологически, поскольку жизнь детей для него важнее исторической определенности, в которой командир комакадемии для него все еще враг.

Другой важный эпизод, контрастный вышеизложенному, — просьба о помощи у чекистов. Контраст эпизоду с командиром комакадемии очевиден уже в описании пространства дома, в котором квартируют чекисты: «Бывшая купеческая гостиная выглядела так, будто ее основательно потряс какой-то великан: населявшие ранее комнату многочисленные предметы — картины, зеркала, жардиньерки — в беспорядке валялись по углам, опрокинутые или поставленные на попа» и т. д. (116). От *прежнего* не осталось ни следа, а вместо хозяев — пьяные чекисты, которых Деев мысленно символически именует: Баранья Башка, Огненные Усы и Лысый. Герой сильно рискует, обращаясь к ним за помощью, ведь они могут его убить. Но после своеобразной проверки (120—122), во время которой Деев доказал, что воевал под Казанью и был в Свияжске, Лысый отправляется на поиски провизии; утром к эшелону чекисты доставляют живых кур-несушек, целую яблоню, плоды которой не было времени собирать, мешки с едой, посудой, лекарствами, бутыль молока и проч. Молоком можно поить младенца Искандера, лекарства отправить в лазарет, яблоки и провизию использовать для приготовления пищи. Жуткий, «готический» образ чекистов (напомним, что именно готический роман, даже в форме «романа ужасов», типологически модернизируется в исторический роман [Малкина: 15—23]) «смягчается» так же, как и образ командира кавалерии: пьяные солдаты, отстреливающие приколотых к косякам двери мух, оказываются все же людьми, когда это требует жизненная необходимость. Возможно, не дети становятся катализатором их своеобразной доброты, а некая «родственная» связь с Деевым (солдатское братство), но вновь Яхина настойчиво подчеркивает *естественную разумность человеческой природы*, которая нивелирует социальный статус, положение, историческую конкретику. В порыве чувств Лысый восклицает: «Что ж так мало просишь?! <…> Детям — ничего не жалко! Детям — всё!» (122).

Но добро в «Эшелоне на Самарканд» *амбивалентно*. Этический поступок, основанный на осознании ценности жизни, может быть реализован за счет *другого*. Чекисты ночью «изъяли» (украли, сгребая все из изб и аптеки) у жителей Свияжска. Сам Деев говорит, упрашивая чекистов помочь: «Нужно просто прийти в дом — вы же знаете к кому, — сейчас прийти, ночью, когда сонные все и не соображают ни черта. Прийти и сказать, чтобы отдавали запасы. Что сейчас наступил самый край. Они вам поверят и послушают — сами всё отдадут» (118). Подозрительная осведомленность Деева в подобном прозрачно намекает на его прошлое, о чем можно удостовериться, когда он рассказывает о своей работе в ссыпном пункте. Деев вновь демонстрирует пренебрежительное отношение к тем, кого считает «бывшими», к реликтам дореволюционной эпохи, которые не приняли советскую власть: «Через пару месяцев тайники и схроны опять битком набьются. Кулак — он живучий, он же едой обрастает, словно зверье шерстью: сколько ни брей, все равно лохматый» (119). Этическая двойственность эпизода налицо. Деев искренне заботится о детях, которых должен привезти в Самарканд; однако, надеясь, что «богатые» жители Свияжска в конце концов «обрастут едой», он забывает,

что дети есть не только в его поезде — они же есть у обокраденных крестьян. В романе наглядно показано, что беспризорниками, сиротами, бандитами дети становятся, потому что теряют родителей, которые умирают от голода (так, к примеру, умерла мать Загрейки). Пытаясь помочь одним детям, Деев умножает потенциальное несчастье, голод, смерти. Однако в общем контексте романного мира это не просто трагедия, а *трагическая необходимость и неизбежность*.

Иные эпизоды романа, в которых сталкиваются два исторически обусловленных и неистребимых мира, фактически сюжетно однотипны. Во время разбушевавшейся холеры эшелону помогает атаман белоказаков Яблочник, который привозит известь для дезинфекции лазарета, воду, еду (украденную ранее), а взамен просит провести церковную службу в вагоне — оказывается, лазарет некогда был походной церковью. Деев с ненавистью следит за службой и несколько раз пытается прервать молитву (иронично, но герою нестерпимо хочется спеть «Интернационал»): «Дети же умирают, думает Деев. Вот они, рядом, только руку протяни. А эти — про чужую смерть слушают и слёзы над ней льют. Это — как?» (363). Рационального объяснения ненависти Деева не может существовать. Он не принимает веру, потому что так требует новая власть, не принимает и потому, что не может смириться с тем, что в мире существует зло. Дослушав проповедь священника, Деев не может сдержать гнев: «Свечки держите <…> И поете душевно так. А машинистам руки-то — поотстрелили! <…> И рыбы соленой спалили целый вагон! — Деев кричит уже во весь голос. — Тысячу человек бы накормить этой рыбой. А вы — спалили! Христос ваш рыбу не сжигал, а голодным раздавал[6]. Забыли про то? — Расталкивая толпу, Деев тоже бросается к алтарю, чтобы швырнуть упреки в лицо самым главным — черному попу и белому атаману» (367). Столкновение Деева с казачьим священником — это столкновение двух *трактовок страдания*. Священник видит в детской смерти («дети наши распяты») сакральный смысл, искупление и призывает к смирению. Деев же, человек действия, воспринимает смерть как личный вызов, как несправедливость, которую нужно немедленно исправить, а не оплакивать.

Упреки Деева справедливы. Отправляясь дальше, уже после богослужения, эшелон натыкается на «подарки» атамана, в том числе и на украденную рыбу. Но ее приходится забрать, чтобы она стала пищей для детей и их сопровождающих. Деев, как и положено герою исторического романа, остается верен себе, чтобы выполнить миссию — спасти детей: не изменяется и не приспосабливается, подстраиваясь под обстоятельства. Он честен и добр, прямолинеен и настойчив, верит в человечность и правду, а потому всегда побеждает, — такова концепция героя исторического романа. Деев готов на все, чтобы помочь детям; он выдерживает и унижения, которые приготовил для него главарь басмачей Буре-бек, который спас его от голодной смерти и помог эшелону: снабдил провизией, водой, топливом (формой убитых

[6] Очень любопытная реплика. Деев не слишком образован; когда он слушает Фатиму, то половину не понимает. Даже во время службы он не осознает, что происходит, — на помощь приходит Белая, которая выросла в храме и когда-то была трудницей. Но в этом высказывании Деев демонстрирует знание хрестоматийных библейских эпизодов «Насыщения множества народа» хлебами и рыбой (см.: Мф. 14: 13—21; 15: 32—39). Возможно, он слышал об этом во время пропагандистского клеймления религии. В любом случае это кажется несколько дисгармоничным в образе Деева, однако позволяет поставить древний вопрос “Unde malum?”: откуда в мире зло, если есть Бог?

красноармейцев, которую пришлось кидать в печь вместо дров и угля, что вновь подчеркивает контрастность эпизода, его нравственный дуализм), что фактически способствовало успешному завершению пути в Самарканд.

Ситуации колебаний и поиска, которые пронизывают роман, позволяют показать множество точек зрения, иных «правд» о мире: ошибок и заблуждений, правоты и достоинств. Именно Дееву приходится быть в центре этих «переходных» моментов, что, в свою очередь, позволяет ему укрепить собственные критерии оценки происходящего, основанные на традиционной системе ценностей и гуманизме. Сталкиваясь с очевидным добром, направленным на благо и спасение детей, Деев принимает его, даже если оно выходит за рамки политической корректности, что обеспечивает сохранение человеческих ценностей в кризисные исторические моменты. В определенном смысле именно политический нейтралитет позволяет Дееву спасти эшелон. Так в историческом романе Г.Ш. Яхиной историческое время (война, голод, строительство нового государства) соотносится с «временным рядом индивидуальной жизни» (любовь к человеку) (М.М. Бахтин). Именно гуманистическое начало, которое сформировано через лишения и изживание зла в себе, позволяет измерить историю в иных ценностно-смысловых координатах.

Итак, идейно-образная структура «Эшелона на Самарканд» сложна как раз ввиду своей амбивалентности. Всякое путешествие меняет человека, расширяет его духовные горизонты вместе с покорением новых пространств; так и Деев (а вместе с ним Белая, Фатима и Буг), выходя за пределы внутренне усвоенных представлений о мире (политических, общественных, личностных), расширяет, но не меняет свои нравственные горизонты. Как и Петр Гринев, который, пройдя через горнило пугачевщины, не изменяет дворянской чести, а лишь укрепляется в ней, так и Деев остается верен своей этической позиции — спасению детей любой ценой, даже если эта цена — временный союз с идеологическими врагами. При этом названные персонажи, как это свойственно героям исторического романа, остаются равными себе и своей этической позиции: так, Деев не перестает верить в идеалы советской власти, даже сталкиваясь с добротой и участием со стороны казаков и басмачей и видя безумства пьяных чекистов, но он не просто признается, но осознает, что «люди хорошие в дороге попадались, помогли» (481). Фатима не изживает свою травму — потерю любимого сына Искандера, — но внутренне соглашается с тем, что нужна другим «Искандерам», оставшимся без крова и семьи детям. Поэтому она покидает Самарканд: «А они и так уже твои, — восклицал Буг, пытаясь уговорить Фатиму вернуться в эшелон. — Ты же их выкормила — не хлебом, как Деев, а лаской. Они же тобой спаслись! Любовью твоей. Поцелуями твоими. Улыбками. Поэтому — твои…» (477). Оставаясь собою, герои принимают мир таким, какой он есть, во всей социальной, нравственной, политической и исторической полноте и обусловленности, что духовно примиряет их с ужасным прошлым и трагедиями в настоящем (не случайно Деев впервые заплакал в объятьях Фатимы (в которой воплощен архетип матери [Букарева 2022: 60]), когда исполнил свое предназначение и спас детей, что свидетельствует о том, что благодаря этому он примирился с тем злом, которое причинил, с убийствами, которые совершил, исполняя долг). Наконец, возвращаясь в Казань, «Деев спал так сладко, как никогда еще за время пути, а проснувшаяся Фатима гладила его по волосам и слушала трубный храп фельдшера. Мужчина, женщина и старик уезжали в семейном

купе — и каждый был каждому близок и дорог» (497). Гармония мира и человека восстановлена.

Но композиция романа выдержана не только в форме путешествия, как уже отмечено исследователями; она исключительно *симметрична* (как, кстати, и композиция «Капитанской дочки»), согласуясь с циклической схемой сюжета, что свойственно историческому роману. Начало романа — это уже эпизод *спасения* детей, в том числе и калек, и неходячих, поскольку их Деев забирает из голодающей Казани. Затем, в финале романа, мы вновь оказываемся в *ситуации спасения* детей, причем в том же пространстве, что и в начале повествования: в детском доме. Пятьсот детей (и новорожденный младенец), пусть и не в том составе, что был изначально, всё же добираются до хлебного Самарканда, чтобы пережить поволжскую еще более голодную и суровую зиму вдали от дома. Симметричность усиливается и тем, что вновь Деев общается с руководительницей детского дома: если в Казани это была заведующая эвакоприемником Шапиро, которая заботилась о всех принятых детях, то в Самарканде ею оказалась заведующая детским домом Давыдова, которая, даже несмотря на риск оказаться в лагере за своеволие, принимает всех привезенных Деевым детей. Зеркальная симметрия композиционно *закольцовывает* роман: в финале Деев, Фатима и Буг возвращаются в Казань, чтобы вновь организовать эвакуацию детей. Эта кольцевая композиция, маркирующая не статичность, а циклическое возобновление жизненного и исторического круговорота, восходит к пушкинскому принципу построения «Капитанской дочки», в которой эпилог («потомство») лишь подчеркивает неизменность нравственных уроков, вынесенных героем. Только Белая, выполнив свое предназначение и научив Деева всему, чему могла, «тряслась в повозке на юг» (497), чтобы выполнять очередное поручение Деткомиссии, что тоже отсылает к началу романа: комиссар Белая была *неожиданно* назначена сопровождающим эшелона на Самарканд, и так же *неожиданно* исчезла. Белая, как справедливо пишет Н.Ю. Букарева, — герой внутренне *цельный*, уверенный в правильности и целесообразности новой действительности: «Героине не свойственны сомнения при принятии решений, внутренний конфликт, так как идеальная личность данного времени цельная, не знает колебаний» [Букарева 2022: 58].

Однако симметрия заметна и в трагическом тоне, который звучал в образе вопля Сени-чувашина, который еще в эвакоприемнике чувствовал приближающуюся смерть, и в трагической судьбе Загрейки, который, будучи ослепленным своим спасителем Деевым, находившимся в голодном бреду (он выдавил ребенку глаза дулом револьвера, думая, что сражается со смертью, о чем так и не вспомнил), ползет по рельсам на север, туда, куда отбыл эшелон, чтобы «искать брата», которого, как он сам осознавал, «будет искать всегда» (497). Не только гармония человека и мира восстанавливается в финале романа, но и гармония жизни и смерти, трагических противоречий социального бытия и подлинной любви и верности в частной жизни человека. Роман не дидактичен и условно-аллегоричен, а возвышенно трагичен: сто три детских смерти абсолютно реальны, реальны и девять убитых Деевым детей, и десятки сгоревших женщин, напавших на ссыпной пункт, и убитые красноармейцы под Свияжском, и вымершие деревни в Чувашии, которые видела Белая. Показателен один из многих эпизодов, которые воплощают образ страдания и смерти: «Везде — до боли похожие картины: опустелые дома, сбившиеся в одну избу люди. Уродливая худоба или уродливая толщина тел,

покорность и безучастность во взглядах. В остывающих чугунках — камни, земля и гнилая трава. Поля — без озимых. Хлева — без животных. Амбары — без еды. Больницы, где не лечат. Школы, где не учат…» (168). Этот образ смерти — не результат чьей-то злой воли или конфликта враждующих сторон, а итог глубоких исторических и социокультурных процессов, которые не зависят от человека. Г.Ш. Яхиной, как и позднему А.С. Пушкину, чужд «односторонне-дидактический подход к истории» [Лотман: 112]. Воспользуемся размышлениями Ю.М. Лотмана о концепции истории в «Капитанской дочке»: Пушкин, за которым этически и эстетически следует Яхина, «в борющихся сторонах видит не представителей порядка и анархии, не борцов за “естественное” договорное общество и нарушителей исконных прав человека»; писательница, продолжая пушкинскую традицию, «видит, что у каждой стороны есть своя, исторически и социально обоснованная “правда”, которая исключает для нее возможность понять резоны противоположного лагеря» [Там же: 112—113]. В этом заключается амбивалентность повествования об истории у Яхиной, ее сложное понимание социально-политических и исторических процессов.

Итак, мы видим, что Г.Ш. Яхина следует традициям русского исторического романа, начатой «Капитанской дочкой» А.С. Пушкина: для «Эшелона на Самарканд» оказывается принципиальным не статичное изображение истории и судьбы героя, а они вместе — в нравственной перспективе. Ход и логика истории и ее типичные герои подвергаются этической оценке, а главный герой, носитель идеала, — испытанию на тождество самому себе и собственным представлениям о добре и справедливости. Об эволюции героя, как и в других исторических романах, речи нет; однако очевидно, что Деев получает способность принимать чуждые ему взгляды на мир, если в их основе гуманистическое начало, конкретная жизненная позиция, ответственность перед другими людьми. Деев деятельным добром изживает и собственную травму — убийство детей (совершенно законное, но этически немыслимое). Однако амбивалентность, пронизывающая роман, свидетельствует о том, что в мире, где царит всеобщая двусмысленность, трагедия невозможна: мудрость примирения позиций, точек зрения, осознание капризности и произвольности судьбы немыслимы в истинной трагедии. Потому Яхина не перестает в каждом «чудесном» эпизоде своего романа неустанно повторять: моральный агностицизм — не позитивная норма для человека, а трагедия, поскольку в нем размываются границы между реальным добром и реальным злом. Всё оказывается амбивалентным, двойственным, взаимооправдывающим. Возможно, это свойственно диалектике и логике исторического процесса, но не должно быть присуще людям. И в этом видится шаг вперед, углубляющий пушкинскую концепцию разумной целесообразности истории. В романах Яхиной жизненная необходимость, внутренне определяющая нравственные поступки человека, не должна смиряться с данностью истории.

Список литературы / References

Агранович С.З. Миф, фольклор, история в трагедии «Борис Годунов» и в прозе А.С. Пушкина. Самара: Самарский университет, 1992. 214 с.

(Agranovich S.Z. Myth, folklore, and history in the tragedy “Boris Godunov” and in Pushkin’s prose, Samara, 1992. — In Russ.)

Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986. 541 с.

(Bakhtin M.M. Literary and critical articles, Moscow, 1986. — In Russ.)

Букарева Н.Ю. Человек и история в романе Гузель Яхиной «Эшелон на Самарканд» // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2022. № 1 (40). С. 57—61.

(Bukareva N.Yu. Man and history in Guzel Yakhina's novel "Echelon to Samarkand", *Scientific Notes of Novgorod State University*, 2022, no. 1 (40), pp. 57—61. — In Russ.)

Букарева Н.Ю. Мотив пути в романе Гузели Яхиной «Эшелон на Самарканд» // HOMO ITER: Путешествие как феномен культуры (Россия и Китай: научное сотрудничество "中俄学术合作"丛书). Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2024a. С. 251—258.

(Bukareva N.Yu. The motif of the journey in Guzel Yakhina's novel "Echelon to Samarkand", *HOMO ITER: Travel as a Cultural Phenomenon (Russia and China: Scientific Cooperation)*, Yaroslavl, 2024a, pp. 251—258. — In Russ.)

Букарева Н.Ю. Роман Гузель Яхиной «Эшелон на Самарканд»: проблема жанра // Метрополия и диаспора: альтернативные/тождественные миры русской литературы XX века: Коллективная монография, посвященная памяти профессора В.В. Агеносова. М.: Юрист, 2024b. С. 372—387.

(Bukareva N.Yu. Novel by Guzel Yakhina "Echelon to Samarkand": the problem of genre, *Metropolis and Diaspora: Alternative/Identical Worlds of 20th-Century Russian Literature. A Collective Monograph Dedicated to the Memory of Professor V.V. Agenosov*, Moscow, 2024b, pp. 372—387. — In Russ.)

Иванюк Б.П. Жанровый синтез: версия словарного описания понятия // Дергачёвские чтения — 2006. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: материалы международной научной конференции. Т. 1. Екатеринбург, 2007. С. 115—116.

(Ivanyuk B.P. Genre synthesis: a dictionary description of the concept, *Dergachev Readings — 2006. Russian Literature: National Development and Regional Features. Proceedings of the International Scientific Conference*, vol. 1, Yekaterinburg, 2007, pp. 115—116. — In Russ.)

Лотман Ю.М. Идейная структура «Капитанской дочки» // В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Просвещение, 1988. С. 107—124.

(Lotman Yu.M. The ideological structure of "The Captain's Daughter", *In the School of Poetic Word: Pushkin. Lermontov. Gogol*, Moscow, 1988, pp. 107—124. — In Russ.)

Малкина В.Я. Поэтика исторического романа: Проблема инварианта и типология жанра. Тверь: Тверской государственный университет, 2002. 140 с.

(Malkina V.Ya. Poetics of the Historical novel: the problem of invariant and typology of the genre, Tver, 2002. — In Russ.)

Марусова И.В. Структура волшебной сказки в романе А.С. Пушкина «Капитанская дочка» // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. Т. 20. С. 2566—2570.

(Marusova I.V. The structure of a fairy tale in A.S. Pushkin's novel "The Captain's Daughter", *Scientific and Methodological Electronic Journal "Concept"*, 2014, vol. 20, pp 2566—2570. — In Russ.)

Смирнова А.И. Проза Г. Яхиной как опыт художественной реконструкции исторического прошлого и создания персональной мифологии // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2023. № S6. С. 133—139.

(Smirnova A.I. Yakhina's prose as an experience of artistic reconstruction of the historical past and creation of a personal mythology, *Philological Sciences. Scientific Reports of Higher School*, 2023, no. S6, pp. 133—139. — In Russ.)

Тамарченко Н.Д. «Капитанская дочка» и судьбы исторического романа в России // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 1999. Т. 58. № 2. С. 44—53.

(Tamarchenko N.D. “The Captain’s Daughter” and the fate of the historical novel in Russia, *Bulletin of the Academy of Sciences. Literature and Language Series*, 1999, vol. 58, no. 2, pp. 44—53. — In Russ.)

Черниенко Л.В. Русская драматургия на рубеже тысячелетий. Луганск: [Б. и.], 2010. 200 с.
(Chernienko L.V. Russian Drama at the Turn of the Millennium, Lugansk, 2010. — In Russ.)

Dibelius W. Englische Romankunst. Bd. 2. Berlin und Leipzig: Mayer & Müller, 1922, 494 S.

“ECHELON TO SAMARKAND” BY G. YAKHINA AND TRADITIONS OF THE HISTORICAL NOVEL

Anna A. Bochatskaya
Lugansk State Pedagogical University, Lugansk, Russian Federation,
dancinglady94@yandex.com

Abstract. G. Yakhina's novel Echelon to Samarkand inherits the traditions of the historical novel, particularly A.S. Pushkin's The Captain's Daughter. The journey plot allows for capturing the fate of young Soviet Russia in motion: encountering different worldviews and people along the way and overcoming the vicissitudes of fate, Deev, an adventurous hero, comprehends the complexity of historical and sociocultural processes that dialectically determine the destiny of both the people and the individual. The measure of humanity turns out to be a humane attitude towards others, rather than ideological beliefs, social prejudices, or historical circumstances (the foe-us opposition). Deev, as befits a hero of a historical novel, embodies a stable ethical position of love for one's neighbor, which remains unchanged throughout the novel — this allows him to save the echelon and come to terms with his corrosive tragic past. However, the narrator's irreconcilability with the general ambivalence of life and events, which permeates Echelon to Samarkand, deviates from the genre canon of the historical novel: in the ideological and semantic sphere of the novel, the idea of the inadmissibility of moral agnosticism and the blurring of boundaries between good and evil is important.

Keywords: historical novel, humanism, dialectics of history, adventurous plot, ambivalence, parable

For citation: Bochatskaya A.A. “Echelon to Samarkand” by G. Yakhina and traditions of the historical novel, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2026, Special issue, pp. 31—42.

Статья поступила в редакцию 21.08.2026; одобрена после рецензирования 22.09.2026; принята к публикации 25.09.2026.
The article was submitted 21.08.2026; approved after reviewing 22.09.2026; accepted for publication 25.09.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Бочацкая Анна Александровна — старший преподаватель кафедры английской и восточной филологии, Луганский государственный педагогический университет, г. Луганск, Россия, dancinglady94@yandex.com, SPIN: 1831-5858

Bochatskaya Anna Aleksandrovna — Senior Lecturer, Department of English and Oriental Philology, Lugansk State Pedagogical University, Lugansk, Russian Federation, dancinglady94@yandex.com

Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2026. Специальный выпуск. С. 43—52.
Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Special issue. P. 43—52.

Научная статья
УДК 821.161.1-1:82-1:004.738.5
EDN https://elibrary.ru/vhqwao
DOI: 10.46726/H.2026.5.5

МЕДИАЛЬНЫЙ И ЯЗЫКОВОЙ АСПЕКТЫ ПЕРФОРМАТИВНОСТИ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ Е. ЗАЙЦЕВА «САМОЕ ВРЕМЯ…»)

Олег Сергеевич Горелов, Мария Александровна Платонова
Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,
og-rus@inbox.ru, maryplatonova2005@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается феномен перформативности как междисциплинарная категория гуманитарного знания, восходящая к теории речевых актов Дж. Остина и переосмысленная Ю. Хабермасом, Ж. Деррида и др. Особое внимание уделяется проблеме применения концепции речевой перформативности при анализе и интерпретации поэтического текста. Выдвигается предположение о том, что стихотворение может пониматься в качестве вымышленного иллокутивного акта, способного имитировать перформативные механизмы обычных высказываний. В статье выделяется ряд аспектов стихотворной перформативности (коммуникативно-текстуальный, ритуальный, культурно-общественный, медийный и проч.). Среди элементов сформированной парадигмы обозначенного феномена наиболее релевантными признаются медиаперформативность и перформативность высказывания. Материалом анализа становится стихотворение Е. Зайцева «самое время…» в двух вариантах: исходный письменный текст и поэтическое видеосообщение в «Телеграме», созданное на его основе. Описывается, как метатекстуальность в аспекте ее автореферентности становится условием возможности реализации перформативных эффектов текста, а также как цифровые медиатехнологии, в качестве самостоятельного элемента поэтической структуры, продуцируют новые смыслы стихотворения. Вводится понятие медиавоплощения, описывающее синтез перформанса и его медиаформы на уровне телесной организации озвучивания поэтического текста.

Ключевые слова: перформативность, теория речевых актов, стихотворение, поэзия, современная поэзия, метатекстуальность, автореферентность, медиатехнологии, перформанс

Для цитирования: Горелов О.С., Платонова М.А. Медиальный и языковой аспекты перформативности поэтического текста (на примере стихотворения Е. Зайцева «самое время…») // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Специальный выпуск. С. 43—52.

Перформативность сегодня является одной из основных междисциплинарных категорий в области гуманитарного знания. В основе теории перформативности лежит представление об эквиакциональных высказываниях — особом типе высказываний, равнозначных действию. Джон Остин, описавший явление речевой перформативности одним из первых, утверждает, что существуют эксплицитные и первичные перформативы [Остин: 65]. Второй тип высказываний требует повышенного уровня интерпретации, так как

© Горелов О.С., Платонова М.А., 2026

на недескриптивную природу таких речевых актов указывают различные внеязыковые факторы: контекст реализации перформатива, жесты говорящего, тон его голоса, интонация и проч. Перформативный принцип был обоснован Остином на основе анализа частных речевых актов, позже Юрген Хабермас («Понятие индивидуальности», 1989) переносит его на уровень текста, указывая на то, что текстовое целое является, во-первых, актом саморепрезентации, во-вторых, коммуникативным действием [Хабермас]. Поскольку на сегодняшний момент «презумпция текстуальности, провозглашенная структуралистской парадигмой изучения текста, приобретает оппозицию в виде презумпции перформативности» [Сахарова], обращение к понятию «перформативность» зачастую неизбежно в рамках исследований текстов. При этом в одном случае признаки перформативности как обостренности соотношения слова и действия, присущие устному или письменному текстовому целому, будут непринципиальными для его анализа и интерпретации, в другом — их учет станет необходимым. Исследователю здесь предоставляется возможность обнаружить как общую перформативность текста, в том числе и стихотворного, так и отдельные перформативные высказывания в его структуре.

Часто забывают, что сам Остин отказывался анализировать речевые акты, обладающие иллокутивной силой, в составе поэтических текстов, реплик, звучащих с театральной сцены, фраз, сказанных человеком в разговоре с самим собой. Он считал возможную перформативность таких высказываний фиктивной, а их «непрямое», «несерьезное» использование — «паразитическим» по отношению к обычному, «нормальному употреблению» [Остин: 31]. Дефектная процедура осуществления речевого акта, по мнению ученого, порождает нерезультативное действие, что рассматривается им в качестве провала при употреблении перформатива. Тем не менее важно учитывать прагмалингвистическую концепцию Остина при изучении феномена стихотворной перформативности. Так, позицию Остина актуализирует Жак Деррида в статье «Подпись — Событие — Контекст» (1972) [Деррида]. Поддержав Остина в отходе от денотативного описания языка, он подвергает деконструкции разного рода лого- и фоноцентрические установки, которые обнаруживаются им в теории речевых актов. Здесь оказывается, что Деррида задолго до Хабермаса расширяет поле действия феномена перформативности за счет письменной речи, однако для него представляется наиболее важным в рамках данной работы выявление слабых мест концепции Остина. В первую очередь критике подвергается указанный выше отказ от анализа «паразитарных», «несерьезных» высказываний, которые Остин считает хотя и случайными, но реально возможными (и более того — частотными). Деррида задается вопросом: не являются ли эти внешние «неудачи» реализации, «риски» провала «позитивным и внутренним» основанием возможностей языка и речи, «силой и законом» их проявления [Деррида: 370]. Он характеризует письменный и устный речевой акт как обладающий структурной возможностью не только быть нечистым, ненормальным, но и быть лишенным коммуникации, контекста и осмысленной интенции субъекта высказывания, а значит, тех категорий, которые являются одними из основных для теории перформативов Остина. В конечном счете названная концепция, подвергнутая тщательной деконструкции с точки зрения постмодернистского понимания текста/письма, предстает лишенной теоретических предпосылок, что делает работу Деррида рискованной в контексте разговора о перформативности вообще. И все же в перспективе исследование перформативных высказываний в составе поэтических текстов

предполагает учет неоднозначного, проблематизированного понимания принципа языковой перформативности. На данном этапе работы можно предположить, что стихотворение действительно следует понимать как вымышленный иллокутивный акт, некоторые части которого, однако, способны имитировать перформативные механизмы и эффекты «нормальных» высказываний. Следовательно, применение перформативной типологии Остина при обращении к поэтическому материалу возможно, однако требует прояснения собственной исследовательской позиции.

При обращении к феномену стихотворной перформативности также необходимо учитывать, что лирика рассматривается наукой как непосредственное действие словом и исходя из ее генезиса, связанного с ритуальной культурой. Так, В.И. Тюпа считает, что «связь лирики с “магическими функциями слова” можно признать общим местом литературоведческой науки»: «магическое слово являет собой чистый перформатив», а лирический дискурс, в свою очередь, «формируется на почве дискурса магического, вырастает из заклинаний» [Тюпа: 40]. Стихотворение может быть понято как перформатив и с точки зрения теории социальных коммуникаций, то есть исходя из социальной функции языка вообще, поскольку поэтический текст является артефактом культуры и повседневной практикой отдельного человека конкретной исторической эпохи, обладает потенциалом, наряду с иными формами дискурса, реконструировать социальную среду.

Еще один аспект перформативности возникает, когда поэзия обнаруживает себя на стыке языка и медиатехнологий. Перформативность пронизывает медиапространство как таковое: дигитальная технология конфигурирует виртуальную реальность как коммуникативную среду, где медиа является предпосылкой для возникновения актов, формирующих социальную реальность Web 2.0 и порождаемых различными взаимодействиями — между пользователями, а также между пользователями и технологиями и т. д. При этом изменяется среда возникновения и бытования современной поэзии: стихотворение оказывается способно существовать как социально значимое событие в форме сообщения в личном/общем канале, блоге или на странице пользователя. Предполагается, что при обладании общим перформативным потенциалом на имманентном уровне текст в сети Интернет обретает статус медиапоэтического произведения только в случае, если его структура представляет собой взаимодействие в рамках текстового целого нескольких семиотических систем — вербальной, аудиальной, визуальной, телесной и т. п. В этом случае следует говорить о категории медиаперформативности [Масалов: 260], когда медиа наравне со словом, высказыванием или текстом оказывается способно обладать эквиакциональностью.

При непосредственной практике обнаружения стихотворной перформативности не все из названных аспектов будут равно релевантными. Такие перформативные уровни, как коммуникативно-текстуальный, ритуальный, культурно-общественный и медийный (в случае элементарной публикации стихотворения в виртуальном пространстве), представляют собой характеристики, изначально присущие поэтическому тексту. При изучении стихотворения они способны дать представление о сущности самого предмета анализа. В случае же непосредственного и индивидуального использования поэтами перформативных высказываний и/или медиатехнологий в структуре текста следует говорить о перформативности не как имманентной категории, но как о привнесенном, самостоятельно заданном параметре текстового целого. Таким

образом, среди названных аспектов понимания обозначенного феномена в качестве наиболее релевантных следует назвать медиаперформативность и перформативность высказывания.

В качестве примера выявления таковых элементов поэтической перформативности было выбрано стихотворение «самое время…» Егора Зайцева [Зайцвé].

самое время
написать
о том

как это
это самое
это самое время
~~лето~~
проходит

и за секунду
и за секунду
ухватилась секунда

и за секундой
———
~~лето~~

до краев до краев

ещё полное
ещё целое
ещё ~~лето~~

это
самое
полное ~~лето~~ целое
самое
время

хоронить листы
до полей
исписанные солнцем

При этом осуществление анализа и интерпретации текста предполагает рассмотрение его вариантов, неравноправных относительно времени своего создания, но обладающих одинаковой ценностью как произведений с самостоятельной художественной структурой: стихотворение в *письменной форме* и поэтическое *видеосообщение* («кружок» в «Телеграме»; далее: ВС), записанное на его основе[1].

Основной категорией исходного текста является время, на что, в первую очередь, указывает частотность использования временной лексики. Опорные проблемные положения, из которых исходит субъект стихотворения в своих размышлениях, можно сформулировать так: «время конечно» и «время

[1] Подробнее о транскодировании исходного стихотворения в процессе создания медиатекста см.: [Платонова].

бесконечно». Их содержание связано с понятием границы, которое, в свою очередь, отсылает к области осмысления пространства. Здесь играет роль отсутствие у человека прямого сенсомоторного опыта актуализации такого абстрактного понятия, как время, что и является причиной использования пространственной терминологии для его описания. Времени, согласно основной его характеристике, свойственно длиться, однако человек способен столкнуться с внерациональным ощущением его границы. На особенности восприятия времени в том числе влияют и различные внешние события: так, для субъекта стихотворения причиной ощущения границы времени становится переживание приближающегося конца лета. Под совершившимися событиями к концу лета представляется необходимым подводить черту. Таким образом, человек в этот период обращается к себе в попытках осмыслить не только произошедшее с ним за год, но, возможно, и собственную жизнь вообще.

В первых же строках стихотворения («самое время / написать») субъект артикулирует потребность/необходимость письма. Приведенная фраза не является перформативным выражением в остиновском понимании, поскольку не производит собой действие (ср. «я клянусь»). Это высказывание метатекстуального характера, обнажающее рефлексию субъекта над самим процессом письма. Разумеется, метатекстуальность и перформативность являются различными феноменами, преследующими разные цели, однако у метатекста и перформатива есть общий источник — явление автореферентности. Перформативное высказывание автореферентно по своей природе: «Выражения типа “Я приветствую вас” действительно не отсылают ни к чему другому, кроме самих себя в момент произнесения или написания» [Фещенко: 17]. Метатекст же автореферентен по другой причине: он отсылает к речи как к объекту, являясь высказыванием о высказывании/возможности высказывания, комментарием к организации письма. Применительно к анализируемой строке можно говорить о том, что ее метатекстуальные свойства подготавливают перформативный эффект текста в целом, т. к. она размещается в контексте разворачивающегося действия-письма. Приведенная фраза создает потенциальное напряжение в зоне перформативности, где само стихотворение может быть воспринято как автореферентное высказывание, как текст, который одновременно пишется и сообщает о том, что «самое время» его «написать». Так метатекстуальность первой строки в аспекте ее автореферентности становится условием возможной реализации перформативных эффектов текста.

На образно-смысловом уровне стихотворение можно разделить на две заметно неравные по объему части. К *первой* относится всё, что связано с самим переживанием ухода времени, ко второй, после повтора слов «самое время», возвращающих к началу текста, — нахождение соответствия между процессами жизни/смерти человека и природы. Если выбранный ракурс размышления о времени невозможно оторвать от понимания пространства, то закономерным становится воплощение границы времени в тексте в многочисленных пространственных и материальных образах. Так, три черты, которые следуют за «секундой», не производят собственно смыслового деления текста, но *графически* реализуют границу времени. Зафиксированная в первой части текста ситуация переполненности времени избыточна в своем описании, действие здесь замедленно. Прием ретардации, в частности, задается повторами слов/словосочетаний, семантически разнородных из-за многозначности лексем. Небольшая по объему *вторая* часть стихотворения стремится выйти за пределы переживания темпоральной предельности и

имманентно содержит в себе переход от лета к осени, вновь задавая движение времени (лежащие на земле листья указывают на приближение осени). Многочисленные образы границы множатся вплоть до финала текста, на что указывает, например, предстающее на протяжении всего текста зачеркнутым ключевое слово «лето», так как здесь визуализируется проходящая уже по самому слову граница времени. Однако во второй части такие образы оказываются не замкнуты на собственной предельности, а задают широкую перспективу, где есть место не только смерти, но и жизни[2]. Указанные процессы в человеческом и природном мирах вписаны в общее движение времени. Стихотворные «листы» с «полями» двоятся в своем значении: это не только картина грядущей смены времен года, но и плоскость тетрадного листа с очерченной границей. Тема письма актуализируется в начале текста как самомотивация имплицитно проявленного субъекта и возникает затем в конце, но уже как действие природного объекта — солнца. За лето «листы» вобрали в себя много света, значит, к его концу солнечными лучами они были как бы «исписаны» до предела. Субъект здесь, таким образом, обретает чувство сопричастности объектам природы, которое позволяет, в конечном счете, осознав полноту собственных ощущений, обнаружить себя (в процессе жизни *и* смерти) частью временн*о*го потока.

Егор Зайцев опубликовал ВС с озвученным анализируемым стихотворением 16 августа 2025 года в личном телеграм-канале [Зайцев]. Согласно С.И. Бернштейну, озвучивание поэтического текста актуализирует один из возможных вариантов его интерпретации [Бернштейн]. Исходный текст прочитывается в первую очередь с точки зрения субъекта, чье восприятие и осмысление конца времени связано с фактом близящегося конца лета. Зайцев же предуведомляет чтение стихотворения такими словами: «сегодня мне тридцать лет, и, по-моему, самое время…». В этой реплике указывается на внешнее событие иного характера, задающее все то же чувство конечности времени. Здесь начинает работать весь комплекс размышлений и чувств, к проживанию которых побуждает и само событие (день рождения), и завершение определенного жизненного этапа. Круглая дата (30 лет) в рамках этой интерпретации указывает на одни из ключевых категорий текста — полноту и предельность. Празднующий в этот день также в разы отчетливее постигает свое расположение между прошлым и будущим и ощущает движение/остановку времени, как и человек, осознавший в августе скорое наступление осени. Можно предположить, что исходное стихотворение актуализируется для говорящего уже ввиду двух причин, совпавших в одной дате. Оба события порождают ощущение временн*о*го конца, что можно соотнести с настигающим чувством приближающейся смерти, поскольку здесь точно так же сжимается «в пружину оставшийся кусок жизни», а человек наделяется «чрезмерной восприимчивостью, способностью к символическому смыслонаделению происходящего» [Красильников: 87].

Обозначенная интерпретация реализуется не только через содержание звучащего предуведомления, но и через голосовые/внешние характеристики говорящего: аудиовизуальная природа поэтического кружка приближает реципиента к поэту, усиливая собственно авторское, личное присутствие. Субъект в исходном тексте почти не обнаруживает себя (здесь на первый

[2] Так, семантика слова «хоронить» указывает не только на смерть как предел земного существования, но и отсылает к похоронам, *переходному* обряду.

план через формы инфинитива выводится само действие, а не лицо, его совершающее), в рамках же ВС говорящий проявлен максимально отчетливо.

За счет визуального уровня медиатекста иначе расставляются некоторые акценты в содержании реализуемой интерпретации. В кружке нет ни солнца, ни поля, вместо них предстают размытые объекты городской среды и засвеченное неразличимое небо. Очевидное несоответствие ландшафтов, реализованное при помощи технологии видеозаписи, определяет оппозицию урбанистического и природного. Связь субъекта (говорящего) и объекта (солнца) здесь ослаблена (по сравнению с этой парой в исходном тексте), и на первый план выходит разрыв между двумя сферами/зонами человеческой жизни. В результате такой переакцентуации, при композиционном переходе от узкой проблемной области к более широким, универсальным вопросам, финальное для стихотворения чувство единения ослабляется, и уже не так однозначно воспринимается попытка увидеть включенность жизни человека в общий, со-природный поток времени. Цифровой медиум позволяет сместить ряд аспектов интерпретации исходного текста, конструируя собственную: технология продуцирует новые смыслы, становясь самостоятельным перформативным элементом поэтической структуры.

Специфика перевода графической составляющей исходного текста в динамическое изображение раскрывается также в связи с телесной организацией чтения стихотворения. В печатном варианте стр*о*ки «до краев / до краев» располагаются по краям листа, во время же их произнесения говорящий наклоняет голову в одну и, после склейки на слове «лето», в другую стороны. Категория телесности, понимаемая, разумеется, как телесность, опосредованная технологией, то есть иллюзия, создающая видимость непосредственного присутствия, позволяет обнаружить проницаемость границы между медиапоэтическим текстом и перформансом, играя особую роль в реализации медиаперформативности. В противовес ослабленной субъектности исходного стихотворения разворачивающиеся в ВС действия конфигурируют виртуальную телесность говорящего, реализуя одну из категорий эстетики перформанса — воплощение (embodiment).

Э. Фишер-Лихте, исследовавшая историю обозначенного явления, указывает на противопоставленность перформанс-арта его медиализованному формату с точки зрения реальности/виртуальности воспринимаемого тела действующего субъекта [Фишер-Лихте]. Думается, однако, что концепция воплощения, понимаемая как реализация субъектом перформативных действий, с помощью которых он создает собственную телесность, может быть небесполезной и для анализа поэтического ВС. Такие исследователи перформанса, как Р. Краусс, А. Джонс, А. Вагнер, указывают на существование художественных практик, в рамках которых фотография или видео не просто предлагают способ зафиксировать высказывание, но предстают в качестве «пространства, в котором — и благодаря которому — это высказывание оказывается возможным» [Исраилова: 32]. Граница между перформансом и его медиаформой, таким образом, нечеткая, а оппозиция не такая жесткая, какой ее предлагает рассматривать Фишер-Лихте, поскольку обозначенные явления способны существовать в синтезе. Как следствие, в анализируемом поэтическом ВС, где медиаперформативность проявляет себя и на уровне телесной организации озвучивания, актуализируется категория, которую можно предварительно обозначить как медиавоплощение (ср. медиаперформанс).

Если в исходном тексте первая строка продуцирует возможность обнаружения его перформативного эффекта как разворачивающегося действия-письма, которое комментирует собственное создание, то в поэтическом ВС указанная категория также проявляется и на уровне медиа: аудиовизуальные цифровые технологии оказываются способны продуцировать смыслы наравне с вербальной составляющей текста.

Обращение к истокам теории перформативности, а также учет противоречивости некоторых из последующих подходов к ее изучению дают возможность открытия и осмысления многоаспектности названного явления в области поэзии. Среди выделенных элементов парадигмы понимания обозначенного феномена медиаперформативность и перформативность высказывания предстают в качестве наиболее значимых ее составляющих, дальнейшее исследование которых позволит осуществлять анализ и интерпретацию стихотворного текста без потери смысла.

Список источников

Зайцвé Е. «самое время…» // Фокус внимания. Тбилиси: ποίησις as is, 2025. С. 64—65.

Зайцев Е. самое время. URL: https://t.me/erogerog/143 (дата обращения: 15.02.2026).

Список литературы / References

Бернштейн С.И. Задачи и методы теории звучащей художественной речи // Звучащая художественная речь: Работы Кабинета изучения художественной речи (1923—1930) / сост.: В. Золотухин, В. Шмидт. М.: Три квадрата, 2018. С. 22—87.

(Bernshtejn S.I. Tasks and Methods of the Theory of Spoken Artistic Speech, *Spoken Artistic Speech: Works of the Cabinet for the Study of Artistic Speech (1923—1930)*, ed. by V. Zolotukhin, V. Schmidt, Moscow, 2018, pp. 22—87. — In Russ.)

Деррида Ж. Подпись — Событие — Контекст // Деррида Ж. Поля философии / пер. Д.Ю. Кралечкина. М.: Академический Проект, 2012. С. 349—375.

(Derrida J. Signature — Event — Context, *Derrida J. Fields of Philosophy*, trans. by D.Yu. Kralechkin, Moscow, 2012, pp. 349—375. — In Russ.)

Исраилова М. Перформанс и его документация // Театр. 2017. № 29. С. 28—35.

(Israilova M. Performance and its documentation, *Theatre*, 2017, no. 29, pp. 28—35. — In Russ.)

Красильников Р.Л. Образ смерти в литературном произведении: модели и уровни анализа. Вологда: ГУК ИАЦК, 2007. 140 с.

(Krasilnikov R.L. The image of death in a literary work: models and levels of analysis, Vologda, 2007, 140 p. — In Russ.)

Масалов А. Медиаперформативность Аристарха Месропяна и Гликерия Улунова // Новое литературное обозрение. 2023. № 182. С. 258—270.

(Masalov A. Mediaperformativity of Aristarkh Mesropyan and Glikeriy Ulunov, *New Literary Observer*, 2023, no. 182, pp. 258—270. — In Russ.)

Остин Д. Избранное / пер. с англ. Л.Б. Макеевой, В.П. Руднева. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. 332 с.

(Austin J. Selected Works, trans. by L.B. Makeeva, V.P. Rudnev, Moscow, 1999, 332 p. — In Russ.)

Платонова М.А. Видеосообщение в «Телеграме» как форма медиапоэзии (на материале стихотворения Е. Зайцева «Слова зажглись…») // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая

Григорьевича Столетовых. Серия: Социальные и гуманитарные науки. 2025. № 4. С. 47—54.

(Platonova M.A. Video message on Telegram as a form of media poetry (based on the poem «words lit up…» by E. Zaitsev), *Bulletin of Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs, Series: Social and Humanitarian Sciences*, 2025, no. 4, pp. 47—54. — In Russ.)

Сахарова Е.Е. Феномен перформативности в современном интеллектуальном дискурсе // Актуальные проблемы филологии: материалы V международной (заочной) научно-практической конференции, посвященной 15-летию РИ (филиала) АлтГУ (7 июня 2011 г.). Вып. 5. Барнаул; Рубцовск: Издательство Алтайского университета, 2011. URL: https://textarchive.ru/c-2723693-p10.html (дата обращения: 13.08.2026).

(Saharova E.E. The Phenomenon of Performativity in Modern Intellectual Discourse, *Current Problems of Philology: Proceedings of the 5th International (correspondence) Scientific and Practical Conference dedicated to the 15th anniversary of the Rubtsovsk Institute, a branch of Altai State University (June 7, 2011)*, iss. 5, Barnaul, 2011. — In Russ.)

Тюпа В.И. Перформативные истоки лирики // Литературоведческий сборник. 2012. № 49—50. С. 40—62.

(Tyupa V.I. Performative Origins of Lyric Poetry, *Literary Studies Collection*, 2012, no. 49—50, pp. 40—62. — In Russ.)

Фещенко В.В. Автореференция как проявление языковой рефлексии (в обыденном языке и в поэтическом эксперименте) // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2023. № 2. С. 13—25.

(Feshchenko V.V. Autoreference as a manifestation of linguistic reflection (in everyday language and in poetic experimentation), *Proceedings of the V.V. Vinogradov Institute of the Russian Language*, 2023, no. 2, pp. 13—25. — In Russ.)

Фишер-Лихте Э. Эстетика перформативности / пер. с нем. Н. Кандинской, под ред. Д.В. Трубочкина. М.: Международное театральное агентство «Play&Play»; Канон+, 2015. С. 141—170.

(Fischer-Lichte E. Aesthetics of Performativity, trans. by N. Kandinskaya, ed. by D.V. Trubochkin, Moscow, 2015, pp. 141—170. — In Russ.)

Хабермас Ю. Понятие индивидуальности // Вопросы философии. 1989. № 2. С. 35—41.

(Habermas J. The Concept of Individuality, *Problems of Philosophy*, 1989, no. 2, pp. 35—41. — In Russ.)

THE MEDIA AND LINGUISTIC ASPECTS OF PERFORMATIVITY IN POETIC TEXT (ON THE EXAMPLE OF POEM “THE RIGHT TIME…” BY E. ZAYTSEV)

Oleg S. Gorelov, Maria A. Platonova
Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation,
og-rus@inbox.ru, maryplatonova2005@gmail.com

Abstract. The article examines performativity as an interdisciplinary category of humanities, tracing its origins to J. Austin's theory of speech acts and its reinterpretation by J. Habermas, J. Derrida, and others. Special attention is paid to applying speech performativity to the analysis of poetic text. A poem is understood as a fictional illocutionary act capable of mimicking the performative mechanisms of ordinary statements. Several aspects of poetic performativity are highlighted (communicative-textual, ritual, cultural-social, media-related, etc.), with media performativity and the performativity of an utterance recognized as the most relevant. The material is E. Zaitsev's poem “the right time…” in two versions:

the written text and a poetic video message in Telegram. It is shown how metatextuality becomes a condition for realizing the performative effects of a text, and how digital media technologies produce new meanings of the poem. The concept of media embodiment is introduced, describing the synthesis of performance and its media form in the vocalization of the poetic text.

Keywords: performativity, speech act theory, poetry, verse, modern poetry, metatextuality, self-referentiality, media technologies, performance

For citation: Gorelov O.S., Platonova M.A. The media and linguistic aspects of performativity in poetic text (on the example of poem “the right time…” by E. Zaytsev), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities,* 2026, Special issue, pp. 43—52.

Статья поступила в редакцию 15.08.2026; одобрена после рецензирования 17.09.2026; принята к публикации 25.09.2026.

The article was submitted 15.08.2026; approved after reviewing 17.09.2026; accepted for publication 25.09.2026.

Информация об авторах / Information about the authors

Горелов Олег Сергеевич — доктор филологических наук, доцент кафедры отечественной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, og-rus@inbox.ru, SPIN: 5451-7654

Gorelov Oleg Sergeyevich — Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor of the Department of Russian Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, og-rus@inbox.ru

Платонова Мария Александровна — студентка кафедры отечественной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, maryplatonova2005@gmail.com

Platonova Maria Alexandrovna — Student of the Department of Russian Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, maryplatonova2005@gmail.com

Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2026. Специальный выпуск. С. 53—61.
Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Special issue. P. 53—61.

Научная статья
УДК 821.112.2.09-2:82.091
EDN https://elibrary.ru/pwalws
DOI: 10.46726/H.2026.5.6

ПОТЕРЯННЫЙ И ВОЗВРАЩЕННЫЙ РАЙ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ВЕТХОЗАВЕТНОГО СЮЖЕТА В ПЬЕСЕ «АДАМ И ЕВА» П. ХАКСА

Владислав Эдуардович Биктимиров
Екатеринбургский государственный театральный институт, г. Екатеринбург, Россия,
v.e.biktimirov@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье рассматривается рецепция П. Хаксом сюжета о грехопадении в пьесе «Адам и Ева» (1972). Доказывается, что драматург акцентирует внимание не на религиозном аспекте, а на экзистенциальных переживаниях человека, стремящегося обрести свободу. Своеобразие авторской трансформации ветхозаветной истории анализируется в сопоставлении с сюжетом Священного Писания, поэмы «Потерянный рай» (1667) Мильтона, трагедией «Фауст» (1808) Гете и теорией Гегеля. Вместе с тем исследование апеллирует и к философско-эстетической концепции мифа П. Хакса, согласно которой миф представляет собой классический материал, формирующий социальную структуру человеческой цивилизации, который должен быть адаптирован к современности и раскрывать ее противоречия. При рассмотрении ключевых образов комедии установлено, что интерес писателя сосредоточен на психологической мотивировке характеров, противопоставленной их теологической трактовке. Репрезентация Адама и Евы строится на принципе антропологического конфликта, в котором свобода оказывается необходимым условием для обретения самости. Анализ пьесы, выполненный с опорой на рецептивно-эстетический и компаративный методы, позволяет выявить особенности трансформации классических сюжетов в новейшую эпоху, а также своеобразие мифотворчества немецкого драматурга.

***Ключевые слова*:** П. Хакс, драматургия ГДР, библейский сюжет, миф, рецепция

Для цитирования: Биктимиров В.Э. Потерянный и возвращенный рай: интерпретация ветхозаветного сюжета в пьесе «Адам и Ева» П. Хакса // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Специальный выпуск. С. 53—61.

Одной из ведущих тенденций в развитии литературной жизни Германской демократической республики стала апелляция к ранее невостребованным гуманистическим традициям мировой культуры. «Процесс интеллектуализации искусства» в ходе «коллективного самоосмысления» привел к тому, что «заново были открыты художественные возможности мифологии, сказки, фантастики, изменилось отношение к романтизму, немецкому экспрессионизму» [Шарыпина: 190]. В рамках данного направления писатели, в частности драматурги, стремились решить не только социально-политические, но и философские вопросы. Так, начиная с 1960-х годов Х. Мюллер выпускает в свет пьесу «Филоктет» (1964), Ф. Браун — «Ганс Фауст» (1968), К. Хаммель — «Делец,

© Биктимиров В.Э., 2026

или В ожидании Годо» (1970), У. Пленцдорф — «Новые страдания юного В.» (1973), И. Кнаут — «Женское собрание» (1975) и др. Этот феномен А.А. Гугнин объясняет тем, что, с одной стороны, «вакуум, накопившийся в литературе ГДР за двадцать лет догматического подхода к вопросам культурного наследия, был настолько велик», что «практически все крупные писатели сочли своим долгом в тех или иных формах включиться в животрепещущие дискуссии», но с другой стороны, обращение к классическому корпусу текстов «стало способом косвенного выражения отношения к современности, литературной игрой с властью и с читателем, который быстро научился расшифровывать исторические пассажи и реминисценции» [Гугнин: 541].

Не менее знаковым примером реинтерпретации сюжетных моделей в немецкой художественной словесности второй половины XX века является творческое наследие Петера Хакса (Peter Hacks, 1928—2003) — драматурга, поэта и эссеиста, который в 1955 году переехал в Восточную Германию, где создал свои сценически эффектные пьесы, принесшие ему национальную известность. Как и его соотечественники, Хакс черпает материал для своих произведений, обращаясь к мировому искусству и обнаруживая необходимые ему сюжеты в мифологии и истории, литературных и музыкальных произведениях. Не стала исключением и комедия «Адам и Ева» (“Adam und Eva”, 1972).

Цель настоящей статьи — проанализировать специфику художественной рецепции библейского сюжета о грехопадении в комедии П. Хакса «Адам и Ева». Исследование пьесы позволит расширить панораму трансформации мировых образов в немецкой драматургии XX века, а также выявить авторские стратегии интерпретации мифологических источников. Актуальность работы объясняется ориентацией как отечественного, так и зарубежного литературоведения на изучение комплекса проблем, связанных с рецептивно-эстетической теорией и компаративистикой, а именно вопросы восприятия и переосмысления художественного текста, рассмотрение сюжетов и мотивов в разных литературных традициях. Кроме того, востребованность классических протосюжетов и методы их творческой переработки в драматургии Восточной Германии оказали существенное влияние на современный литературный процесс, подтвердив значимость немецкого театра в мировом культурном пространстве.

Как справедливо замечает Н.Э. Сейбель, «обращение к “чужим” сюжетам в его (П. Хакса. — *В. Б.*) случае не связано с цензурными гонениями» [Сейбель: 260]. Действительно, в связи с установлением новой культурной идеологии Восточной Германии, П. Хакс развивает свою концепцию постреволюционной драматургии, объясняя это тем, что «с формированием в ГДР общества развитого социализма необходимо сосредоточить внимание на драматическом изображении всестороннего развития человеческой личности» [История немецкой литературы: 390]. Отсюда и не лишенное утопичной семантики авторское определение таких произведений — «пьесы завтрашнего дня»[1] (“Theaterstücke von morgen”) [Trilse: 180].

Выявляя проблемы социалистической культуры, драматург в литературных обработках «мировых образов» в поэтической форме стремится показать весь спектр «человеческих возможностей и жизненных обстоятельств, поэзии и грубой прозы, долга и духовной свободы» [Бернштейн: 70]. Новая культурная программа предполагала не только формирование коллективной идентичности, но и развитие индивидуальной автономии личности. Следуя

[1] Здесь и далее переводы научных текстов выполнены мной. — *В. Б.*

этой идее, Хакс создает произведения, в которых человек не растворяется в идеологии, а находит новые перспективы для самореализации, обретает независимость и субъектность. Достижение своей цели драматург видит в реактуализации художественных артефактов прошлого, и для этого он обращается к Аристофану, Шекспиру, Гете, в том числе и к совокупности обобщенного в слове человеческого опыта — к мифу.

Свое поэтическое понимание мифа немецкий неоклассицист раскрывает в эссе «Ифигения, или об использовании обветшавших мифов» (“Iphigenie, oder: Über die Wiederverwendung von Mythen”, 1963). Осмысление Хаксом символического значения гетевской пьесы приводит к пониманию этого культурного феномена как парадигмы общечеловеческого бытия: «Дело в том, что образы магической эпохи мы воспринимаем не исторически, а поэтически, — к этому и клонит наше рассуждение. Изображенное прошло, изображения остаются; и, хотя оригиналами служили не мы, мы узнаем в них себя»[2] [Хакс 1999: 213]. Миф для Хакса — это всеобщее образное наследие, неистощимый запас примеров и моделей, формирующий социальную структуру цивилизации, «поэтический резервуар утопии» (“poetischen Reservoir der Utopie”) [Weber 2015: 248]. В своей философско-эстетической концепции он констатирует значимость мифологического материала в художественных и культурных контекстах как средства, способствующего осмыслению места человека в мире, что находит свое воплощение не только в «олимпийских комедиях» (“die olympischen Komödien”) — «Амфитрион» (“Amphitryon”, 1968) и «Омфала» (“Ompahle”, 1970), — но и в произведении «Адам и Ева».

Пьеса «Адам и Ева» впервые была опубликована в 1972 году в 12 выпуске журнала «Theater heute» и поставлена на Малой сцене Дрезденского государственного театра в сентябре 1973 года (реж. Клаус Дитер Кирст). Завершив работу над произведением, П. Хакс пишет эссе «Об “Адаме и Еве”» (“Über Adam und Eva”, 1972). По признанию драматурга, сюжет о грехопадении, обладающий широкими диалектическими возможностями, является одним из самых лучших в истории христианства. Изгнание Адамы и Евы из Эдемского сада осмысляется в мировой культуре как трагедия, связанная с утратой первозданной невинности и осознанием собственной смертности. Несмотря на это немецкий драматург, как и во многих других литературных обработках, например в «Прекрасной Елене» (“Die schöne Helena”, 1964) и «Орфее в аду» (“Orpheus in der Unterwelt”, 1995), стремится наполнить трагическую канву комедийным началом, позволяя и зрителю, и читателю по-новому взглянуть на вечные темы: «Как только мы, мысленно или деятельно, вступаем в действительный мир, мы попадаем в царство, где все происходит диалектически. История изгнания из рая, эта великая картина начала человека, представлена автором как великая комическая картина вступления в действительный мир» [Хакс 2022: 198]. В этом отношении совершённый первородный грех перестает быть исключительно фатальным приговором и становится исходным событием для рефлексии о свободе выбора человека и его социальной и личностной эмансипации.

Примечательно, что при создании комедии «Амфитрион» П. Хакс стремился к сохранению и развитию драматургической традиции, синтезируя литературные обработки одного и того же мифологического сюжета — от Плавта и Ж.-Б. Мольера до Дж. Драйдена и Г. фон Клейста. Однако в случае с «Адамом

[2] Здесь и далее перевод эссе и пьесы П. Хакса — Э.В. Венгеровой.

и Евой» он открыто подчеркивает свою независимость от уже существующих литературных интерпретаций, демонстрируя самостоятельность в творческом рецептивном акте. Так, в завершении своего эссе он отдает дань уважения своему предшественнику — Дж. Мильтону, подтверждая, с одной стороны, преемственность традиции, но с другой — необходимость отстранения от исходного произведения: «Автор не использовал “Потерянный рай” (разве что две-пять цитат из вежливости). Но он понимает свой *Paradise Lost and Regained* как *hommage* Мильтону» [Хакс 2022: 199].

В основе поэмы «Потерянный рай» Мильтона — предание о грехопадении первых людей, ставшее по словам А.А. Чамеева, «отправной точкой для философско-поэтических раздумий о сущности жизни, о природе человека, его месте под солнцем, его стремлении к знанию» [Чамеев: 64]. Следуя идейно-тематической направленности текста английского поэта, П. Хакс сосредотачивает внимание именно на истории Адама и Евы, опирается в первую очередь не на всё двенадцатикнижное произведение, а лишь на содержание девятой части, концентрируясь на личных переживаниях героев, их внутренних конфликтах. Для достижения своего замысла он выбирает форму классицистической трехактной комедии с прологом, написанной пятистопным ямбом, сокращает количество действующих лиц до пяти (Бог, Гавриил, Сатанаил, Адам, Ева) — классического ветхозаветного варианта; отказывается от экскурсов в библейский материал и от масштабных эпических картин о противостоянии последователей Сатаны и ангелов Творца, тем самым перенося миф из религиозной сферы в гуманистическую, следуя за традициями И.В. Гете и Т. Манна. Неслучайно в личной беседе с Х. Урбан де Жаргви, профессором Университета Сен-Этьен, Хакс отметит, что его комедия, в отличие от пьес «Заботы и власть» (“Die Sorgen und die Macht”, 1960) или «Мориц Тассов» (“Moritz Tassow”, 1965), «не о политике… Потому что больше не было необходимости полемически относиться к миру» (“handelt nicht von Politik... Denn es war nicht mehr nötig, sich polemisch zur Welt zu verhalten”) (цит. по: [Urbahn de Jauregui: 9]).

Заострение конфликтной ситуации в «Адаме и Еве» выдержано в традициях «высокой комедии» Ж.-Б. Мольера, где остроумные диалоги, не лишенные философского и символического содержания, отражают этические дилеммы. Так, действие начинается сразу после создания мира: по просьбе Бога Гавриил должен оценить это творение, но тот подвергает его труд сомнению, отмечая несовершенство земного облика, воплощенного по модели яйца. Отсутствие гармоничной шарообразной формы неприемлемо для архангела, тогда как для Творца новый мир, названный его последователем «ошибкой» (“Fehler”), — это прежде всего не идеальный, но и не лишенный самобытной природы эксперимент, в ходе которого он решает испытать своих детей — Адама и Еву:

Проверю я на прочность их любовь
И их способность принимать решенья.
Позволил я вкушать им все плоды
Из сада райского, но наложил
Запрет на яблоко — плод заповедный.
Пусть этим двум оно внушает робость
И Божий страх. Коль выполнят они
Единый долг, который подмешал я
В приятные права, свою (*очень тихо*) свободу
Они докажут и со мною сходство [Хакс 2022: 110].

По мысли Бога, его создания, как и он, должны быть наделены творческим началом, а значит, и способностью выражать собственное мнение. Он допускает право героев на принятие любых решений, что в свою очередь должно подтвердить его могущество. Отметим, что Всевышний, становясь не только непосредственным участником событий, но и режиссером-пророком, неоднократно обращается в ремарках в зрительный зал и заранее знает, какой будет исход его задумки. Таким образом, экспозиционная часть, выраженная в прологе, обозначает основной конфликт пьесы — противостояние между законом разума, предписывающим послушание и смирение, и человеческой волей, стремящейся не только к познанию, но и свободе.

Важным представляется и то, что содержание пролога комедии П. Хакса аллюзивно напоминает дискуссионную часть «Пролога на небе» трагедии Гете «Фауст». Результатом полемики Бога и Мефистофеля о природе личности становится решение испытать представителя человеческого рода — Фауста, и доказать либо достоинство, либо низменную сущность героя. Аналогичным образом раскрывается и философский смысл пьесы Хакса, в которой Создатель жаждет проверить стремление к самостоятельности первых людей, способны ли они определить сущность своей жизни и проявить моральную силу. И в том, и в другом случае своеобразным катализатором выступает дьявол, который должен сбить героев с поиска своего предназначения.

Гавриил и Сатанаил — герои-антиподы, образующие бинарную оппозицию, в которой каждый из полюсов обретает смысл лишь через присутствие другого. Первый, Гавриил, выражает нормативность сакрального порядка, но своими действиями и наивным благочестием только ускоряет неизбежные события, становясь для Бога навязчивым исполнителем, для Адама — злым искусителем, для Евы — жестоким ангелом, а для Сатанаила — объектом для колкостей. Второй, падший ангел, символизирует отрицание, выявляет скрытые погрешности нормативности божественной системы и, как ни парадоксально, становится той жаждущей зла силой, что по итогу оборачивается благом. В этой диалектической природе образов архангела и демона раскрывается важная для Хакса идея: гармония без угрозы хаоса превращается в застой, а хаос без сопротивления порядку становится бессмысленным.

Развитие конфликтной ситуации происходит в трех действиях комедии: первый акт — полемика ангелов, которые безуспешно пытаются сподвигнуть Адама к греху; второй акт — кульминация, обольщение Евы Сатанаилом; третий акт — развязка, реакция Бога на совершённое грехопадение и изгнание героев из рая. На протяжении всех действий пьесы читатель должен стать свидетелем духовной эволюции первых людей, в особенности Евы, т. к. именно ей драматург отводит роль более активного персонажа.

Изначально Ева воспринимает мир через призму ощущений и взглядов Адама: она чувствует то же, что и он, разделяет его мысли и реагирует словами, созвучными его высказываниям, оставаясь зависимой от него как в восприятии окружающего, так и в принятии решений. Однако все меняется, когда героиня вступает в диалог с Сатанаилом, принявшим облик змеи. Важно отметить, что библейская Ева не удивляется тому, что рептилия обрела дар речи, в то время как Еву Мильтона и Хакса эта парадоксальная способность интригует. Змей не только очаровывает ее своим внешним видом, способностью говорить, но и подчеркивает красоту героини, ее стремление быть желанной:

Тебя не окружает восхищенье,
Живешь в безвестности и тишине,
Не представляя, что чего-то стоишь.

А ты ведь редкий перл, ты драгоценность,
Чей чистый блеск украсил бы весь мир,
И соблазнил бы всякого мужчину [Хакс 2022: 146].

Диалог с Сатанаилом становится ключевым в духовной эволюции Евы. Именно через признание собственной ценности и привлекательности она решается совершить первый в своей жизни самостоятельный выбор — вкусить яблоко:

Да, это надо было испытать.
Я совершила то, что захотела:
Не самое прекрасное, быть может,
Но самое великое из дел [Там же: 156].

Примечательно, что в тексте Мильтона древо познания изображено изобильно плодоносящим, символизирующим множественность путей к искушению. У Хакса же оно представлено всего лишь с одним плодом — единственным решающим актом выбора. Не яблоко как материальный объект прельщает Еву, а его способность утолить интеллектуальный голод — идея, открывающая путь к обретению самости. В этом отношении драматург следует сложившейся в литературе XX века традиции, продолжая переосмыслять женские образы, отталкиваясь от их амбивалентной природы. В образе Евы, как и в Алкмене и Омфале, героинях комедий о Геракле, воплощается авторская идея о том, что женщина, в отличие от мужчины, наделена способностью к интуитивному познанию мира и чувством собственного достоинства, что в финале пьесы подтверждается словами Бога, признающего лучшим творением не мужчину — Адама, а Еву:

Я полагал, мой лучший ход в игре —
Адам. Я ошибался. Это Ева.
Она — мой лучший ход [Там же: 188].

Образ первого мужчины также получает развитие в пьесе Хакса. Изначально Адам изображен весьма схематично. Находясь в абсолютной гармонии с Создателем, он не проявляет склонности к критической рефлексии своего положения и не испытывает необходимости соотносить доверие к божественному авторитету с личной свободой. Требования небожителя для него безусловны: любая деятельность запрещена, если она вступает в противоречие с волей космического порядка.

П. Хакс расширяет традиционную модель повествования о грехопадении, дополняя ее не предусмотренным библейским каноном эпизодом — испытание как Гавриилом, так и Сатанаилом духовной стойкости Адама. Этот эпизод демонстрирует не силу веры героя, а узость его кругозора. Столкновение с ангельскими и дьявольскими точками зрения не вызывает внутреннего поиска или сомнения, только лишь воспроизведение заученных догм. Так и плод с дерева познания не привлекает его как объект размышления. Несмотря на это в третьем акте Адам все же преображается, когда перед ним возникает ситуация выбора — разделить наказание с Евой или отречься от нее. Именно любовь к ней определяет его дальнейший путь. Мотивируя поведение Адама, Хакс всецело следует за мильтоновской трактовкой, согласно которой герой готов защитить ее от божественного гнева и принять вместе уготованную им судьбу:

Один я был — ничто. Я стал собой,
Когда я перестал быть одиноким,
И с Евой я уже не одинок —
С тех пор как мы узнали, что различны.
Она — как я, и все же не такая.
И потому она — моя жена,
Моя судьба, подруга, мастерская [Там же: 183].

Представленная в комедии трактовка грехопадения, как отмечает Р. Вебер, восходит к гегелевским воззрениям о том, что процесс становления человеческого духа начинается с осознания людьми своей свободы [Weber 2018: 209]. Так, «в библейском сказании», — пишет Гегель, — «содержится, что рефлексия, сознание, свобода заключают в себе дурное, зло, то, чего не должно быть, но содержится и принцип, источник исцеления, свобода. <…> такова вечная история свободы человека — он выходит из состояния безучастности, в котором он пребывает в первые годы своей жизни, и достигает света сознания вообще, или, точнее, для него начинает существовать добро и зло» [Гегель: 423]. Христианский миф интересен философу прежде всего как выражение идеи о движении индивидуума к самости. Аналогично и у Хакса: Адам и Ева, вкусив яблоко, — даже не столько вопреки воле Бога, сколько действуя в пределах его замысла, — совершают важный шаг от мировоззрения абстрактного и метафизического к эмпирическому и диалектическому.

В отличие от Мильтона, чьи герои после грехопадения начинают ссориться и испытывать унизительный стыд, осознав свою наготу, герои Хакса с любопытством и вниманием изучают друг друга, открывая для себя и духовную, и физическую близость. Адам и Ева впервые по-настоящему постигают полноту любви, где сексуальность и эмоциональная привязанность становятся осмысленным переживанием, источником радости и гармонии. Отсюда следует, что изгнание первых людей из Рая нельзя рассматривать как исключительно негативное событие. Отказываясь от средневековой аскетической морали и следуя за ренессансными представлениями о могуществе человека, немецкий драматург раскрывает гуманистический потенциал классического сюжета. Адам и Ева становятся социально и духовно эмансипированными личностями, понимая, что Рай — совершенен и утопичен, а значит, им не нужно довольствоваться иллюзорной гармонией:

> И счастье наше смешано с несчастьем:
> Нас ждет тяжелый труд и смерть. И стыд.
> Но отдыхом от будущих трудов,
> Блаженством райским сыты мы по горло,
> Пора идти.
> <…>
> С тех пор всё будет очень хорошо,
> Поскольку хорошо уже не будет.
> Рай обрели мы, потеряв его [Хакс 2022: 192].

«Потерянный и возвращенный рай», о котором говорит Адам, — это «диалектическая аллегория об отрицании позитивного ради его же обретения» (“das dialektische Gleichnis von der Negierung des Positiven zur Gewinnung des Positiven”) [Heine: 245]. Хакс демонстрирует, что человеческая жизнь невозможна без противоречий: радость и горесть, рождение и смерть, свобода и ограничение оказываются взаимосвязанными категориями. В этом смысле утрата предельного блага открывает возможность обрести нечто большее, а именно новый Рай — подлинное счастье, которое не сводится к исключительному наслаждению, а связано с активной деятельностью, преодолением трудностей и, как результат, — возможностью сознательного выбора.

Таким образом, «Адам и Ева» П. Хакса — это пьеса-метафора, «в которой удивительным образом логика сплетена с фантазией, философская мысль с эротикой, строгая композиция и безупречный стих — с бурной динамикой фабулы» [Венгерова: 21]. В ходе исследования было доказано, что, опираясь на ветхозаветный сюжет, в том числе и на поэму Мильтона, трагедию Гете,

теорию Гегеля, и ориентируясь на современного зрителя и читателя, немецкий драматург в акте креативной рецепции выстраивает новое понимание грехопадения, итогом которого становится обретение его героями субъектности. Проблема свободы и гармоничного развития человека открывает возможности для аксиологических споров о том, что изгнание из Рая несет в себе не только негативные, но и позитивные коннотации. Установлено, что модернизация классического материала обеспечивается за счет психологической мотивировки персонажей известного протосюжета. Образы Адама и Евы — носителей онтологического ореола — выводятся из религиозной догматики, осовременива́ются и гуманизируются, обретая философскую и этическую глубину, столь значимую для понимания вопроса идентичности в современных реалиях. Все вышеизложенное позволяет утверждать, что Петер Хакс создает индивидуально-авторскую концепцию библейских образов, которая имеет и конкретно-историческое звучание в литературе ГДР, с одной стороны, и раскрывает проблему творческих поисков и самореализации, с другой.

Список источников

Хакс П. Ифигения, или об использовании обветшавших мифов // Хакс П. Об отсутствующем господине фон Гете. М.: РГГУ, 1999. С. 212—213.

Хакс П. Амфитрион, Адам и Ева. М.: Перо, 2022. 200 с.

Список литературы / References

Бернштейн И.А. Новая жизнь «мировых образов» в литературе социалистических стран // Роль прогрессивных литературных традиций в развитии и взаимообогащении социалистических культур. М.: Наука, 1986. С. 55—83.

(Bernshtein I.A. New life of «world images» in the literature of socialist countries, *The Role of Progressive Literary Traditions in the Development and Mutual Enrichment of Socialist Cultures*, Moscow, 1986, pp. 55—83. — In Russ.)

Венгерова Э.В. Драматическая поэзия Хайнера Мюллера и Петера Хакса // Поэтическая драма: сборник / сост. Э.В. Венгерова. М.: Радуга, 1983. С. 5—26.

(Vengerova E.V. Dramatic poetry of Heiner Müller and Peter Hacks, *Poetic drama: collection*, ed. by E.V. Vengerova, Moscow, 1983, pp. 5—26. — In Russ.)

Гегель Г.В.Ф. Философия религии: в 2 т. Т. 1 / отв. ред. А.В. Гулыга. М.: Мысль, 1975. 532 с.

(Gegel' G.V.F. Philosophy of religion: in 2 vols., vol. 1, Moscow, 1975, 532 p. — In Russ.)

Гугнин А.А. Литература ГДР // История литератур Восточной Европы после второй мировой войны. Т. 2. М.: Индрик, 2001. С. 532—608.

(Gugnin A.A. Literature of the GDR, *History of the literature of Eastern Europe after the Second World War*, vol. 2, Moscow, 2001, pp. 532—608. — In Russ.)

История немецкой литературы: в 3 т. Т. 3 / общ. ред. А. Дмитриева. М.: Радуга, 1986. 464 с.

(History of German literature: in 3 vols., vol. 3, ed. by A. Dmitriev, Moscow, 1986, 464 p. — In Russ.)

Сейбель Н.Э. Формы актуализации претекста в интертекстуальных драмах Х. Мюллера и П. Хакса // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2015. № 1. С. 259—268.

(Seibel' N.E. Form of actualization of pretext in H. Muller's and P. Hacks's intertextual dramas, *Herald of Chelyabinsk State pedagogical University*, 2015, no. 1, pp. 259—268. — In Russ.)

Чамеев А.А. Джон Мильтон и его поэма «Потерянный рай». Л.: ЛГУ, 1986. 129 с.

(Chameev A.A. John Milton and his poem "Paradise Lost", Leningrad, 1986, 129 p. — In Russ.)

Шарыпина Т.А. Античные коды в немецком философско-эстетическом и литературном сознании XX века // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 2—3. С. 186—192.

(Sharypina T.A. Antique codes in German philosophical, aesthetic and literary consciousness of the 20th century, *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky*, 2014, no. 2—3, pp. 186—192. — In Russ.)

Heine R. Mythenrezeption in den Dramen von Peter Hacks, Heiner Müller und Hartmut Lange: Zum Versuch Der Grundlegung Einer «sozialistischen Klassik», *Colloquia Germanica*, 1981, vol. 14, no. 3, S. 239—260.

Trilse C. Peter Hacks, das Werk, Westberlin: Verlag Das Europ. Buch, 1981, 288 S.

Urbahn de Jauregui H. Zwischen den Stühlen: Der Dichter Peter Hacks, Berlin: Eulenspiegel Verlag, 2006, 272 S.

Weber R. Peter Hacks, Heiner Müller und das Antagonistische Drama des Sozialismus: Ein Streit im literarischen Feld Der DDR, Berlin: de Gruyter, 2015, 706 S.

Weber R. Peter Hacks: Leben und Werk, Berlin: Eulenspiegel Verlag, 2018, 608 S.

PARADISE LOST AND REGAINED: INTERPRETING THE OLD TESTAMENT PLOT IN P. HACKS'S PLAY "ADAM UND EVA"

Vladislav E. Biktimirov
Yekaterinburg State Theatre Institute, Ekaterinburg, Russian Federation,
v.e.biktimirov@yandex.ru

Abstract. The paper examines Peter Hacks's reception of the Old Testament plot in his play "Adam und Eva" (1972). It demonstrates that the playwright focuses not on the religious aspect but on the existential experiences of a human being striving to attain freedom. The author's transformation specificity of the biblical story is examined in comparison with the ideological content of the *Bible*, Milton's poem "Paradise Lost" (1667), Goethe's tragedy "Faust" (1808), and Hegel's theory. The study also refers to Hacks's philosophical and aesthetic concept of myth. It constitutes a classical material that shapes the social structure of human civilization, and adapts to the contradictions of present. An examination of the comedy's key images reveals that the writer's interest is centered on their psychological motivation, distinct from theological interpretation. The representation of Adam and Eva is based on the principle of anthropological conflict, in which freedom becomes a necessary condition for the attainment of selfhood. The analysis of the play, based on reception and comparative research methods, makes it possible to identify the specific features of the classical plot's transformation in the modern era, as well as the distinctive nature of the German playwright's myth-making.

***Keywords*:** P. Hacks, GDR dramaturgy, biblical plot, myth, reception

***For citation*:** Biktimirov V.E. Paradise Lost and Regained: interpreting the Old Testament plot in P. Hacks's play "Adam und Eva", *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2026, Special issue, pp. 53—61.

Статья поступила в редакцию 26.05.2026; одобрена после рецензирования 29.06.2026; принята к публикации 25.09.2026.

The article was submitted 26.05.2026; approved after reviewing 29.06.2026; accepted for publication 25.09.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Биктимиров Владислав Эдуардович — кандидат филологических наук, доцент кафедры литературного мастерства и истории театра, Екатеринбургский государственный театральный институт, г. Екатеринбург, Россия, v.e.biktimirov@yandex.ru, SPIN: 3911-5784

Biktimirov Vladislav Eduardovich — Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor in the Department of Literary Craftsmanship and Theatre History, Yekaterinburg State Theatre Institute, Ekaterinburg, Russian Federation, v.e.biktimirov@yandex.ru

Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2026. Специальный выпуск. С. 62—67.
Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Special issue. P. 62—67.

Научная статья
УДК 821.112.2.09-2:82.091
EDN https://elibrary.ru/snlvls
DOI: 10.46726/H.2026.5.7

СИМВОЛИКА СНЕГА В РОМАНАХ ОРХАНА ПАМУКА «СНЕГ» И ХАН ГАН «Я НЕ ПРОЩАЮСЬ»

Екатерина Максимовна Жарова
Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия,
katzhara@gmail.com

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема функционирования символики снега в романах двух лауреатов Нобелевской премии — Орхана Памука («Снег», 2002) и Хан Ган («Я не прощаюсь», 2021). Несмотря на очевидную значимость снега как сквозного образа в обоих произведениях до настоящего времени компаративный анализ, выявляющий общие закономерности и национально-специфические черты данного символа, не проводился. Сопоставительный анализ символики снега в турецком и корейском романах впервые проводится с использованием сравнительно-исторического и структурно-семантического методов исследования. Исследование основано на концепции символа Ю.М. Лотмана как кодирующего устройства. В результате проведенного исследования установлено, что символика снега выявляет переход от репрезентации внешнего мира к моделированию внутреннего мира персонажей. Снег служит катализатором для раскрытия подавленной исторической памяти и идентичности, выступая при этом как полисемантический символ изоляции, покрова, судьбы и двоемирия, которые организуют нарратив на нескольких уровнях: онтологическом, социальном, хронотопическом и экзистенциальном.

Ключевые слова: символ, снег, современный турецкий роман, современный корейский роман, Орхан Памук, Хан Ган

Для цитирования: Жарова Е.М. Символика снега в романах Орхана Памука «Снег» и Хан Ган «Я не прощаюсь» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Специальный выпуск. С. 62—67.

Понятие «символ» в отечественной и зарубежной научной парадигме имеет несколько трактовок, обусловленных различиями философских школ. В нашей работе мы обратимся к теории Ю.М. Лотмана, который определяет символ как «глубинное кодирующее устройство, своеобразный текстовый ген» [Лотман: 145].

В отечественном литературоведении символика снега традиционно связывается с метафизическими и экзистенциальными мотивами. Так, К.А. Котова обнаруживает в лирике А.А. Блока образы и мотивы смерти, холода, снега, которые добавляют в единый образ Севера признаки мистического пространства, удерживающего стремящихся к свободе героев [Котова]. Типологически схожие функции символики снега обнаруживаются и в романах О. Памука и Хан Ган, в которых снег изолирует героев не только физически, но и экзистенциально.

© Жарова Е.М., 2026

По мнению О.Ю. Полякова, в поэме Д. Томсона «Времена года» изменчивая природа выступает метафорической репрезентацией национальной идентичности [Поляков]. Так и в указанных романах снег выступает не только природным явлением, но и маркером культурной идентичности.

В классической турецкой литературе символ снега был неразрывно связан с памятью и испытаниями, посылаемыми судьбой [Yazar]. Этот символ находит отражение и в современном турецком романе «Снег», где снег выполняет функцию покрова, скрывающего и даже стирающего следы социальных и политических преступлений [Ulus]. Таким образом, в турецкой литературной традиции происходит переход от символа снега как испытания к современному маркеру исторического забвения и политических интриг.

В южнокорейской литературе символика снега также носит амбивалентный характер. Снег может олицетворять чистоту, благородство и красоту, однако в то же время являться репрезентацией суровой реальности [Han]. В южнокорейской литературной традиции снег так же осмысливается как символ конечности бытия и стихийного бедствия [Lee]. Хан Ган использует данные функции в своем романе, продолжая и переосмысливая традицию в образ травмы и исторической памяти.

Исследования символики снега в мировых литературных традициях и анализ ее функций во многом определяется конкретным культурно-историческим контекстом. Несмотря на наличие работ, посвященных этой символике в национальных литературах, компаративные исследования, сопоставляющие ее функции на материале современных турецких и южнокорейских романов, практически отсутствуют. В современной исследовательской парадигме наблюдается смещение акцента с эпизодической функции природных образов на их роль в создании сюжетно-тематических и идейно-семантических конструкций текста, что обусловливает актуальность данного исследования, в котором символика снега рассматривается как сквозной структурообразующий элемент поэтики романов О. Памука и Хан Ган.

Новизна данного исследования обусловлена его компаративной природой, поскольку в нем впервые предпринимается попытка систематизировать символику снега в романах двух нобелевских лауреатов Памука и Хан. Исследование основано на сравнительно-историческом и структурно-семантическом методах, которые позволяют выявить как типологические схождения функций данного образа, так и национально-специфические различия. Кроме того, анализ романа «Я не прощаюсь» в отечественном литературоведении проводится впервые.

По мнению М.М. Репенковой, роман «Снег» (тур. *Kar*, 2002) объединяет в себе черты философского «романа поиска», политического детектива и социально-психологической драмы [Репенкова]. Действие произведения разворачивается в турецком отдаленном городе Карсе, в котором происходят самоубийства на фоне идеологической борьбы в преддверии муниципальных выборов. Центральным символом романа является снежинка, симметрия кристаллов которой соотносится с различными смысловыми планами повествования. Снег в романе сопровождает читателя на протяжении всего сюжета и носит амбивалентный характер: с одной стороны, это символ чистоты души, стремящейся к Богу, а с другой — символ молчаливого «покрова» социальных пороков, нищеты и политического лицемерия. Особой значимости этот символ достигает при развертывании политического контекста романа. События и герои сополагаются с недавней турецкой историей, отмеченной чередой военных переворотов,

демократизацией общества и отхода от традиционной социально-политической парадигмы. Социальный протест против традиций турецкого общества передан автором в образах женских персонажей через прием умолчания, которое метафорически передает и безмолвие снега.

Роман южнокорейской писательницы Хан Ган «Я не прощаюсь» (кор. 작별하지않는다, 2021) повествует о героине, прибывшей на остров Чеджу и вынужденной преодолеть вьюгу ради спасения птицы подруги. Снег в этом романе идет до самого финала, который автор оставляет для читателя открытым. Снег выступает проводником между миром живых и мертвых, миром глубокой травмы и исторической памяти. Ряд исследователей отмечает в романах Хан Ган в качестве основной задачи ее творчества сохранение и передачу исторической памяти [Ситникова, Соболева]. О.И. Чуванова выделяет мотив травмы как магистральную тему произведений Хан [Чуванова]. С.Н. Барашкова и Ф.Ф. Желобцов исследуют творчество Хан с точки зрения создания особого ареала, в котором важны авторская трансформация повествовательной системы, деталей быта, природных явлений, восходящих к символам Бытия [Барашкова, Желобцов]. Снег в романе Хан становится триггером исторической памяти, преобразуя индивидуальный опыт персонажа в свидетельство о коллективной травме.

Оба писателя используют символику снега и стратегию женского умолчания для осмысления трагических страниц национальной истории (в случае Хан — это восстание на острове Чеджу 1948—1949 гг., повлекшее за собой массовые убийства мирных жителей, а в случае Памука — военные перевороты конца XX в.). Таким образом, снег представляется значимым символом в художественном пространстве романов, который реализуется на нескольких уровнях повествования.

На онтологическом уровне безмолвие белого снега выступает метафорой чистоты, одиночества и смерти как состояние мира до или после ярких исторических событий, а также причиной изоляции. Если у Памука снег изолирует Карс: «Не прекращающийся уже два дня снег перерезал сообщение нашего города со всем миром» [Памук: 39], то у Хан снежная буря отрезает героиню Кёнха на острове Чеджу, погружая ее в лиминальное пространство между жизнью и смертью, сном и явью, настоящим и прошлым: «То ли из-за его скорости, то ли из-за красоты — в изящном неспешном вальсе вечности в исполнении снежинок всё в мире четко разделилось на важное и незначительное» [Хан: 47]. Изоляция не ограничивается только внешними обстоятельствами. В обоих романах она проявляется и во внутреннем мире персонажей, которые ведут одинокое, исполненное печали существование.

На социальном уровне обилие снега выступает символом покрова, заметающего как следы криминальных преступлений, так и падения человеческой морали: «Когда в Управление безопасности, избивая, увозили на автобусах всех вместе: и учеников средних классов в пижамах, большинство которых плакали, и нерешительных, которые приняли участие в этом сопротивлении, лишь бы не сидеть сложа руки, и сражавшихся, у кого лица были все еще в крови, — очень мало кто в городе обратил внимание на происходящее из-за обильного снегопада» [Памук: 186]. Тогда как Хан пытается стереть из памяти травматическое прошлое: «Всё поле было усеяно окоченевшими трупами, укрытыми тонким слоем снега, не прекращающегося с ночи. Из-за этого их лиц было не рассмотреть — и пришлось проверять каждый труп. <…> И каждый раз мама, превозмогая себя, открывала глаза и рассматривала их. Тогда она раз и навсегда поняла, что после смерти тела людей холодеют — и что их щёки

покрываются снегом и тонким кровяным льдом» [Хан: 92]. В обоих произведениях снег выполняет функцию «посредника забвения», однако писатели предлагают разные его нарративы. Снег предстает символом «замороженной совести», которая либо окончательно засыпает (у Памука), либо пробуждается через боль и ужас телесного соприкосновения (у Хан).

На хронотопическом уровне снег конструирует пространственно-временное двоемирие, которое, с одной стороны, изолирует город от остального мира, а с другой, сближает персонажей. У О. Памука и Хан Ган мы наблюдаем общую стратегию пространственной герметизации посредством снега: «Вчера утром была перекрыта дорога на Ардахан, а в полдень занесло и дорогу на Сарыкамыш. Автобус компании “Йылмаз”, следовавший в Эрзурум, вернулся обратно в Карс, поскольку по причине сильного обледенения и снежных заносов часть пути оказалась закрытой для транспортного сообщения. Метеослужба сообщает, что холода, пришедшие из Сибири, и крупный снег не прекратятся еще три дня. Карс три дня будет жить собственными ресурсами, как это было в прошлые зимы. Это удобный момент для нас, чтобы навести порядок в наших делах» [Памук: 39]. В художественной системе Памука изоляция Карса создает политико-аллегорическое пространство «острова», где время останавливается ради разыгрывания трагедии модернизации. В романе Хан снежный хронотоп выступает триггером исторической памяти, стирающим границы между жизнью и смертью и соединяющим истории нескольких поколений: «Я краем глаза взглянула на бабушку, застывшую замертво, словно статуя, и облокотившуюся обеими руками на свою трость. Наверное, она уже очень долго тут стоит, как у нее еще не замерзли руки? Время будто бы остановилось на месте. В этом утихшем уездном городе, где все магазины были закрыты, живыми и дышащими были только мы вдвоем на этой остановке. Я борюсь с желанием протянуть руку, чтобы убрать скопившийся снег с ее белых бровей, ведь меня одолевает пространное ощущение, что как только я коснусь ее, она растворится в воздухе» [Хан: 121]. У обоих авторов обильный снегопад прекращает коммуникацию с внешним миром, запуская механизм двоемирия.

На экзистенциальном уровне снег метафорически означает смысл жизни и судьбу. Для Памука структура снежинки является символом жизненного пути главного героя: «Он назвал стихотворение “Снег”. Потом, когда он будет вспоминать, как написал его, ему представится снежинка, и он решит, что эта снежинка в каком-то смысле изображает его жизнь, а раз так, то это стихотворение должно располагаться близ центра снежинки, в месте, раскрывающем логику жизни» [Памук: 99]. В романе Хан снежинка трансформируется в символ непроходящей травмы, вызванной национальной трагедией: «Ни о том, как две сестры искали трупы своей семьи и сами их хоронили, ни о том, какими силами и везением они сумели выжить, она не рассказывала. Лишь только о снеге, который она видела тогда и с которым снова столкнулась во сне — те самые не тающие снежинки, их причинность словно олицетворяла пронзающую всю жизнь суть» [Хан: 94]. Авторы используют микроструктуру снега (кристалл/снежинку) для конструирования макроструктуры человеческой судьбы.

Сопоставление романов «Снег» О. Памука и «Я не прощаюсь» Хан Ган позволяет говорить о формировании в современной восточной литературе особого образа снежного безмолвия. В обоих текстах обильный снегопад и физическая изоляция пространства служат катализаторами для раскрытия подавленной исторической памяти и национальной идентичности.

Однако если у Памука молчание индивидуально и функционирует в рамках социально-политической борьбы внутри общества, то у Хан оно приобретает мемориальный масштаб. Безмолвие в романе «Я не прощаюсь» становится актом этического сопротивления историческому забвению. Отказ от вербального «прощания» с жертвами трагедии Чеджу подрывает официальные исторические нарративы, утверждая приоритет частной памяти и скорби над государственной насильственностью.

Таким образом, Орхан Памук и Хан Ган, исследующие в своих произведениях национальную память и идентичность, выводят символику снега за рамки пейзажного элемента и трансформируют ее в сложный полисемантический медиатор, организующий художественную структуру произведений на нескольких уровнях (онтологическом, социальном, хронотопическом и экзистенциальном). «Снежное безмолвие» в исследуемых произведениях манифестирует себя как радикальная форма социального протеста против политического насилия и исторического забвения, чтобы, таким образом, дать возможность современному человеку обрести настоящую свободу.

Список источников

Памук О. Снег: роман / пер. с тур. А. Аврутиной. М.: Иностранка: Азбука-Аттикус, 2023. 480 с.

Хан Г. Я не прощаюсь / пер. с кор. Дж. Фаттахова. М.: АСТ, 2025. 352 с.

Список литературы / References

Барашкова С.Н., Желобцов Ф.Ф. Роль авторской метафоры в поэтике современной русской и корейской прозы // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 4 (106). С. 8—11.

(Barashkova S.N., Zhelobtsov F.F. The role of an author’s metaphor in the poetics of Russian and Korean contemporary prose, *International Research Journal*, 2021, no. 4, pp. 8—11. — In Russ.)

Котова К.А. Метафизические смыслы образа Севера в лирике А.А. Блока // Северный текст русской литературы. Актуальные проблемы исследования. 2024. Вып. 7. С. 208—211.

(Kotova K.A. Metaphysical meanings of the image of the North in A.A. Blok’s lyrics, *Bulletin of “The North text of Russian literature”. The modern research issuies*, 2024, iss. 7, pp. 208—211. — In Russ.)

Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: Человек — Текст — Семиосфера — История. М.: Языки русской культуры, 1999. 464 с.

(Lotman Yu.M. Inside the thinking worlds: Human — Text — Semiosphere — History, Moscow, 1999, 464 p. — In Russ.)

Поляков О.Ю. Русская тема в поэме Д. Томсона «Времена года» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4. С. 21—31.

(Polyakov O.Yu. The Russian theme in J. Thomson’s poem “The Seasons”, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 4, pp. 21—31. — In Russ.)

Репенкова М.М. Орхан Памук и его роман «Снег» // Российская тюркология. 2010. Вып. 1. С. 54—63.

(Repenkova M.M. Orhan Pamuk and his novel “Snow”, *Russian Turkology*, 2010, iss. 1, pp. 54—63. — In Russ.)

Ситникова Д.В., Соболева Н.В. Особенности отражения восстания в Кванчжу в романе Хан Ган «Человеческие поступки» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 10 (904). С. 132—139.

(Sitnikova, D.V., Soboleva, N.V. Features of the depiction of the Kwangju Uprising in Han Kang’s novel “Human Acts”, *Vestnik of Moscow State Linguistic University, Humanities*, 2025, iss. 10 (904), pp. 132—139. — In Russ.)

Чуванова О.И. Мотив травмы в романе Хан Ган «Вегетарианка» // Материалы VII Международной научной конференции «Донецкие чтения 2022». Т. 4. Ч. 2. Донецк, 2022. С. 226.

(Chuvanova O.I. Motif of trauma in the novel “Vegetarian” by Han Kang, *Proceedings of the VII International Scientific Conference “Donetskiye chteniya 2022”*, vol. 4, part 2, Donetsk, 2022, p. 226. — In Russ.)

Yazar I. Klasik Türk Şiirinde Kar, *Uluslararası Dil, Edebiyat ve Kültür Araştırmaları Dergisi (UDEKAD)*, 2021, no. 4 (1), ss. 70—84.

(Yazar I. Snow in classic Turkish poems, *International Journal of Language, Literature and Cultural Studies*, 2021, no. 4 (1), pp. 70—84. — In Turkish)

이희중.김수영의 시에 있어서 눈의 의미. 비평문학. 2010, no. 38, pp. 426—441.

(Lee H.J. The Meaning of “Snow” in Kim Su-yeong's Poems, *Literary Criticism*, 2010, no. 38, pp. 426—441. — In Korean)

한영선.시조에 나타난 눈(雪)의 이미지와 주제별 양상 연구. 국제어문. 2022, no. 94, pp. 251—274.

(Han Y.S. The Representation of snow in the Sijo, *Korean Language and Literature in International Context*, 2022, no. 94, pp. 251—274. — In Korean)

Ulus H.E. Language of belonging vs. language of exploration: Pamuk’s Snow and its identities in flux, *Dokuz Eylül Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Dergisi*, 2018, no. 5 (2), pp. 32—46.

SYMBOLISM OF SNOW IN THE NOVELS “SNOW” BY ORHAN PAMUK AND “WE DO NOT PART” BY HAN KANG

Ekaterina M. Zharova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation, katzhara@gmail.com

Abstract. The article studies the functions of the symbolism of snow in the novels of two Nobel Prize winners: Orhan Pamuk (“Snow”, 2002) and Han Kang (“We Do Not Part”, 2021). Despite the obvious significance of snow as a recurring image in both novels, no comparative analysis has been conducted to identify common patterns and national-specific characteristics of this symbol. The comparative analysis of the symbolism of snow in Turkish and Korean novels is conducted for the first time using comparative-historical and structural-semantic research methods. The study is based on Yu.M. Lotman’s concept of the symbol as a coding device. The study established that the symbolism of snow reveals a transition from the representation of the external world of a novel to the modeling of the inner world of the characters. Snow serves as a catalyst of revealing suppressed historical memory and identity, at the same time acting as a polysemantic symbol of isolation, cover, fate, and the duality of the world, which organizes the narration at different levels: ontological, social, chronotopic, and existential.

Keywords: symbol, snow, modern Turkish novel, modern Korean novel, Orhan Pamuk, Han Kang

For citation: Zharova E.M. Symbolism of snow in the novels “Snow” by Orhan Pamuk and “We Do Not Part” by Han Kang, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2026, Special issue, pp. 62—67.

Статья поступила в редакцию 11.10.2026; одобрена после рецензирования 23.10.2026; принята к публикации 26.10.2026.

The article was submitted 11.10.2026; approved after reviewing 23.10.2026; accepted for publication 26.10.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Жарова Екатерина Максимовна — соискатель, кафедра отечественной и зарубежной литературы переводческого факультета, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия, katzhara@gmail.com, SPIN: 4037-7772

Zharova Ekaterina Maksimovna — Applicant of the Department of Russian and Foreign Literature of the Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation, katzhara@gmail.com

Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2026. Специальный выпуск. С. 68—76.
Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Special issue. P. 68—76.

Научная статья
УДК 82.02:82.0:305-055.2
EDN https://elibrary.ru/ifzbxc
DOI: 10.46726/H.2026.5.8

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ЖЕНСКОГО ВОЕННОГО НАРРАТИВА: ПОЗИЦИЯ АВТОРА И ПОЭТИКА ДОКУМЕНТАЛЬНОГО СВИДЕТЕЛЬСТВА

Алексей Юрьевич Овчаренко, Иван Петрович Шишлаков
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва, Россия, ovcharenko-ayu@rudn.ru, shishlakov_ip@rudn.ru

Аннотация. Предмет исследования — повествовательные позиции женщин, описывавших военный опыт в дневнике, письме, репортаже и документально-художественной прозе. Цель работы состоит в уточнении типологии женского военного нарратива с учетом жанровых ограничений и исторических условий создания текста. Материалом послужили репортаж Мари Колвин из Хомса, дневниковые записи Надежды Лухмановой в публикации Т.В. Левицкой, письма зенитчицы, исследованные Е.А. Боряк, и материалы военной периодики, рассмотренные Н.В. Лайдинен и А.С. Яковлевой. Сравнительно-типологический подход сочетается со структурно-семиотическим анализом детали, авторской речи и композиции. Различаются четыре модели: свидетель-очевидец, посредник-помощник, аналитик-исследователь и исповедальный свидетель. Показано, что их границы проницаемы: один текст может соединять сообщение о событии, стремление защитить героя публикации и размышление о собственном переживании. Выявлены две существенные особенности материала. Бытовая деталь соотносит описываемое событие с повседневным опытом, сохраняя при этом статус документально засвидетельствованной подробности. Другое наблюдение касается включения чужой речи. Воспроизводя слова участников событий, автор изменяет соотношение собственного комментария и передаваемых сведений; значение приобретают источник высказывания и обстоятельства его фиксации. Предложенная схема применима к сопоставительному чтению разножанровых свидетельств. При этом рассмотренные материалы не позволяют относить выявленные способы повествования исключительно к текстам женщин-авторов.

***Ключевые слова*:** женский военный нарратив, военная журналистика, документальное свидетельство, авторская позиция, поэтика детали, повседневность, субъектная организация, военная проза

Для цитирования: Овчаренко А.Ю., Шишлаков И.П. Типологические модели женского военного нарратива: позиция автора и поэтика документального свидетельства // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Специальный выпуск. С. 68—76.

Введение

Военный опыт фиксируется в документах, различающихся по назначению и предполагаемому адресату. Дневниковые записи, личные письма, газетные корреспонденции и воспоминания складываются в неодинаковых коммуникативных условиях. Материал, предназначенный для редакции, отбирается с учетом жанра и круга читателей; переписка, напротив, первоначально

© Овчаренко А.Ю., Шишлаков И.П., 2026

обращена к конкретным людям. Это различие необходимо учитывать. Сопоставляя названные формы свидетельства, исследователь должен установить обстоятельства создания текста и способ его последующего включения в публичное обращение [Боряк: 133—134; Солдаткина: 293—295].

Термин «женский военный нарратив» используется для обозначения совокупности разножанровых свидетельств, написанных женщинами, не предполагая у них обязательных стилистических признаков. Тематический состав этих текстов неоднороден. Изображение семейной повседневности, равно как и описание военных действий, само по себе не определяет тип повествования. При анализе рассматриваются субъект речи, источник сообщаемых сведений, распределение авторского комментария и реплик участников события. Вопросы соотношения повествователя и героя, актуальные для изучения военной прозы, обсуждаются в работах И.В. Соколовой и В.Г. Моисеевой [Соколова И.В.; Моисеева: 23—35].

В основе сопоставления лежит предположение о возможности описывать субъектную организацию исследуемых текстов посредством четырех позиций: очевидца, посредника, аналитика и исповедального рассказчика. Каждая определяется характером доступа к событию и способом введения свидетельств. Указанная типология используется как инструмент чтения, а не как замкнутая классификация жанров. Ее применимость проверяется на конкретных эпизодах, история публикации которых установлена по привлеченным источникам. Частотность выделенных позиций в журналистике разных стран в настоящей статье не рассчитывается.

Материал и методика

В качестве опорных текстов избраны репортаж Мари Колвин «We Live in Fear of a Massacre», опубликованный в феврале 2012 года, и материалы Н.А. Лухмановой о Русско-японской войне, исследованные Т.В. Левицкой. Первый доступен как самостоятельная публикация; второй привлечен по научной статье с архивными выписками, а не по непосредственно просмотренной рукописи. Различие существенно. Исследователь, работающий с пересказом, не вправе делать вид, будто самостоятельно установил порядок дневниковых записей или видел рукописные исправления [Левицкая].

Исторический фон уточняют материалы конференционного сборника 2015 года: разбор фронтовых писем зенитчицы Е.А. Боряк, наблюдения Д. Джиганте над повседневными мотивами в женской прозе и исследование журнала «Работница», выполненное Н.В. Лайдинен [Боряк: 133—137; Джиганте; Лайдинен: 174—179]. Для обсуждения отечественной журналистской традиции используется работа А.С. Яковлевой, а профессионального опыта репортеров — опрос, представленный Д.В. Соколовой [Яковлева; Соколова Д.В.]. Это исследования разных объектов, поэтому выводы одного из них нельзя механически переносить на другое.

Проблема женского военного высказывания имеет и зарубежную исследовательскую историю. М. Кук, работая с материалом арабской литературы, прослеживает, как война меняет привычные отношения между публичным событием и частной жизнью [Cooke]. Дж. Маккрелл в книге о корреспондентках Второй мировой войны рассматривает среди прочего профессиональные препятствия, связанные с доступом женщин к месту событий [Mackrell]. Эти наблюдения дают сравнительный фон. Однако нельзя переносить выводы о литературе одной культурной среды на дневник русского корреспондента или на современную фотожурналистику без проверки жанра и обстоятельств публикации.

При разборе каждого случая фиксируются четыре параметра: точка наблюдения; источник сообщаемого знания; распределение прямой и косвенной речи; назначение предметной детали. При определении последовательности анализа заимствуются не готовые оценки, а инструментарий структурной поэтики. У Ю.М. Лотмана значимость отдельного элемента зависит от его отношений с другими элементами текста [Лотман]; И.Н. Сухих рассматривает произведение как систему уровней и форм, которую необходимо читать во взаимосвязи [Сухих]. Определения повествователя, времени и детали уточняются по коллективному учебному изданию под редакцией Л.В. Чернец [Введение в литературоведение…].

Объем привлеченных источников ограничивает характер полученных результатов. Применяется сравнительный анализ отдельных случаев. Сплошная выборка публикаций, предназначенная для количественной оценки повествовательных признаков, не формировалась. Поэтому характеристики, относимые ко всей совокупности российских либо зарубежных журналисток, не могут быть подтверждены данным материалом. Выделенные позиции описывают устройство рассмотренных свидетельств. Установление их распространенности потребовало бы расширенного корпуса, единых критериев отбора и предварительно разработанной процедуры кодирования.

История свидетельства и условия его появления

В исследовании Т.В. Левицкой отъезд Н.А. Лухмановой на Дальний Восток датируется апрелем 1904 года. Писательница, которой в тот период было 63 года, отправилась в район Русско-японской войны одновременно как сестра милосердия и корреспондент газет «Красный Крест», «Петербургская газета» и «Южный край» [Левицкая]. Собственное решение она объясняла в дневнике, начиная запись вопросом «Почему я еду?» и продолжая ее словами «Один выход — бежать туда, где страдают» [Левицкая: 167]. Эти высказывания, приведенные исследовательницей по архивному документу, связывают мотив поездки с предполагаемым участием в уходе за ранеными. В течение поездки Лухманова вела дневник. Используя часть записей при подготовке газетных публикаций, она переводила непосредственно зафиксированные наблюдения в иную коммуникативную форму. Следовательно, дневниковая запись и созданная на ее основе корреспонденция должны рассматриваться раздельно.

Рассмотрев публикации журнала «Работница» периода Великой Отечественной войны, Н.В. Лайдинен отмечает сочетание официальных документов с производственными очерками, письмами матерей, сообщениями о женщинах на фронте и практическими рекомендациями, в том числе по вопросам гигиены и ухода за детьми [Лайдинен: 174—179]. Состав рубрик изменялся в зависимости от этапа войны. Представленные исследовательницей материалы выполняли различные функции — информационную, мобилизационную и прикладную, а тексты от первого лица, помещенные в отдельные номера, соотносились с принятой в издании системой идеологических и повседневных ориентиров.

Е.А. Боряк анализирует письма зенитчицы 1943—1945 гг., адресованные близким и позднее привлеченные в качестве исторического источника. Описывая повседневность службы, автор одного из писем замечает: «За глупые мои письма не обижайтесь, я прямо не знаю, что в них писать, вот и пишу всякую ерунду» [Боряк: 135—136]. В переписке содержатся сведения о питании, одежде, физической нагрузке и ожидании встречи с матерью; учитывая условия ее создания, исследователь должен принимать во внимание и ограничения военной цензуры. Сообщения о службе чередуются с просьбами о бытовых вещах [Там же: 136—137]. Для историка они ценны именно потому, что первоначально

не предназначались для публикации. Читатель же получает к ним доступ через исследовательский отбор, то есть уже в новом контексте.

Эти примеры обнаруживают разную степень публичности: личная запись, письмо семье, сообщение для редакции. Было бы ошибкой искать в них идентичный авторский замысел. И все-таки сопоставление возможно, если предметом становится не тема войны вообще, а переход от наблюдения к рассказу: что из увиденного остается в тексте, что скрывается и как меняется право на оценку.

Четыре повествовательные позиции

Свидетель-очевидец. В основу этой позиции положено непосредственное пребывание автора в описываемом пространстве. Репортаж М. Колвин из Хомса начинается с помещения, где укрываются женщины и дети, — «подвала вдов». Повествователь не сообщает сначала политическую схему конфликта; читатель попадает в тесноту убежища среди импровизированных постелей и вещей людей, вынужденных скрываться от обстрелов [Colvin]. Прямая сцена удостоверяет место наблюдения, но не делает повествование нейтральным: решив начать именно с гражданских жителей, корреспондент тем самым определяет эмоциональную и нравственную перспективу материала.

Эффект присутствия поддерживают временны*е* указатели и постепенное расширение пространства. От комнаты репортер переходит к отдельным биографиям, затем — к происходящему в городе. По мере движения сюжета меняется и тип знания: где-то Колвин описывает увиденное, где-то пересказывает услышанное от очевидцев, а где-то сообщает собственную оценку опасности. Указанные переходы полезнее выявлять по композиции, чем заранее записывать весь текст в «эмоциональный» тип.

Посредник-помощник. Его особенность — забота о человеке, чью историю автор вводит в публичную речь. Лухманова действовала в двойной роли: работая сестрой милосердия, она оставалась наблюдателем и автором корреспонденций. В таком положении выбор героя текста не был внешним профессиональным решением; он вырастал из ежедневных контактов [Левицкая]. Однако не следует смешивать моральный импульс и доказанный результат. Напечатанный материал может привлекать внимание к пострадавшим, но нельзя утверждать, что он организовал помощь или изменил чью-либо судьбу, пока для этого не найдено самостоятельного свидетельства.

А.С. Яковлева отмечает, что советские и более поздние российские корреспондентки нередко выводили в центр повествования людей, оказавшихся в бедственном положении [Яковлева: 21—23]. Сам по себе такой выбор не устанавливает особого гендерного закона: в репортаже он всегда связан с редакционной задачей, событием и личным опытом журналиста. Существеннее другое. Рассказывая о чужом страдании, автор обязан решать, сколько собственной оценки допустимо добавить, чтобы голос героя не растворился в авторском комментарии.

Аналитик-исследователь. Эта позиция появляется тогда, когда свидетельство о единичном событии связывается с объяснением более широких обстоятельств. В той же публикации из Хомса Колвин соотносит рассказ о жизни в убежище с информацией о ходе военных действий [Colvin]. Перед нами не отдельный жанр «аналитического женского репортажа», а движение внутри одного текста. Сцена необходима, чтобы читатель понял цену событий; сведения о военной обстановке — чтобы конкретная судьба не осталась изолированным эпизодом.

Исповедальный свидетель. В этой позиции повествователь делает предметом осмысления собственный страх, выбор или позднейшую память.

У Лухмановой решение ехать туда, где уже страдают люди, объясняется внутренним состоянием, а не редакционным поручением [Левицкая]. Но исповедальность нельзя сводить к наличию местоимения «я». Ее отличает обращенность рассказа на опыт самого рассказчика, попытка заново понять собственное поведение. Поэтому беседа с репортером о пережитых рисках и исповедальный фрагмент опубликованного репортажа должны анализироваться раздельно.

Исследование Д.В. Соколовой подтверждает важность такого разграничения. Опрос журналисток, работавших в «горячих точках», посвящен причинам командировок, профессиональным трудностям, дискриминации и психологическим последствиям опасной работы [Соколова Д.В.]. Это ценное свидетельство об условиях профессии. Но оно не доказывает автоматически присутствие исповедальной модели в каждом материале опрошенных авторов: между опытом сотрудника редакции и устройством опубликованного им текста остается дистанция.

Четыре позиции, таким образом, различаются способом обращения с правом на слово. Очевидец предъявляет наблюдение; посредник стремится сохранить и донести чужую речь; аналитик связывает разрозненные сведения; исповедальный рассказчик исследует собственное участие. Они не исключают друг друга. Именно пересечение — например, переход от чужого рассказа к авторскому сомнению — зачастую образует содержательно напряженное место документа.

Деталь, повседневность и организация смысла

В военной записи легко принять всякую бытовую подробность за символ. Такое чтение соблазнительно, но неверно. Когда зенитчица просит прислать пуговицы или говорит о еде, она прежде всего сообщает родственникам о конкретной необходимости [Боряк: 136—137]. Символическое значение возникает позднее — при включении письма в публикацию, при сопоставлении его с другими документами, при попытке исследователя восстановить образ повседневной жизни. Разделение первичной функции вещи и ее интерпретации защищает анализ от произвольности.

Д. Джиганте предлагает рассматривать пищу и заботу о близких как важные мотивы женских произведений о войне и послевоенном времени. В числе ее примеров — проза, посвященная блокаде и семейному выживанию [Джиганте]. При этом пища в литературном эпизоде может одновременно быть воспоминанием, деталью обстановки, показателем бедности, а иногда — знаком связи между поколениями. Нельзя заранее объявить ее смысл единым для всех произведений. Он зависит от соседних деталей и композиционного места, что соотносится со структурным подходом Лотмана.

Описанный Колвин подвал тоже не становится образом лишь потому, что журналистка нашла выразительное название. Его значение складывается из связей: тесное убежище противопоставлено утраченному дому, женщины и дети — обычной городской жизни, разговор о настоящем — невозможности предвидеть завтрашний день [Colvin]. Мы имеем дело с документальной сценой, которую можно читать на уровне поэтики, не отменяя обязанности проверять факт. При таком прочтении анализ композиции не заменяет источниковедческой проверки изложенных сведений.

Рассматривая журналистский текст как знаковую систему, Я.В. Солдаткина выделяет несколько уровней его контекстуального прочтения — от минимально-информационного до философского [Солдаткина]. Отдельное сообщение, таким образом, соотносится с другими публикациями и с социокультурной средой его восприятия. Т.А. Парамонова обращается к иной стороне

той же проблемы. В ее исследовании словесный и иконический компоненты медиатекста описаны как взаимодействующие средства организации сообщения [Парамонова]. При изучении фотоистории, сопровождаемой подписями, необходимо учитывать последовательность изображений и сведения, представленные словесно. Отбор кадров и их текстовое сопровождение при этом определяют границы выраженной в публикации авторской позиции.

При обращении к визуальному свидетельству следует разграничивать авторский материал и комментарии к его созданию. Интервью с фотографом Линси Аддарио, опубликованное Саймоном Ингрэмом, представляет собой рассказ о профессиональном опыте, а не самостоятельный репортаж Аддарио [Ingram]. Аналогичное разграничение требуется при использовании статистических исследований. Работа Ю.С. Пиньковецкой посвящена гендерной структуре научно-педагогических работников высших учебных заведений разных стран [Пиньковецкая]. Она уместна как пример строго ограниченного предмета статистического исследования, однако ее цифры ничего не говорят о составе военных редакций. Подмена одной профессиональной группы другой была бы методической ошибкой.

Обсуждение

Предложенная схема позволяет заметить то, что скрывается при противопоставлении «женского гуманизма» и «мужской батальности». Чуткость к бытовой детали встречается не только в женском тексте; психологическая напряженность и близость автора к герою подробно исследованы применительно к «лейтенантской» прозе [Моисеева; Трубина]. Сравнение продуктивно лишь тогда, когда берутся свидетельства сопоставимого времени, жанра и положения автора по отношению к событиям. Иначе различия между дневником и литературной повестью ошибочно принимаются за различия между полами их создателей.

Особенно важно помнить о неодинаковых режимах достоверности. В письме автор волен умолчать о самом трудном, чтобы успокоить родственников; в редакционном тексте он отвечает на ожидания адресата и требования издания; художественная проза может перестраивать порядок происшествий. При чтении все три формы способны вызвать сопереживание. Но проверяются они по-разному. По этой причине документальное свидетельство нельзя объявлять художественной прозой только на основании выразительности языка, равно как нельзя считать литературное произведение прямой хроникой личного опыта.

Наконец, история женского военного письма не укладывается в линию непрерывного перехода от агитации к частному признанию. Уже в начале XX века Лухманова соединяла репортаж и дневниковую рефлексию; в годы Великой Отечественной войны рядом с официальным призывом существовали интимные письма зенитчиц [Левицкая; Лайдинен: 174—179; Боряк: 133—137]. Здесь нет простой смены «старого» типа «новым». Формы сосуществуют, а их соотношение зависит от обстоятельств публикации и возможности говорить публично.

Заключение

Типология женского военного нарратива может быть выстроена без представления о едином, неизменном стиле женщины-автора. Четыре выделенные позиции — очевидец, посредник-помощник, аналитик-исследователь и исповедальный свидетель — описывают способы организации повествовательного знания и авторского присутствия. На рассмотренном материале они часто совмещаются. В частности, репортаж Колвин объединяет наблюдаемую

сцену и объяснение обстоятельств конфликта, а дневник Лухмановой позволяет увидеть взаимосвязь практической помощи и личной рефлексии.

Сопоставление архивных писем, военной периодики и журналистики показало, что повседневная деталь обретает смысл только внутри определенной композиции и коммуникативной ситуации. Особого внимания требует передача чужой речи: от нее зависит, сохранит ли герой рассказа самостоятельный голос. В дальнейшем схему следует испытать на расширенном корпусе текстов, предварительно отделив первичные публикации от их пересказов и включив сопоставимые материалы мужчин-авторов. До такой проверки выводы остаются типологической гипотезой, а не универсальной характеристикой женской военной литературы.

Список литературы / References

Боряк Е.А. «…Вот и пишу всякую ерунду…»: «мелочи» армейской жизни в письмах зенитчицы (1943—1945 гг.) // Женщины и женское движение за мир без войн и военных конфликтов: материалы VIII Международной научной конференции / отв. ред. Н.Л. Пушкарева, З.З. Мухина. М.; Старый Оскол, 2015. Т. 2. С. 133—138.

(Boriak E.A. "...And so I write all sorts of nonsense...": "trifles" of army life in the letters of an anti-aircraft gunner (1943—1945), *Women and the Women's Movement for Peace Without Wars and Military Conflicts: Proceedings of the VIII International Scientific Conference*, ed. by N.L. Pushkareva, Z.Z. Mukhina, Moscow, Stary Oskol, 2015, vol. 2, pp. 133—138. — In Russ.)

Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины: учебное пособие / Л.В. Чернец, В.Е. Хализев, С.Н. Бройтман и др.; под ред. Л.В. Чернец. М.: Высшая школа; Академия, 1999. 556 с.

(Introduction to literary studies. Literary work: basic concepts and terms: textbook, ed. by L.V. Chernets, Moscow, 1999, 556 p. — In Russ.)

Джиганте Д. Другой фронт войны: роль женщины в борьбе за выживание своей семьи. Особенности женского нарратива // Женщины и женское движение за мир без войн и военных конфликтов: материалы VIII Международной научной конференции. М.; Старый Оскол, 2015. Т. 2. С. 144—146.

(Digante D. The other front of war: the role of women in the struggle for their family's survival. Features of women's narrative, *Women and the Women's Movement for Peace Without Wars and Military Conflicts: Proceedings of the VIII International Scientific Conference*, Moscow, Stary Oskol, 2015, vol. 2, pp. 144—146. — In Russ.)

Лайдинен Н.В. Между идеологией и человечностью: журнал «Работница» в годы Великой Отечественной войны // Женщины и женское движение за мир без войн и военных конфликтов: материалы VIII Международной научной конференции. М.; Старый Оскол, 2015. Т. 2. С. 174—180.

(Laidinen N.V. Between ideology and humanity: the journal "Rabotnitsa" during the Great Patriotic War, *Women and the Women's Movement for Peace Without Wars and Military Conflicts: Proceedings of the VIII International Scientific Conference*, Moscow, Stary Oskol, 2015, vol. 2, pp. 174—180. — In Russ.)

Левицкая Т.В. Русско-японская война глазами русской писательницы (дневник и публицистика Н.А. Лухмановой) // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2018. № 2 (59). С. 167—173.

(Levitskaya T.V. The Russo-Japanese war through the eyes of a Russian woman writer (diary and journalism of N.A. Lukhmanova), *Bulletin of Ryazan State University Named After S.A. Yesenin*, 2018, no. 2 (59), pp. 167—173. — In Russ.)

Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.

(Lotman Yu.M. The structure of the artistic text, Moscow, 1970, 384 p. — In Russ.)

Моисеева В.Г. Герой и автор «лейтенантской» прозы // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2025. № 3. С. 23—35.
(Moiseeva V.G. The hero and the author of “lieutenant” prose, *Bulletin of Moscow University. Series 9. Philology*, 2025, no. 3, pp. 23—35. — In Russ.)

Парамонова Т.А. Текст и иконический компонент в современных массмедиа // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 5 (360). Филология. Искусствоведение. Вып. 94. С. 157—162.
(Paramonova T.A. Text and iconic component in modern mass media, *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2015, no. 5 (360), Philology. Art Criticism, iss. 94, pp. 157—162. — In Russ.)

Пиньковецкая Ю.С. Гендерная структура научно-педагогических работников организаций высшего образования в разных странах // Векторы благополучия: экономика и социум. 2022. № 2 (45). С. 71—80.
(Pinkovetskaya Yu.S. Gender structure of academic and teaching staff in higher education institutions in different countries, *Vectors of Well-Being: Economics and Society*, 2022, no. 2 (45), pp. 71—80. — In Russ.)

Соколова Д.В. Особенности работы женщин в «горячих точках»: исследование опыта российских и зарубежных журналистов // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2015. № 3. С. 24—45.
(Sokolova D.V. Features of women’s work in “hot spots”: a study of the experience of Russian and foreign journalists, *Bulletin of Moscow University. Series 10. Journalism*, 2015, no. 3, pp. 24—45. — In Russ.)

Соколова И.В. Современная военная проза в русской литературе: учебное пособие. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2021. 75 с.
(Sokolova I.V. Contemporary military prose in Russian literature: textbook, Vladivostok, 2021, 75 p. — In Russ.)

Солдаткина Я.В. «Журналистский текст» как знаковая система // Преподаватель XXI век. 2014. № 3. Ч. 2. С. 293—299.
(Soldatkina Ya.V. “Journalistic text” as a sign system, *Teacher XXI Century*, 2014, no. 3, pt. 2, pp. 293—299. — In Russ.)

Сухих И.Н. Структура и смысл: теория литературы для всех. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2016. 544 с.
(Sukhikh I.N. Structure and meaning: literary theory for everyone, Saint Petersburg, 2016, 544 p. — In Russ.)

Трубина Л.А. Возвращение к «правде сущей»: новое прочтение лейтенантской прозы // Русская словесность. 2023. № 5. С. 32—40.
(Trubina L.A. Return to the “true truth”: a new reading of lieutenant prose, *Russian Literature*, 2023, no. 5, pp. 32—40. — In Russ.)

Яковлева А.С. Женская военная журналистика как традиция России: история и современный период // Цифровая журналистика: технологии, смыслы и особенности творческой деятельности. Екатеринбург, 2024. С. 21—23.
(Yakovleva A.S. Women’s military journalism as a tradition of Russia: history and the modern period, *Digital Journalism: Technologies, Meanings and Features of Creative Activity*, Yekaterinburg, 2024, pp. 21—23. — In Russ.)

Colvin M. We Live in Fear of a Massacre // The Sunday Times. 2012. 19 Feb. URL: https://mariecolvin.org/archive (accessed 10.10.2026).

Cooke M. Women and the War Story, Berkeley: University of California Press, 1996. 367 p.

Ingram S. Life through the lens: Lynsey Addario // National Geographic. 2023. 10 Feb. URL: https://www.nationalgeographic.com/photography/article/life-through-the-lens-lynsey-addario (accessed 10.10.2026).

Mackrell J. The Correspondents: Six Women Writers on the Front Lines of World War II, New York: Doubleday, 2021. 464 p.

TYPOLOGICAL MODELS OF WOMEN'S WAR NARRATIVES: AUTHORIAL POSITION AND THE POETICS OF DOCUMENTARY TESTIMONY

Alexey Yu. Ovtcharenko, Ivan P. Shishlakov
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation, ovcharenko-ayu@rudn.ru, shishlakov_ip@rudn.ru

Abstract. This article investigates how women narrate wartime experience in diaries, letters, journalism and documentary prose. It proposes a comparative typology of authorial positions rather than a fixed classification of genres or a universal definition of feminine writing. The discussion draws on Marie Colvin's reporting from Homs, Nadezhda Lukhmanova's diary as studied by T. Levitskaya, a woman anti-aircraft gunner's correspondence analyzed by E. Boryak, and studies of Soviet wartime periodicals and Russian war reporting. Close reading and structural-semiotic analysis focus on narrative distance, the place of everyday detail, reported speech and the limits of first-person testimony. Four interacting positions emerge: eyewitness, mediator and helper, analyst, and confessional witness. Their boundaries prove unstable. A single account may record observable facts, give space to another person's voice, and at the same time disclose the reporter's uncertainty or involvement. Ordinary objects and domestic routines acquire narrative significance not through a predetermined gender code but through their relation to the scene and its historical circumstances. This framework can support further comparative research provided that the documentary status of each source is established and comparisons with male-authored accounts are made on equivalent grounds.

Keywords: women's war narratives war reporting documentary testimony authorial position everyday detail subjectivity comparative poetics war prose

For citation: Ovtcharenko A.Yu., Shishlakov I.P. Typological models of women's war narratives: authorial position and the poetics of documentary testimony, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2026, Special issue, pp. 68—76.

Статья поступила в редакцию 13.10.2026; одобрена после рецензирования 23.10.2026; принята к публикации 26.10.2026.

The article was submitted 13.10.2026; approved after reviewing 23.10.2026; accepted for publication 26.10.2026.

Информация об авторах / Information about the authors

Овчаренко Алексей Юрьевич — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и лингвокультурологии, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва, Россия, ovcharenko-ayu@rudn.ru, SPIN: 4205-7783

Ovtcharenko Alexey Yuryevich — Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Language and Linguocultural Studies, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation, ovcharenko-ayu@rudn.ru

Шишлаков Иван Петрович — старший преподаватель Института русского языка, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва, Россия, shishlakov_ip@rudn.ru, SPIN: 7149-8780

Shishlakov Ivan Petrovich — Senior Lecturer, Institute of Russian Language, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation, shishlakov_ip@rudn.ru

ФИЛОЛОГИЯ

PHILOLOGY

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

LINGUISTICS

Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2026. Специальный выпуск. С. 77—82.
Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Special issue. P. 77—82.

Научная статья
УДК 811.111'373:81'23
EDN https://elibrary.ru/tcaiib
DOI: 10.46726/H.2026.5.9

АНИМАЛИСТИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В МЕТАФОРИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ КАК ВЕРБАЛИЗАТОРЫ КОНЦЕПТОВ *GRIEF* И *DESPAIR*

Марина Юрьевна Кузьмина
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Россия, charoitmermaid@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена проблеме вербализации интенсивных эмоциональных состояний горя (grief) и отчаяния (despair), которые в силу своей абстрактной и глубоко личной природы сопротивляются прямому языковому выражению. Новизна подхода заключается в анализе комплексного анималистического образа Ворона в романе-притче Макса Портера “Grief is the Thing with Feathers” как когнитивного и нарративного инструмента для структурирования травматического опыта. В отличие от традиционных метафорических конструкций, образ Ворона не просто обозначает эмоции, но активно их «осуществляет»: его агрессивный, синтаксически разорванный поток сознания становится лингвистическим эквивалентом немого отчаяния, тогда как терапевтическая функция образа (обучение новому словарю, роль «аналитика») моделирует переход к артикулируемому процессу проживания горя. Автор демонстрирует, что Ворон выступает ядром развернутой зооморфной метафорической системы (дом — гнездо, исцеление — защита птенцов), которая позволяет репрезентировать невыразимое через конкретные, телесные категории. Исследовательские выводы подтверждают, что динамичная эволюция образа — от персонификации хаоса до интериоризированного «костыля» — отражает когнитивную работу сознания по интеграции утраты, а зооморфный код становится фундаментальным лингвистическим механизмом для репрезентации трудно вербализуемых аффективных состояний.

Ключевые слова: когнитивная метафора, горе, отчаяние, анималистический образ, психологическая травма

Для цитирования: Кузьмина М.Ю. Анималистические образы в метафорическом нарративе как вербализаторы концептов grief и despair // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Специальный выпуск. С. 77—82.

© Кузьмина М.Ю., 2026

Концепты интенсивных эмоциональных состояний *grief* (горе) и *despair* (отчаяние) представляют значительную сложность для вербального выражения ввиду их абстрактной, глубоко личной и часто неартикулируемой природы. В современной литературе поиск адекватного языка для этих состояний часто приводит к использованию расширенных метафор, аллюзий и символов [Николаева: 100]. Языковая концептуализация внутренних эмоциональных состояний персонажей художественных произведений неразрывно связана с когнитивным потенциалом метафоры, позволяющим структурировать и выражать абстрактные понятия и сущности [Клейменова: 171]. Роман-притча английского писателя Макса Портера “Grief is the Thing with Feathers” (2015) предлагает в качестве такого лингвистическо-нарративного инструмента комплексный анималистический образ Ворона (*Crow*), который инкапсулирует в себе хаос, боль, абсурд и терапевтический процесс проживания утраты.

С момента своего появления в тексте произведения Ворон представляет собой персонификацию хаоса и горя для семьи, состоящей из отца и двух мальчиков, внезапно потерявших жену и мать. Его физическое воплощение в тексте маркировано лексикой, передающей насильственное вторжение, телесность и отталкивающую материальность, что коррелирует с внезапным и разрушительным ощущением горя: “There was a crack and a whoosh and I was smacked back, winded, onto the doorstep… There was a rich smell of decay, a sweet furry stink of just-beyond-edible food, and moss, and leather, and yeast. Feathers between my fingers, in my eyes, in my mouth… One shiny jet-black eye as big as my face…” (11)[*] («Раздался треск и свист — меня отбросило назад, сбило дыхание, я рухнул на порог… Тяжелый запах тления, сладковато-шерстистая вонь пищи, которая уже не годится в еду, а еще мох, кожа и дрожжи. Перья между пальцев, в глазах, во рту… Один блестящий, черный как смоль глаз — величиной с мое лицо…»).

Здесь горе метафоризируется как травмирующее физическое нападение, погружающее субъекта в сенсорный хаос («перья между пальцами, в глазах, во рту»). Атрибуты Ворона — запах тления, гигантский глаз — создают образ, чуждый человеческому, подчеркивая инаковость и непостижимость переживаемого опыта.

Анималистический образ не статичен; его функция в нарративе эволюционирует, отражая стадии проживания горя. Это образ многогранный и многоликий — Ворон воплощает в себе роли от демона-трикстера до терапевта [Rivera-Izquierdo: 95]. Сам Ворон рефлексивно определяет свою полифункциональность: “I was friend, excuse, deus ex machina, joke, symptom, figment, spectre, crutch, toy, phantom, gag, analyst and babysitter… In other versions I am a doctor or a ghost. Perfect devices: doctors, ghosts and crows. We can do things other characters can’t, like eat sorrow, un-birth secrets…” (18) («Я был другом, оправданием, богом из машины, шуткой, симптомом, выдумкой, призраком, костылем, игрушкой, фантомом, клоунадой, аналитиком и нянькой… В других версиях я доктор или привидение. Идеальные устройства: доктора, привиде-

[*] Здесь и далее текст романа приводится по изданию: Porter M. Grief is the Thing with Feathers, London: Faber and Faber Ltd, 2015 — с указанием в скобках номера страниц. Перевод мой. — *М. К.*

ния и вороны. Мы умеем делать то, что другим персонажам не под силу: например, пожирать печаль, вытравливать тайны…»).

Эта самохарактеристика важна, поскольку Ворон — это не просто символ горя, но и активный участник процесса. Он — «костыль» (*crutch*) и «аналитик» (*analyst*), что указывает на его терапевтическую функцию. Его способность «пожирать печаль» (*eat sorrow*) метафорически обозначает постепенную переработку болезненных эмоций. Одновременно он остается «трикстером» и «шуткой» (*joke, gag*), что позволяет тексту избегать сентиментальности и передавать абсурдность существования после утраты.

Ключевой аспект использования данного анималистического образа — это влияние Ворона на речевую ткань повествования. В этом образе, одновременно и зооморфном, и антропоморфном, автору в первую очередь важно эмоциональное, а не рациональное начало [Малышев: 196]. Его речь часто представляет собой агрессивный, алогичный поток сознания, ломающий привычные синтаксические и смысловые конструкции: “Look at that, look, did I or did I not, oi, look, stab it. Good book, funny bodies, open door, slam door, spit this, lick that, lift, oi, look, stop it… Oi, stab it! A bloody load of time wasted” (16) («Глянь на это, глянь, я или не я, эй, глянь, тыкни его. Хорошая книга, смешные тела, открой дверь, хлопни дверью, плюнь в это, лизни то, подними, эй, глянь, прекрати… Эй, тыкни его! Куча времени к черту потрачена»).

Этот сломанный, импульсивный язык, построенный на фонографических свойствах системы английского языка [Фокина: 903], становится лингвистическим эквивалентом отчаяния (*despair*), утраты контроля и связности мысли. Однако Ворон также выступает и как учитель нового языка для выражения боли, как показано в сцене с мальчиками: “He is speaking very slowly, very clearly… He says SUDDEN. He says TRAUMA. He says Induced… SUDDEN TRAUMA INDUCED ALTERATION OF THE ALERT STATE” (28) («Он говорит очень медленно, очень четко… Он говорит ВНЕЗАПНО. Он говорит ТРАВМА. Он говорит ВЫЗВАННОЕ… ВНЕЗАПНОЕ ТРАВМАТИЧЕСКОЕ ВЫЗВАННОЕ ИЗМЕНЕНИЕ УРОВНЯ БОДРСТВОВАНИЯ»).

Здесь анималистический образ дает детям (и отцу) почти клинический, отстраненный словарь для обозначения их опыта, что является первым шагом к ассимиляции травмы.

Образ Ворона порождает целую сеть вторичных зооморфных метафор, описывающих семью. Отец и дети часто видятся через призму птичьего сообщества. Пространство дома становится «гнездом», которое необходимо защищать: “Crow demonstrated to the demon what happens when a crow repels an intruder to the nest, if there are babies in that nest…” (55) («Ворон продемонстрировал демону, что бывает, когда ворон отражает захватчика от гнезда, если в этом гнезде есть птенцы…»).

В финальной истории о демоне Ворон явно принимает роль защитника выводка, а его жестокость метафорически оправдана инстинктом сохранения семьи. Мальчики же, «птенцы», лишившиеся матери, описываются как идеальная пища для Ворона-горя: “Motherless children are pure crow. For a sentimental bird it is ripe, rich and delicious to raid such a nest” (19) («Дети без матери — чистая воронья плоть. Для сентиментальной птицы разорить такое гнездо — лакомый, сочный, сладкий кусок»).

Важен контраст между Вороном и другими птицами в тексте. Если Ворон олицетворяет грязную, сложную, но необходимую проработку горя, то иные птицы связаны с более абстрактной поэзией или недостижимым покоем. Сам

Ворон противопоставляет себя «певчим птицам»: в своем кошмаре он видит, как его клюв становится раскрашенным «как у тупика», а из клюва исходит «красивая английская мелодия, садовая песня, как у черного дрозда». Для него подобные перевоплощения — это кошмар утраты своей сущности.

Уход Ворона в финале совпадает с моментом, когда горе перестает быть всепоглощающей силой, требующей отдельной персонификации, и интегрируется в жизнь: “You were done being hopeless. Grieving is something you’re still doing, and something you don’t need a crow for… Coppiced, to grow well” (90) («Ты уже покончил с безнадежностью. Горевать — ты всё еще горюешь, но ворон тебе для этого больше не нужен… Срубленный под корень, чтобы лучше расти»).

Метафора *coppiced* (срубленное под корень дерево, дающее новые побеги) указывает на цикличность, боль и необходимость роста, завершая анималистическую логику текста более органичной, растительной метафорой возрождения.

Важно разграничить и одновременно связать два центральных концепта — *grief* (горе) и *despair* (отчаяние) — на лингвистическом уровне нарратива. Если горе в романе предстает как продолжительный процесс, «долгосрочный проект» («grief is a long-term project» (87)), то отчаяние — это его пиковые, статичные состояния, моменты экзистенциального тупика. Лингвистически это различие маркируется через две ключевые модальности речи Ворона. Отчаяние передается через его хаотичный, агрессивный, «нечеловеческий» поток сознания, лишенный синтаксической целостности: “Krickle krackle, hop sniff and tackle, in with the bins, singing the hymns” (73) («Крикль-кракль, прыг-шмыг и подкат, баки на место, псалмы нараспев»). Подобный языковой распад зеркально отражает экзистенциальный тупик, ощущение бессмыслицы и невыразимости, характерные для отчаяния [Кузьмина: 42]. В противовес этому само горе, понимаемое как процесс, находит возможность для артикуляции — через диалог и терапевтическую функцию всё того же анималистического образа [Cheong]. Ворон структурирует переживание, давая ему имена, задавая вопросы и направляя внутренний монолог отца в русло рефлексии. Таким образом, анималистическая метафора не просто представляет оба состояния, но и лингвистически моделирует переход от немого отчаяния к артикулируемому, пусть и болезненному, горю. Отчаяние — это язык, на котором Ворон говорит сам, горе — это язык, которому он учит героев, используя свою звериную природу как инструмент для взлома и последующей сборки нового субъективного словаря.

Анималистический образ Ворона в романе М. Портера вербализируется сложным метафорическим языком, способным описать многогранный и парадоксальный опыт проживания горя и сопутствующего ему отчаяния. Ворон не просто обозначает данные эмоциональные состояния; он активно осуществляет их в тексте, являясь одновременно их симптомом и лекарством. Анализируемый образ не существует изолированно, а является ядром целой системы метафор, функционирующих на когнитивном уровне. Ворон выступает как концептуальная метафора (в терминах Дж. Лакоффа и М. Джонсона), которая позволяет структурировать абстрактное и хаотичное переживание горя и отчаяния через конкретные, физические категории: вторжение в пространство, телесный контакт, инстинктивное поведение. Эта первичная метафора

порождает ряд производных: дом становится гнездом, процесс исцеления — выкармливанием или защитой птенцов, а финальное прощание с прахом матери описывается через образ “a murder of little burnt birds” («стая маленьких обугленных птичек»). Таким образом, зооморфный код служит фундаментальным когнитивным инструментом, через который сознание персонажей (и читателя) схватывает, категоризирует и переживает невыразимый опыт. Динамичность образа Ворона, его переход от хаотичной силы к терапевтической функции, отражает эволюцию самой когнитивной модели горя у героев: от восприятия его как внешнего, враждебного существа к интериоризации и работе с ним как с частью собственного психического ландшафта. Таким образом, зооморфная метафора становится не просто украшением, а фундаментальным нарративным и лингвистическим механизмом для репрезентации трудно вербализуемых внутренних состояний.

Список литературы / References

Клейменова А.С. Метафора как средство концептуализации сознания персонажа // Когнитивные исследования языка. 2025. № 2—1 (63). С. 170—174.

(Kleimenova A.S. Metaphor as a means of conceptualizing a character’s consciousness, *Cognitive Studies of Language*, 2025, no. 2—1 (63), pp. 170—174. — In Russ.)

Кузьмина М.Ю. Отчаяние как эмоциональная доминанта в рассказе Д.Г. Лоуренса “The Blind Man” // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica. 2025. Т. 21, № 2 (68). С. 41—49.

(Kuzmina M.Yu. Despair as an emotional dominant in D.H. Lawrence’s short story “The Blind Man”, *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*, 2025, vol. 21, no. 2 (68), pp. 41—49. — In Russ.)

Малышев Д.А. Лексическая репрезентация эмоций во внутренней речи персонажей научно-фантастического текста // Когнитивные исследования языка. 2025. № 4 (65). С. 192—197.

(Malyshev D.A. Lexical representation of emotions in the inner speech of characters in a science-fiction text, *Cognitive Studies of Language*, 2025, no. 4 (65), pp. 192—197. — In Russ.)

Николаева Н.В. Жанровые особенности американской исповедальной лирики (на материале поэтического творчества Сильвии Плат) // Герценовские чтения. Иностранные языки: Сборник научных трудов. СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2020. С. 99—101.

(Nikolaeva N.V. Genre features of American confessional poetry (based on the poetic works of Sylvia Plath), *Herzen Readings. Foreign Languages: Collection of scientific papers*, Saint Petersburg, 2020, pp. 99—101. — In Russ.)

Фокина М.С. Актуализация семиотических свойств языка в англоязычных словесных играх // Когнитивные исследования языка. 2023. № 4 (55). С. 900—904.

(Fokina M.S. Actualisation of semiotic properties of language in English word games, *Cognitive Studies of Language*, 2023, no. 4 (55), pp. 900—904. — In Russ.)

Cheong A. The uneasiness of emotion and its representations in Max Porter’s Grief Is the Thing with Feathers, *Textual Practice*, 2025, no. 39 (6), pp. 917—940.

Rivera-Izquierdo A. Literary masculinities and men’s emotionality: Max Porter’s Grief Is the Thing with Feathers as a Case Study, *Men and Masculinities*, 2025, vol. 28 (1), pp. 86—105.

ANIMAL IMAGERY AS A MEANS OF ARTICULATING *GRIEF* AND *DESPAIR* IN METAPHORICAL NARRATIVE

Marina Yu. Kuzmina
Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russian Federation, charoitmermaid@gmail.com

Abstract. This article addresses the problem of verbalizing intense emotional states of *grief* and *despair* which, due to their abstract and deeply personal nature, resist direct linguistic expression. The novelty of the approach lies in analyzing the complex animalistic image of the Crow in Max Porter's novel-parable Grief is the Thing with Feathers as a cognitive and narrative tool for structuring traumatic experience. Unlike traditional metaphors, the Crow does not merely denote emotions but actively "performs" them: its aggressive, syntactically fragmented stream of consciousness becomes the linguistic equivalent of mute despair, while the therapeutic function of the image (teaching a new vocabulary, acting as an "analyst") models the transition towards articulated, processual grieving. The author demonstrates that the Crow serves as the core of an extended zoological metaphorical system (home — nest, healing — protecting chicks), which enables the representation of the inexpressible through concrete, bodily categories. The research findings confirm that the dynamic evolution of the image—from a personification of chaos to an internalised "crutch"— reflects the cognitive work of the mind to integrate loss, and that the zoomorphic code becomes a fundamental linguistic mechanism for representing difficult-to-verbalise affective states.

Keywords: cognitive metaphor, grief, despair, zoomorphic imagery, psychological trauma

For citation: Kuzmina M.Yu. Animal imagery as a means of articulating "grief" and "despair" in metaphorical narrative, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2026, Special issue, pp. 77—82.

Статья поступила в редакцию 19.04.2026; одобрена после рецензирования 05.06.2026; принята к публикации 25.09.2026.

The article was submitted 19.04.2026; approved after reviewing 05.06.2026; accepted for publication 25.09.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Кузьмина Марина Юрьевна — старший преподаватель кафедры английского языка и лингвострановедения, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, charoitmermaid@gmail.com, SPIN: 8359-5579

Marina Yurievna Kuzmina — Senior lecturer of the Department of English and Cultural Studies, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russian Federation, charoitmermaid@gmail.com

Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2026. Специальный выпуск. С. 83—94.
Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Special issue. P. 83—94.

Научная статья
УДК 811.111'373.611:81'276.6
EDN https://elibrary.ru/tmtrbk
DOI: 10.46726/H.2026.5.10

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ ГЛАГОЛОВ НАПРАВЛЕНИЯ: КОГНИТИВНЫЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Тамара Валентиновна Рожкова
Самарский государственный медицинский университет, г. Самара, Россия,
t.v.rozhkova@samsmu.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию английских глаголов с медицинским значением, репрезентирующих семантику направления. Исследование актуально в свете возрастающей роли точной и образной передачи пространственных характеристик в профессиональной коммуникации медицинской сферы, где значение направления часто оказывается ключевым для описания диагностики, лечения и динамики заболеваний. В статье анализируются семантические особенности глаголов, указывающих не только на физическое направление движения (внутрь, наружу, вверх, вниз и т. д.), но и на абстрактную направленность процессов (улучшение состояния, снижение симптомов, распространение патологии), описывается роль приставок, контекста, а также значимость таких глаголов для научного стиля. В работе дается подробная классификация концептов направления, отраженных в английских медицинских глаголах. Особое внимание уделяется тому, как семантика направления интегрируется в структуру медицинской лексики. В статье также анализируются морфологические, семантические и стилевые аспекты функционирования медицинских глаголов со значением направления, рассматривается их роль в формировании профессиональной лексики и передаче медицинских знаний. Результаты исследования способствуют пониманию деривационных процессов в медицинской терминологии английского языка, механизмов языковой репрезентации пространственных и функциональных концептов в медицинском английском.

Ключевые слова: медицинская глагольная лексика, концепт, направление, семантическая классификация, английский язык, словообразование

Для цитирования: Рожкова Т.В. Семантическая деривация глаголов направления: когнитивный и функциональный аспекты // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Специальный выпуск. С. 83—94.

Введение

Будучи одним из первичных и фундаментальных способов осмысления человеком окружающего мира, понятие направления есть часть представлений о физическом пространстве. Пространственные отношения базируются на таких категориях, как точка отсчета, цель, система координат (стороны света, вправо—влево, вперед—назад). Таким образом, пространственность является сущностным свойством направления, которое возникло из практической необходимости человека ориентироваться в мире и описывать движение.

Однако понятие направления нельзя ограничить только пространственными координатами, так как направление есть фундаментальная характеристика

© Рожкова Т.В., 2026

всех процессов, а также изменений, приводящих к какому-либо результату. Изменение предполагает некоторое развитие в русле логики этого развития. Таким образом, направление отражает последовательность внутренних преобразований, приводящих к результату.

Цель настоящей работы состоит в исследовании двух аспектов репрезентации представлений о направлении: как пространственного перемещения и как внутреннего изменения явлений, протекающего во времени и приводящего к какому-либо результату.

Материалом исследования послужили глаголы, обозначающие медицинские действия и процессы, а также функционирующие в английских медицинских текстах общенаучные глаголы. Последние рассматриваются как инструменты концептуализации и передачи специальных знаний, отражения логики суждений, причинно-следственных связей, присущих медицинским процессам. Отбор глаголов производился из специализированных словарей, а иллюстративные контексты были извлечены из англоязычных научных статей. Перевод с английского языка мой. — *Т. Р.*

Методологическую основу исследования фактического материала составляют: комплексный лингвистический анализ, включающий дефиниционный метод, — для выявления семантических признаков глагольных лексем; контекстуальный метод — для определения их актуальных смыслов; этимологический метод — для реконструкции исходных значений и путей семантической эволюции, а также словообразовательный метод — для определения семантического взаимодействия словообразовательных элементов и основы в процессе порождения новых смыслов.

Результаты исследования

Медицина — точная наука, поэтому любое описание действия, особенно связанного с пространственной ориентацией, требует предельной ясности и исключает двусмысленность. В этой связи в качестве прототипических средств выражения направления в медицинских контекстах выступают преимущественно общенаучные глаголы, выполняющие связующую, организующую и интерпретирующую функции. Эти глаголы имеют семантическую прозрачность и способны передавать не только пространственные, но также временные и результативные смыслы: *to lead (to), to route* — ‘направлять’, *to refer (to)* — ‘направлять’, ‘обращаться’, *to point (to)* — ‘указывать’, ‘быть направленным на’, *to tend to* — ‘иметь тенденцию’, *to result in* — ‘приводить к чему-либо’ и др. Например, “*Screening for Wilson disease in young patients are helpful when the clinical information points to one of these entities as a potential diagnosis*” [Aragon, Younossi: 201] («Скрининг на болезнь Вильсона у молодых пациентов полезен, когда клинические данные указывают на одно из этих состояний»).

В рамках одного текста один и тот же глагол способен выражать различные смысловые оттенки, например, одновременно указывать на физическое направление движения: “*Contraction of LLMF leads to a pit in the central part of the sucker, thus enhancing the adhesive force*” [Feng, Chai et al.: 11] («Сокращение длинных продольных мышечных волокон приводит к образованию углубления в центральной части присоски, что усиливает силу прикрепления») — и на достижение результата: “*For this reason, long distance crawling leads to dehydration and body shrinkage for leeches*” [Feng, Chai et al.: 10] («По этой причине длительное ползание приводит к обезвоживанию и уменьшению размеров тела пиявок»).

Понятие направления неразрывно связано с наличием ориентира — точки отсчета, относительно которой действие обретает свою векторность. В медицинской практике действия всегда разворачиваются в определенном пространстве — анатомическом, физиологическом или патологическом. Однако специфика медицины заключается в том, что траектория изменений далеко не всегда поддается однозначному прогнозированию. В физическом пространстве направление может быть задано жестко (например, при введении инструмента), а в пространстве клиническом оно остается вероятностным, формируясь в ходе постоянной диагностической и терапевтической коррекции. Так, глагол *to metastasize* (‘метастазировать’), образованный от греческой приставки *meta-* (‘перемена’, ‘переход из одного состояния в другое’) и существительного *stasis* (‘место’), своим буквальным значением — ‘смена места’ — указывает на направление и используется для констатации перехода опухолевого процесса на другое место, то есть процесс образования вторичных опухолевых очагов (метастазов) в результате распространения клеток из первичного новообразования в другие органы и ткани организма. Синонимичный глагол *to spread* (‘распространяться’) в медицинском контексте приобретает значение ‘метастазировать’. Приведем пример: “*There may be changes happening in the liver that make it easier for the tumour to spread there*” [Roberts] («В печени могут происходить изменения, которые способствуют метастазированию опухоли в этот орган»).

Концепты «направление внутрь» и **«направление наружу»** репрезентируются лексемами, в которых основным носителем семы направления выступают префиксы. Наиболее частотными префиксами, указывающими на направление внутрь, являются in- (или en-, im-), per- (лат. ‘сквозь’, ‘через’). Глаголы, репрезентирующие этот концепт в медицинских контекстах, в большинстве случаев отражают перемещение в пространстве. Например, глаголы *to insert* — ‘вводить’, ‘вставить’, *to infuse* — ‘проводить вливание’ (инфузию), *to immerse* — ‘погружать’, ‘окунать’, *to ingest* — ‘глотать’, ‘проглатывать’; ‘принимать внутрь’ (лекарство), ‘усваивать’ (лекарство), *to inhale* — ‘вдыхать воздух’, ‘всасывать воздух’, ‘затягиваться’ (табачным дымом), *to invaginate* — ‘впячиваться’, ‘изгибаться внутрь’, ‘инвагинировать’ (лат. *vagina* — ‘влагалище’, здесь — в значении ‘углубление’), *to intussuscept* — ‘всасывать’ (о кишечнике), ‘втягивать что-л. в себя’ (о кишечнике). Например:

1) “*The tooth can be reinserted and restored to prevent infection and tooth decay*” [Partial Tooth Dislodgement] («Зуб может быть реимплантирован и восстановлен для предотвращения инфекции и кариеса»);

2) “*The drug is more easily ingested in pill form*” [MWD] («Это лекарство легче принимать в форме таблеток»).

Глагол *to introspect* употребляется как в прямом значении — ‘(по)смотреть внутрь’, так и в метафорическом — ‘заниматься самонаблюдением’. Глагол *to encapsulate* — ‘инкапсулировать’, ‘закупоривать’, ‘заключать в капсулу’ (перед обработкой) — наряду с прямым физическим действием обозначает переносное — ‘запутаться’, ‘погрязнуть в чем-либо и замкнуться в себе’, ‘кратко излагать’. Проиллюстрируем это контекстами, в которых глаголы используются как в прямом, так и переносном значениях: прямое значение — “*The contaminated material should be encapsulated and removed*” [MWD] («Загрязненный материал должен быть помещен в контейнер и утилизирован»); переносное значение — “*The theory encapsulates several important principles*” [MWD] («Данная теория обобщает ряд важных принципов»).

Префикс per- (лат. ‘сквозь’, ‘через’) также указывает направление движения внутрь чего-либо, однако эта сема вторична по отношению к основной (‘сквозное проникновение’). Семантика глаголов *to percolate* — ‘просачиваться’, ‘проникать сквозь’, ‘процеживать’, ‘(про)фильтровать’, ‘перколировать’, *to penetrate* — ‘проникать внутрь’, ‘пропитывать’, ‘пенетрировать’ (напр., о язве желудка) — указывает не просто на направление движения внутрь, но и на сквозное проникновение. Глагол *to penetrate* предполагает химическую или клеточную связь с объектом воздействия.

Буквальное значение глагола *to landfill* выводится из значений составляющих его основ — ‘заполнять землю’. В научном контексте значение глагола сужается и специализируется — ‘(санитарное) захоронение отходов в землю’.

В структуре приведенных в качестве примеров глаголов наблюдается устойчивая семантическая деривация: от конкретно-пространственного (физическое направление внутрь) к отвлеченно-процессуальному (вовлеченность, усвоение, анализ). Это свидетельствует о регулярной полисемии и высокой словообразовательной продуктивности данных префиксальных моделей в специальной и общеупотребительной лексике.

Концепт «направление наружу» репрезентируется префиксами, семантика которых предполагает направление в сторону от источника, при этом в структуре глагола появляется дополнительная сема «извлечение объекта», например, *to exhume* (лат. *ex* — ‘из’, humus — ‘земля’) — ‘эксгумировать’. Глагол *to exfoliate* (лат. *folium,* i, n — ‘лист’) в значении ‘слущиваться’, ‘отторгать слоями’, ‘шелушиться’, ‘отслаиваться’ указывает на ‘удаление чего-либо с поверхности’ (“*Learn the right techniques and how often you should exfoliate for healthy, glowing skin*” [How to Safely Exfoliate…] — «Изучите правильные техники и узнайте, как часто следует проводить отшелушивание для получения здоровой и сияющей кожи»), в то время как значение ‘выпадать’ встречается в стоматологии (“*At the age of 3 years the boy was referred to a pediatric dentist because several primary front teeth had spontaneously exfoliated*” [Luder: 9] — «В возрасте трех лет мальчик был направлен к детскому стоматологу, поскольку несколько передних молочных зубов выпали»).

Глаголы с префиксом ex- употребляются как в прямом, так и в переносном значении. Например, прямое значение физического действия глагола *to exhaust* — ‘истощать’, ‘извлекать’, значение ‘изнурять’ является переносным, так как относится к общему состоянию организма (“*If you keep working these long hours, you're just going to exhaust yourself*” [BrD] — «Продолжительная работа в таком режиме приведет к истощению организма»). Концепт «направление наружу» репрезентируется глаголами *to exsanguinate* — ‘истекать кровью’, ‘выпускать кровь’, ‘обескровливать’, ‘обескровить’ (глагол употребляется редко), *to extract* — ‘экстрагировать’, ‘извлекать’ (“*When you extract a tooth in the upper jaw, especially those in the back…*” [Symptoms of Perforated Sinus…] — «Когда вы удаляете зуб на верхней челюсти, особенно в ее задней части…»).

Префикс extra- (лат. ‘находящийся за границами чего-либо’) репрезентирует концепт «направление наружу» в следующих двух отраслевых медицинских глаголах, которые, однако, вышли из употребления в современном английском языке: *to extravasate* (лат. *vas* — ‘сосуд’) — ‘выходить или выводить жидкость (кровь, лимфу, лекарство) из своего естественного русла (сосуда) в окружающие ткани’ и *to extravenate* (лат. *vena* — ‘вена’) — ‘вводить жидкость (чаще всего лекарственный препарат или инфузионный раствор) не в просвет

вены, а в окружающие ее ткани’. Приставка в глаголе *to extravenate* указывает не на направление выхода из чего-либо, а на ‘выход за границы чего-либо’.

В современных медицинских контекстах сохранился *глагол to extraperitonealize* (лат. *peritoneum* — ‘брюшина’) — ‘перемещать орган из брюшной полости за брюшину’. Например: “*After ureter anastomosis, the whole ileal conduit with ureters was completely extraperitonealized*…” [Zhou, Xiong et al.: 2] («После наложения уретроанастомоза илеальный кондуит вместе с мочеточником был полностью выведен из брюшной полости»).

Префикс out- также репрезентирует направление движения наружу, например, *to outflow* — ‘вытекать’, ‘истекать’, ‘оттекать’.

Префикс ir- этимологически восходит к предлогу in, указывающему на направление наружу или внутрь, например: *to irradiate* — 1. ‘излучать’, ‘испускать’; 2. ‘применять облучение в лечебных целях’ (“*The cells are irradiated so that they cannot reproduce*” [CFEDT] — «Клетки облучаются с целью подавления их способности к репликации»); 3. ‘иррадиировать’, ‘отдавать’ (“*From here, the pain can irradiate to the surrounding areas of the body*” [Angina Pectoris] — «Из данной локализации болевые ощущения могут иррадиировать в прилежащие области тела»).

Иногда глаголы способны развивать значения, имплицитно сохраняя сему «располагаться параллельно некоторой плоскости». Например, глагол *to pronate* имеет также значения ‘лежать ничком’, ‘лежать на животе’, ‘принимать положение лежа на животе’, глагол *to extend* имеет значение ‘простираться’, ‘распространяться’ (например, “*The tentorium cerebelli extends inferiorly and laterally from its confluence with the falx*” [Gilardi: 1600] — «Намёт мозжечка простирается книзу и латерально от места своего слияния с серпом большого мозга»).

Глаголы, отражающие направление движения, нередко образуют антонимические пары, например: *to pronate* — ‘естественно разгибать’ (стопу при ходьбе) и *to supinate* — ‘естественно сгибать’ (стопу при ходьбе), *to flex* — ‘сгибать’ и *to extend* — ‘разгибать’, *to attach* — ‘прикреплять’, ‘присоединять’ и *to detach* — ‘отделять’, ‘разъединяться’.

Таким образом, семантика глаголов, репрезентирующих концепт «направление наружу», включает не только векторное направление, но и дополнительные смысловые компоненты, включая способ удаления, характер объекта, функциональную направленность.

Концепты «направление вперед» и **«направление назад»** объективируются в английском языке с помощью префиксов или специальных лексем. Наиболее продуктивным префиксом, указывающим на нахождение впереди или движение вперед в структуре глагола, является pro- (*to protrude* — ‘выступать вперед’, ‘выдаваться’, ‘выпячиваться’, ‘выбухать’), менее продуктивным — ante- (*to antevert* — ‘наклоняться вперед’ (о матке)).

Концепт «направление назад» вербализуется лексемой back, которая функционирует либо как предлог (*to bounce back* — ‘оправиться (от удара)’, ‘прийти в норму (после болезни)’, *to bring back to life* — ‘реанимировать’, ‘оживить’), либо как морфема (*to backmutate* — ‘мутировать к первоначальному виду’). В обоих случаях в значение глагола включается временной компонент. Например, “*Plasmid pmCit-N-rasG12V was first backmutated to generate pmCit-N-ras(wt)*” [Šolman, Ligabue et al.] — «Плазмиду pmCit-N-rasG12V сначала подвергли обратному мутагенезу для получения pmCit-N-ras(wt)».

Для выражения направления в обратную сторону также используется префикс retro- — ‘назад’; например, *to retropulse* — ‘двигаться назад’.

Данные концепты в медицинских контекстах часто вербализуются общеупотребительными глаголами движения, а направление задается пространственными наречиями, например: “*Moving superiorly, slightly forward and to the right, the ascending aorta continues to the level of the second right costal cartilage*” [Cardiovascular System] — «Направляясь вверх, слегка вперед и вправо, восходящая аорта продолжается до уровня второго правого реберного хряща».

Глаголы направления вперед или назад репрезентируют не только перемещение в пространстве, но и прогрессию или регрессию процессов, отражают положительную или отрицательную динамику протекания заболевания или лечения, выполняют прогностическую функцию, позволяя врачу фиксировать этапы течения болезни и эффективность терапии. Кроме того, эти глаголы указывают на темпоральные характеристики действия и его результативность.

Концепты «направление вниз» и **«направление вверх»** репрезентируются двумя глаголами — *to descend* (‘спускаться’, ‘снижаться’) и *to ascend* (‘подниматься’, ‘восходить’). Оба слова используются как в медицинской, так и в общеупотребительной сфере, сохраняя прямое или переносное значение. Глагол *to ascend* в значении ‘возникать’, ‘брать начало’ выступает синонимом *to arise* и *to originate*. Ниже приведены примеры употребления данных глаголов: 1) “*The right and left coronary arteries originate from the right and left aortic sinuses, respectively*” [Cardiovascular System] — «Правая и левая коронарная артерии берут начало соответственно из правого и левого синусов аорты»; 2) “*During its course, one or two large diagonal branches may arise and descend diagonally across the anterior surface of the left ventricle*” [Cardiovascular System] — «По ходу артерии могут отходить одна или две крупные диагональные ветви, которые направляются косо вниз по передней поверхности левого желудочка».

Действие по нажатию также предполагает движение, направленное в определенную сторону, например, глагол *to press* (‘нажать’, ‘надавить’). Глагол *to nod* (‘кивать’) репрезентирует оба эти концепта, а также значение времени.

Глаголы, объективирующие движение, направленное вниз, репрезентируют также количественные концепты, например, глагол *to decline* (‘опускаться’, ‘наклоняться’) реализует значение ‘снижаться’, ‘уменьшаться’: “*Lung function declines more in mild COPD than in severe COPD*” [Tanabe: 7] («При легкой форме ХОБЛ функция легких снижается более выраженно, чем при тяжелой»).

Тело человека, как объект, может рассматриваться как референтная точка (ориентир), определяющая вектор совершаемого действия. **Концепт «направление от объекта»**, то есть удаление от тела, вербализуется синонимичными глаголами *to abduct* или *to abduce* — ‘отводить’ (о движении конечности). В современном языке наблюдается стилистическая дифференциация данных лексем: глагол *to abduce* маркируется как устаревший и вытесняется формой *to abduct*, что подтверждается клиническими контекстами, например: “*What are the muscles that abduct the shoulder?*” [Shoulder Abduction Muscles…] («Какие мышцы отводят плечо?»).

Семантика глаголов, репрезентирующих движение вниз или вверх, выходит за рамки пространственной ориентации и включает оценочный,

динамический и прогностический компоненты, репрезентируя изменения физиологических, патофизиологических, терапевтических, темпоральных, квантитативных и других параметров.

Концепт «направление к объекту» объективируется глаголом *to adduct* — ‘приводить’ (о движении конечности). Используясь в анатомии для описания биомеханики движений в суставах, глаголы приобрели метафорическое значение (например, ‘похитить’: “*In 2018, 69 children were abducted, 63 were recovered…*” [TFD] — «В 2018 году 69 детей были похищены, 63 из них были возвращены…»). Глагол *to adduce* не используется применительно к описанию движений суставов, его значение только метафорическое — ‘приводить в качестве доказательства’, например: “*The evidence she adduced was authoritative*” [TFD] — «Представленные ею доказательства были убедительными». Глагол *to stab* — ‘колоть’, ‘стрелять’ (о болевом ощущении) также отражает направление к объекту, при этом источник воздействия может быть как внешним, так и находиться в самом организме.

Движение к объекту репрезентируется префиксом over- — ‘над-’, ‘сверх-’, ‘пере-’. Глаголы имеют как прямое, так и переносные значения. Например, в прямом значении *to overlay* — ‘покрывать’, ‘перекрывать’, ‘переслаивать’, в переносном — ‘заспать младенца’, то есть ‘случайно задушить ребенка во сне своим телом’, *to overlap* — ‘прикрывать’, ‘закрывать’ (например, о мягком нёбе и надгортаннике), ‘накладывать’ (туры бинтов), ‘заходить друг за друга’ (об отломках кости). В глаголе *to juxtapose* (‘помещать бок о бок’, ‘накладывать друг на друга’, ‘сопоставлять’) сема направления на объект содержится в первой части слова, образованной от латинского *juxta* — ‘рядом’, ‘близко’.

Глаголы направления к объекту репрезентируют движение или ориентацию действия в сторону конкретной анатомической структуры или патологического очага. Наряду с ориентацией в пространстве данные глаголы объективируют значение целенаправленности, сближения, контакта, а также взаимодействие с объектом, то есть выполняют ориентационную и тактическую функции.

Концепт «направление в противоположную сторону» близок парным концептам «внутрь — наружу», «вперед — назад», «верх — низ», объединенных по антонимическому признаку. Выделение концепта «противоположное направление» в самостоятельную единицу обусловлено тем, что в значении глаголов, которые его репрезентируют, отсутствует указание на конкретное физическое перемещение; изменение происходит относительно исходного состояния без детализации вектора. Помимо пространственного значения, эти глаголы реализуют количественную категорию, демонстрируя либо снижение выраженности действия (например, *to debilitate* — ‘ослаблять’, ‘изнурять’, ‘истощать’), либо уменьшение объема субстанции (например, *to debulk* — ‘сокращать’, ‘уменьшать объем’, ‘уменьшать массу’, *to decalcify* — ‘декальцинировать’, ‘удалять соли кальция’). В исследуемом корпусе примеров основным выразителем данного концепта служит префикс de-.

Концепт «направление в противоположную сторону» также репрезентируется префиксом re-, который в структуре слов несет не только пространственную сему (*to recurvate* — ‘поворачивать назад’), но и временную, указывая на возвращение прежнего состояния. Например, глагол *to remove* в значениях ‘удалять’ (напр., опухоль), ‘перемещать’, ‘передвигать’ демонстрирует пространственную сему, в значении ‘отменить’ (например, медикаменты) —

сему времени. Аналогичны глаголы *to regenerate* — ‘регенерировать’, ‘восстанавливать(ся)’, ‘перерождаться’ и *to rehabilitate* — ‘восстанавливать здоровье’, *to recuperate* — ‘восстанавливать (силы, здоровье)’, ‘поправиться (после болезни)’.

В значении восстановления к прежнему состоянию в медицинских контекстах используются общеупотребительные глаголы, например, *to set* (*to set a bone* — ‘вправлять кость’), *to fix* (*to fix a joint* — ‘фиксирвоать сустав’).

Анализ двух глаголов обнаруживает в их структуре два разнонаправленных действия. Например, глагол *to disentomb* (‘эксгумировать’) формируется присоединением префикса dis- к глаголу *to entomb*, обозначающему процесс захоронения, то есть погружения в землю. Аналогично построен глагол *to disembowel* — ‘эвисцерировать’, ‘вынимать внутренности’, ‘потрошить’. Глаголы *to embowel* и *to disbowel*, которые в настоящее время являются устаревшими, также имеют значение ‘эвисцерировать’, при этом префикс em- в составе *to embowel* является ложноориентирующим. Таким образом, глагол *to disembowel* характеризуется морфологической и семантической избыточностью.

Анализ семантики глаголов направления показывает, что в медицине они указывают на изменение вектора движения на обратный, отказ от достигнутого положения, возврат к исходной точке, что обеспечивает гибкость при выполнении как различных физических действий, так и абстрактных процессов.

В рамках **концепта «направление по прямой линии»** рассматриваются глаголы, описывающие прямолинейное движение, которое может быть однонаправленным или разнонаправленным в зависимости от конкретной ситуации, однако направления движения не всегда являются строго противоположными. Например, *to stretch* — ‘вытягивать’, ‘растягивать’, ‘удлинять’. Что касается глагола *to squint* — 1) ‘косить’ (глазами), ‘страдать косоглазием’, 2) ‘щуриться’, — этимологически восходящего к прилагательному *asquint*, которое означает ‘*obliquely*’, ‘*with a sidelong glance*’ (‘взгляд искоса’, ‘косой взгляд’), то в современном английском языке он чаще используется во втором значении. В медицинском значении ‘иметь косоглазие’ используется словосочетание *to have a squint in one’s eye*.

Глаголы, включающие в свой состав морфему trans- (‘поперек’, ‘через’), репрезентируют концепт «движение по косой линии», например, *to transect* (‘делать поперечный разрез’). У большинства таких лексических единиц исходное значение данной морфемы стерлось. В основном эти глаголы выражают действие, связанное с процессом разрезания, рассекания чего-либо (‘рассекать’, ‘разделять’), либо с процессом перемещения или видоизменением объекта, например, *to transpose* — ‘переставлять’, ‘переносить’, ‘менять местами’, ‘переносить ткань или орган в другое место’, *to transfer* — ‘перемещать’, ‘распространяться’, ‘преобразовывать’, ‘превращать’.

Другой морфемой, репрезентирующей данный концепт, является cross- (‘перекрестный’, ‘поперечный’). Она образована от существительного *cross* (‘крест’), которое путем конверсии превратилось в общеупотребительный глагол со значением ‘перечеркивать’ (то есть ‘проводить поперечную прямую линию’) или ‘пересекать’. В биологии глагол *to cross* обозначает процесс естественного или искусственного соединения двух наследственно различающихся генотипов посредством оплодотворения. То есть действие глагола предполагает контакт и взаимное влияние чего-либо друг на друга, приводящие в результате к возникновению чего-то нового.

Морфема cross- применяется для образования сложных терминов, в которых она указывает либо на непосредственное физическое пространственное пересечение, либо подразумевает процесс соединения, непосредственного контакта, взаимодействия. Глагол *to crosslink* имеет значение ‘сшивать’, например: “*The membrane is air-dried, UV crosslinked, and blocked in a hybridization tube*” [Roake, Chen et al.: 700] — «Мембрану высушивают на воздухе, подвергают УФ-сшиванию и инкубации в гибридизационной трубке».

Глаголы, репрезентирующие действия, ориентированные по прямой линии, относятся к любым действиям, ориентированным относительно прямой оси, но собственно направление действия может иметь более общее направление.

Концепт «направление в виде вращения» представлен в небольшом количестве глаголов. Сема вращения преимущественно заложена в корневой морфеме, при этом сами глаголы могут иметь прямые и переносные значения. Например, прямое значение глагола *to rotate* (лат. *rotatio* — ‘вращаться вокруг оси’) — ‘вращаться’, ‘скручивать’, ‘обвиваться’, ‘переплетаться’; переносное значение — ‘чередоваться’, ‘сменяться’. Сема физического вращения присутствует в глаголе *to twist* — ‘перекручиваться’, ‘подвернуть’ (например, ногу). В глаголе *to screw* (‘зажимать винтом’) сема вращения представлена метафорически через актуализацию представлений о принципе работы винтового механизма.

Глагол *to cycle* имеет несколько значений, среди которых только ‘двигаться по кругу’, ‘описывать круги’ отражают физическое перемещение по определенной траектории. Значения глагола отражают также временные характеристики, например, повторяемость (‘осуществлять цикл развития’, ‘вращаться’, ‘проходить цикл развития’, ‘повторяться циклически’). Вращение по кругу объективируется глаголом *to circulate* — ‘иметь круговое движение’, ‘совершать круговое движение’, например: “*The ventricular system is a set of cavities that produce and circulate CSF through the central nervous system*” [Gilardi: 1601] — «Система желудочков — это комплекс полостей головного мозга, в которых вырабатывается и циркулирует спинномозговая жидкость».

Семантика глаголов, репрезентирующих концепт «направление в виде вращения», предполагает движение вокруг некоторой оси, центра или точки опоры. То есть в отличие от глаголов прямолинейного направления глаголы вращения указывают на изменение ориентации объекта относительно его оси. Глаголы вращения обеспечивают описание сложных движений в суставах, расположения инструментов и оценку патологических смещений.

Концепт «смещение» репрезентируется глаголами, обозначающими пространственную смену положения двух предметов относительно друг друга. Он репрезентируется глаголами *to displace* — ‘смещать’, ‘передвинуться’, *to deviate* — ‘отклониться’, ‘отличаться’, *to dislodge* — ‘перемещать’, ‘переместить’, ‘сместить’ и др. Например: “*The anterior falx, although rigid, is displaced secondary to the mass effect. The septum pellucidum deviates at the level of the foramen of Monro, which serves as a land mark for quantification of the degree of midline shift*” [Gilardi: 1602] — «Передняя часть серпа головного мозга, несмотря на свою жесткость, смещается вторично вследствие масс-эффекта. Прозрачная перегородка отклоняется на уровне межжелудочкового отверстия Монро, которое служит ориентиром для количественной оценки степени срединного

смещения». Направление смещения может указываться посредством наречий и предлогов, например: “*It occurs when brain tissue is displaced downward through the tentorial notch*” [Gilardi: 1602] — «Данное состояние возникает при смещении ткани головного мозга книзу через вырезку намёта мозжечка».

Эти же глаголы могут использоваться применительно к нематериальным сущностям, указывая на отклонение от намеченных планов, количественные или качественные изменения, например: “*Standard deviation is a measure of how much the values in a data set deviate from the mean (average) value*” [Sharma] — «Стандартное отклонение представляет собой показатель того, насколько значения в наборе данных отклоняются от среднего значения».

Глаголы смещения в медицинских контекстах репрезентируют изменение положения объекта относительно исходной точки, траектории или анатомической нормы. Их семантика включает компоненты изменения местоположения и динамики, отклонения от нормы, что способствует оценке степени выраженности патологических процессов, определению тактики лечения и мониторингу динамики состояния пациента.

Заключение

Проведенный анализ показал, что семантика направления в медицинском дискурсе реализуется через широкий спектр глагольных единиц, которые не только фиксируют пространственное перемещение, но и передают сложные процессуальные, темпоральные, квантитативные и результативные отношения. Языковая репрезентация направления в медицине отличается от общеязыковой модели: здесь на первый план выходит не столько прототипическая пространственная семантика, сколько точность и однозначность номинации.

Направление репрезентируется как специализированными префиксами, позволяющими детализировать вектор приложения действия, так и имплицитно — в семантике самого глагола. Таким образом, глагольная лексика со значением направления в медицинских текстах отражает фундаментальную особенность медицинского познания: необходимость одновременно учитывать пространственную определенность действия и вероятностный характер его исхода.

Список литературы / References

Angina Pectoris. URL: https://www.usz.ch/en/disease/angina-pectoris/ (accessed 01.06.2026).

Cambridge Free English Dictionary and Thesaurus. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/ (accessed 01.06.2026). — CFEDT

Cardiovascular System, *Clinical Tree*. URL: https://clinicalpub.com/cardiovascular-system/ (accessed 01.06.2026).

How to Safely Exfoliate Your Skin by Skin Type. URL: https://www.wikihow.com/Exfoliate-Skin (accessed 01.06.2026).

Merriam-Webster’s Dictionary. URL: https://www.merriam-webster.com (accessed 01.06.2026). — MWD

Partial Tooth Dislodgement. URL: https://www.bakerstreetdental.com/services/partial-tooth-dislodgement/ (accessed 01.06.2026).

Roberts K. Science Surgery: «How do Tumours ‘Know’ Where to Spread?». URL: https://news.cancerresearchuk.org/2019/04/18/science-surgery-how-do-tumours-know-where-to-spread/ (accessed 01.06.2026).

Sharma R. Standard Deviation: Definition, Formula, Steps & Solved Examples. URL: www.vedantu.com (accessed 01.06.2026).

Shoulder Abduction Muscles: Medical Anatomy and USMLE, *Moosmosis*. URL: www.moosmosis.wordpress.com (accessed 01.06.2026).

Symptoms of Perforated Sinus after Tooth Extraction. URL: https://deansdental.com/symptoms-of-perforated-sinus-after-tooth-extraction/ (accessed 01.06.2026).

The Britannica Dictionary. URL: https://www.britannica.com/dictionary/exhaust (accessed 01.06.2026). — BrD

The Free Dictionary by Farlex. Dictionary, Encyclopaedia and Thesaurus. URL: https://www.thefreedictionary.com/ (accessed 01.06.2026). — TFD

Aragon G., Younossi Z.M. When and How to Evaluate Mildly Elevated Liver Enzymes in Apparently Healthy Patients, *Cleveland Clinic Journal of Medicine*, 2010, vol. 77, no. 3, pp.195—204.

Feng H., Chai N., Dong W. Experimental Investigation on the Morphology and Adhesion Mechanism of Leech Posterior Suckers, *PLoS ONE*, 2015, no. 10 (11). URL: https://www.researchgate.net/publication/283499310_Experimental_Investigation_on_the_Morphology_and_Adhesion_Mechanism_of_Leech_Posterior_Suckers (accessed 01.06.2026).

Luder H.U. Malformations of the Tooth Root in Humans, *Frontiers in Physiology*, 2015, no. 6 (307). DOI: 10.3389/fphys.2015.00307

Gilardi B.R., López J.I.M., Villegas A.C.H. et al. Types of Cerebral Herniation and Their Imaging Features, *Radiographics*, 2019, vol. 39, no. 6, pp. 1598—1610.

Roake C.M., Chen L., Chakravarthy A.L., Ferrell J.E., Jr., Raffa G.D., Artand S.E. Disruption of Telomerase RNA Maturation Kinetics Precipitates Disease, *Molecular Cell*, 2019, no. 74, pp. 688—700.

Šolman M., Ligabue A., Blaževitš O. et al. Specific Cancer-Associated Mutations in the Switch III Region of Ras increase tumorgenecity by nanocluster augmentation, *eLife*, 2015. URL: https://elifesciences.org/articles/08905 (accessed 01.06.2026).

Tanabe N., Sato S., Muro S. et al. Regional Lung Deflation with Increased Airway Volume Underlies the Functional Response to Bronchodilators in Chronic Obstructive Pulmonary Disease, *Physiological Reports*, 2019, no. 7. URL: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/31880096/ (accessed 01.06.2026).

Zhou Z., Xiong L., Yao K. et al. Extraperitonealization of the Ileal Conduit Decreases the Risk of Parastomal Hernia: A Single-Center, Randomized Clinical Trial, *Cell Reports in Medicine*, 2024, no. 5. URL: https://clinicaltrials.gov/ct2/show/NCT03822234?term=NCT03822234&draw=2&rank=1 (accessed 01.06.2026).

SEMANTIC DERIVATION OF DIRECTIONAL VERBS: COGNITIVE AND FUNCTIONAL ASPECTS

Tamara V. Rozhkova
Samara State Medical University, Samara, Russian Federation, t.v.rozhkova@samsmu.ru

Abstract. This article investigates English medical verbs that represent the semantics of direction. The research presents the increasing role of accurate and figurative conveyance of spatial characteristics in medical professional communication, where the notion of direction often proves crucial for describing diagnosis, treatment, and disease dynamics. The material for the study comprises verbs selected through continuous sampling from

English medical dictionaries and scientific articles. The article analyzes the semantic features of verbs that indicate not only physical direction of movement (inward, outward, upward, downward, etc.) but also non-physical processes (improvement of condition, reduction of symptoms, spread of pathology). The article describes the role of prefixes, context, and the significance of such verbs for academic style. The paper provides a detailed classification of directional concepts reflected in English medical verbs. Special attention is paid to how directional semantics is integrated into the structure of medical vocabulary. The article also examines morphological, semantic, and stylistic aspects of the functioning of medical directional verbs, considering their role in shaping professional vocabulary and conveying medical knowledge. The research findings contribute to understanding of word-formation processes in English medical terminology, enhance understanding of the mechanisms of linguistic representation of spatial and functional concepts in medical English.

Keywords: verb, English medical vocabulary, concept, direction, semantic classification, word formation

For citation: Rozhkova T.V. Semantic derivation of directional verbs: cognitive and functional aspects, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2026, Special issue, pp. 83—94.

Статья поступила в редакцию 01.07.2026; одобрена после рецензирования 02.09.2026; принята к публикации 25.09.2026.

The article was submitted 01.07.2026; approved after reviewing 02.09.2026; accepted for publication 25.09.2026.

Информация об авторе / Information about author

Рожкова Тамара Валентиновна — кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных и латинского языков, Самарский государственный медицинский университет, г. Самара, Россия, t.v.rozhkova@samsmu.ru, SPIN: 7814-8855

Rozhkova Tamara Valentinovna — Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Samara State Medical University, Samara, Russian Federation, t.v.rozhkova@samsmu.ru

Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2026. Специальный выпуск. С. 95—111.
Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Special issue. P. 95—111.

Научная статья
УДК 81'255.4:811.581'373.612.2:61
EDN https://elibrary.ru/ryrwjy
DOI: 10.46726/H.2026.5.11

ПЕРЕВОД «ХУАНДИ НЭЙЦЗИН» НА РУССКИЙ ЯЗЫК: МЕХАНИЗМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ И КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА

Хао Лань
Институт гуманитарных наук Пекинского университета китайской медицины,
г. Пекин, Китайская Народная Республика, lanhao3376@126.com

Аннотация. «Хуанди Нэйцзин» (Трактат Желтого императора о внутреннем) является фундаментальным трудом, заложившим основы классической китайской медицинской теории. Принцип «извлечения подобия через образы» (цюйсян билэй 取象比类) отражает уникальный способ мышления китайской медицины. На основе анализа метафорических явлений в «Хуанди Нэйцзин» с привлечением в качестве исследовательского материала русских переводов, выполненных российскими синологами Б.Б. Виногродским и Д.Ф. Алановым, в данной работе в рамках теории концептуальной метафоры когнитивной лингвистики исследуются механизмы трансформации «метафор» при переводе на русский язык. Обобщаются переводческие стратегии, применяемые в обоих переводах, дается сопоставительная оценка их достоинств и недостатков с целью предоставления практических рекомендаций для перевода китайских медицинских канонов на русский язык.

Ключевые слова: концептуальная метафора, «Хуанди Нэйцзин», русский перевод, механизм трансформации

Благодарности: статья подготовлена в рамках проекта Министерства образования КНР по гуманитарным и социальным наукам для молодых ученых: «Исследование перевода и восприятия классических трудов по традиционной китайской медицине в России» (23JYC740029); а также в рамках проекта Пекинского университета китайской медицины по развитию социальных наук: «Сопоставительное исследование русских переводов “Хуанди Нэйцзин” в ракурсе концептуальной метафоры» (2025-JYB-PY-012).

Для цитирования: Лань Хао. Перевод «Хуанди Нэйцзин» на русский язык: механизмы трансформации и концептуальная метафора // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Специальный выпуск. С. 95—111.

Китайские медицинские каноны являются многовековым наследием китайской цивилизации и бесценным сокровищем культуры китайской медицины. «Хуанди Нэйцзин» (Трактат Желтого императора о внутреннем) — древнейшее из сохранившихся медицинских сочинений Китая, появившееся в период Сражающихся царств (475—221 гг. до н. э.). Он включает две части: «Су Вэнь» (Простые вопросы) и «Лин Шу» (Механика духа). Первая часть посвящена главным образом медицинской теории, вторая — главным образом

© Лань Хао, 2026

теории иглоукалывания и прижигания и другим вопросам. Русский перевод медицинского канона «Хуанди Нэйцзин» выполняет важнейшую роль как ключевой носитель распространения теории китайской медицины в России.

I. Обзор русских переводов «Хуанди Нэйцзин»

«Хуанди Нэйцзин» является основополагающим трудом для фундаментальной теории китайской медицины. Публикация и распространение русских переводов «Хуанди Нэйцзин» в определенной степени удовлетворили потребность российских ученых в понимании теории китайской медицины и способствовали переводу и распространению фундаментальных теоретических положений китайской медицины в России. Все переводчики «Хуанди Нэйцзин» на русский язык являются носителями русского языка. За более чем 30 лет переводческой работы они прошли путь от переложенных переводов и выборочных переводов до полных переводов. Всего насчитывается три перевода, выполненных российскими переводчиками.

В 1994 году В.Ф. Дернов-Пегарев отобрал основные главы из французского перевода «Хуанди Нэйцзин» и перевел их на русский язык («Су вэнь, Нэй цзин: трактаты по традиционной китайской медицине на основе древних и современных текстов»), некоторые главы были сокращены — это переложенный перевод [Су вэнь].

В 1996 году Б.Б. Виногродский выполнил перевод 1—49 глав «Су Вэнь» из «Хуанди Нэйцзин» — выборочный перевод. В 2007 году был издан полный перевод «Су Вэнь» и «Лин Шу» из «Хуанди Нэйцзин» («Трактат Желтого императора о внутреннем. Хуанди Нэйцзин»), выполненный непосредственно с древнекитайского языка на русский [Трактат…]. Этот перевод переиздавался в 1996, 2002, 2007, 2015, 2022, 2023 и 2024 годах — всего семь раз.

В 2007 году Д.Ф. Аланов перевел на русский язык «Су Вэнь» («Внутренний Канон Желтого Владыки. Хуан Ди Нэй Цзин. Том I: Простые вопросы») и «Лин Шу» («Внутренний Канон Желтого Владыки. Хуан Ди Нэй Цзин. Том V: Механика духа») непосредственно с древнекитайского языка [Внутренний Канон… 2020; Внутренний Канон… 2022]. Полный перевод состоит из семи томов: часть «Су Вэнь» — из четырех томов, издававшихся в 2007, 2008, 2012 и 2019 годах; часть «Лин Шу» — из трех томов, издававшихся в 2019, 2024 и 2024 годах. В переводе содержатся комментарии и пояснения к терминам.

И Виногродский, и Аланов глубоко погружены в русско-китайский билингвальный культурный контекст. Они перевели «Хуанди Нэйцзин» с древнекитайского языка на русский; их переводы являются полными и неоднократно переиздавались в России, поэтому именно эти два перевода выбраны в качестве материала данного исследования. Русский перевод Б.Б. Виногродского далее по тексту будет обозначаться как «перевод Виногродского», а перевод Д.Ф. Аланова — как «перевод Аланова».

II. Концептуальная метафора и «Хуанди Нэйцзин»

Переход метафоры из сферы риторики в сферу когнитивной лингвистики имеет давнюю историю. В 1980 году Дж. Лакофф и М. Джонсон в книге «Метафоры, которыми мы живем» указали: «Суть метафоры заключается в понимании и переживании одного вида явлений через другой вид явлений» [Lakoff, Johnson: 5]. Из этого определения видно, что метафора — это не только языковое явление, но и часть человеческой когнитивной деятельности.

На уровне концептуальной метафоры под метафорой понимается «междоменное отображение в концептуальной системе» [Lakoff, Johnson: 186]. «Отображение — это процесс порождения метафорического языка, составляющий основу порождения и понимания метафоры; это переход между концептуальными областями — от исходной области к целевой, при котором определенное понятие проецируется из исходной области в целевую» [Chen Guangqiu: 59].

В «Хуанди Нэйцзин» содержится большое количество метафорических терминов. «Для теории китайской медицины “извлечение подобия через образы” (цюйсян билэй) представляет собой когнитивный инструмент, позволяющий сопоставлять физиологические и патологические явления человеческого организма со свойствами всех вещей во Вселенной и на основе этого познавать закономерности физиологии и патологии человека» [Jia Chunhua: 2]. «Цюйсян билэй 取象比类» в китайской медицине и является метафорической когнитивной моделью. Термины в «Хуанди Нэйцзин» главным образом отражают учение об инь-ян и пяти первоэлементах, теорию цзан-сян (внутренних органов и их внешних проявлений), учение о ци, крови и жидкостях, а также этиологию и патогенез — всё это пронизано метафорическим способом мышления. В процессе перевода точность и адекватность русской передачи терминов китайской медицины, а также способность переводчика по-настоящему освоить глубинные смыслы китайского медицинского мышления определяют качество перевода.

«Когнитивная лингвистика ставит семантику в центр исследований; ее ключевой постулат заключается в том, что семантика является обобщением и систематизацией опыта и познания мира человеком и согласуется с закономерностями человеческого познания объектов. Конечная цель перевода — достижение оптимальной эквивалентности между исходной и целевой областями» [Wen Xu, Xiao Kairong: 33]. При переводе метафорических терминов из «Хуанди Нэйцзин» на русский язык необходимо в полной мере учитывать «сходство» характеристик между «исходной областью» и «целевой областью» в метафоре — только тогда перевод сможет быть верным оригиналу. В процессе перевода на русский язык качество трансформации метафор является ключевым аспектом перевода.

III. Механизмы трансформации метафор при переводе «Хуанди Нэйцзин» на русский язык

«Метафора представляет собой целостную систему, включающую онтологическую метафору, ориентационную метафору и структурную метафору» [Wen Xu, Xiao Kairong: 28]. В «Хуанди Нэйцзин» содержится множество метафор. Исследуя механизмы трансформации метафор (онтологических, ориентационных и структурных) при переводе на русский язык, анализируя переводческие приемы, применяемые в обоих переводах, мы оцениваем точность русских переводов «Хуанди Нэйцзин».

(1) Когнитивный механизм онтологической метафоры

«Онтологическая метафора, также называемая метафорой сущности, представляет собой явление, при котором люди рассматривают абстрактные, размытые чувства, мысли, психологические процессы, события, состояния и другие нематериальные понятия как конкретные, осязаемые сущности, что позволяет их обозначать, квантифицировать, выявлять их характеристики

и причины» [Sun Yi: 67]. В «Хуанди Нэйцзин» содержится большое количество онтологических метафор, таких как природные метафоры, контейнерные метафоры, зооморфные метафоры и фитоморфные метафоры.

1. Природные метафоры

В качестве исходной области используются конкретные понятия, выражающие природные явления, такие как небо, земля, солнце, луна, море и т. п., которые отображаются на различные абстрактные целевые области.

Пример 1. 若夫法**天 则 地**，随 **应 而 动**， 和之者若响 ，随之者若影。道无鬼神，独来独往。《宝命全形**论**》

Толкование: 至于能**够取法天地阴阳的道理，随其变化而施针法，就能取得如相应声，如影随形的疗效。这并没有什么神秘，只要功力积久，就有这样的高超的技术。**(«Что касается умения брать за образец законы инь-ян неба и земли, изменяться в соответствии с откликом и воздействием, то эффект от иглоукалывания будет подобен эху, следование будет подобно тени. В этом нет ничего таинственного; при накоплении мастерства достигается такое высокое искусство») [Yao Chunpeng: 234].

Перевод Аланова: «Также следует брать за образец ***Небо***, подражать ***Земле***, следовать за откликом и улавливать движение, в гармонии с Небом и Землей подобно эху, следовать за ними, как тень, следуя Дао. Не существует злых и добрых духов. Независимо продвигаешься во времени, проходя путь» (2, 201)*.

Перевод Виногродского: «Нужно откликаться, подобно эху, ***движениям Неба и Земли***, нужно следовать за ними словно тень. Когда следуешь по Пути, то нет для тебя ни духов гуй, ни духов шэнь, и ты независимо продвигаешься во времени, проходя свой Путь» (101)**.

В данном предложении «天» и «地» метафорически обозначают закономерности наполнения и опустошения инь-ян неба и земли, т. е. природные законы. В переводе Аланова «небо» и «земля» переданы как Небо и Земля — прием прямого перевода (калькирование); перевод Виногродского — *движениям Неба и Земли* — сочетание прямого перевода и смыслового перевода, что более образно передает изменение закономерностей инь-ян неба и земли. Исходная область «небо-земля» отображается на целевую область «закономерности изменений инь-ян» как природного закона.

Пример 2. 阳明者表也，五**脏六腑之海**也，亦**为之行气于三阳。**《**太阴阳明论**》

Толкование: 足阳明胃**经，是足太阴脾经之表，是五脏六腑的营养之海，所以胃经也能**运 **输太阳之气，进入手足三阳经。**

(«Меридиан светлый ян (янмин) является поверхностным по отношению к селезенке (тайинь); он является морем питательных веществ для пяти органов-цзан и шести органов-фу, поэтому он также транспортирует ци к трем янским меридианам») [Yao Chunpeng: 268].

---

* Здесь и далее перевод Д.Ф. Аланова приводится по изданию: [Внутренний Канон…] — с указанием в скобках номера тома и страницы.

** Здесь и далее перевод Б.Б. Виногродского приводится по изданию: [Трактат…] — с указанием в скобках номера страницы.

Перевод Аланова: «Светлый ян — поверхностный, ***море*** пяти органов цзан и шести органов фу — также под действием селезенки двигает ци в три ян» (2, 248).

Перевод Виногродского: «Меридиан светлый ян представляет собой поверхностный меридиан, он является ***морем*** для пяти органов-цзан и шести органов-фу, кроме того, он осуществляет движение дыхания-ци для трех янских меридианов» (116).

В данном предложении море метафорически обозначает желудок, который способен вмещать пищу и доставлять питательные вещества пяти органам-цзан и шести органам-фу. Оба переводчика передали «海» прямым переводом как море; «阳明» (янмин) в переводе Аланова — светлый ян-поверхностный (прямой перевод), в переводе Виногродского «Меридиан светлый ян» представляет собой поверхностный меридиан (прямой и смысловой перевод). Однако ни один из них не передал, что «阳明» (янмин) в данном предложении обозначает желудок, который снабжает питательными веществами пять органов-цзан и шесть органов-фу. Исходная область «море» отображается на целевую область «желудок, способный вмещать пищу».

2. Контейнерные метафоры

Контейнерные метафоры в «Хуанди Нэйцзин» главным образом уподобляют внутренние органы человека хранилищам, сосудам, другим емкостным формам, а также правительственным учреждениям.

Пример 3. 脾胃者，**仓廪之官**，五味出焉。《灵**兰秘典论**》

Толкование: 脾胃受**纳水谷**，好像**仓库**，五味**转化为营养**，由它那**产生**。(«Селезенка и желудок принимают пищу подобно амбару; из них исходят пять вкусов, превращаясь в питание») [Yao Chunpeng: 88].

Перевод Аланова: «***Селезенка и желудок — склады пищи***; пять вкусов исходят оттуда» (1, 216).

Перевод Виногродского: «***Селезенка выполняет функцию амбара, хранилища*** — из нее происходит пять вкусов» (43).

В данном предложении «脾胃» в переводе Аланова переданы как селезенка и желудок (прямой перевод), в переводе Виногродского — только селезенка, без желудка. «**仓廪之官**» в переводе Аланова — склады пищи (прямой перевод), в переводе Виногродского — выполняет функцию амбара, хранилища (смысловой перевод), что передано более живо. Исходная область «粮**仓**(зернохранилище)» отображается на конкретный орган «脾胃(селезенка и желудок)».

Пример 4. **胃者**，**水谷之海**，六府之大源也。《五藏**别论**》

Толкование: 胃是水谷之海，六腑的源泉。(«Желудок является морем воды и зерна и великим источником шести органов-фу») [Yao Chunpeng: 113].

Перевод Аланова: «***Желудок — море воды и зерна***, большой источник шести органов фу» (1, 279).

Перевод Виногродского: «***Желудок*** представляет собой ***море, в котором накапливается вода и злаки (имеется в виду пища)***. Он является великим источником для пополнения шести органов-фу» (52).

«胃» (желудок) в обоих переводах передан прямым переводом; лишь у Виногродского — прямой перевод с пояснением. В терминах теории кон-

цептуальной метафоры это значит, что исходная область «水谷之海» последовательно отображается на конкретный орган — «желудок».

3. Зооморфные метафоры

Пример 5. 病脾脉来，**实而盈数**，**如鸡举足**，曰脾病。《平人气象论》

Толкование: 如果脉来充**实而数，像鸡往来急走，就是病脉。**(«Если пульс приходит полный, частый, подобно курице, быстро перебирающей ногами, это называется болезнью селезенки») [Yao Chunpeng: 173].

Перевод Аланова: «Пульс больной селезенки приходит полный и переполненный, частый, ***подобно курице, поднимающейся на лапы***» (2, 95).

Перевод Виногродского: «Если селезенка больна, то удары пульса ощущаются как полные, возрастающие и учащенные, они подобны ***движениям петуха, поднимающего ногу***» (75).

В данном предложении выражение «如**鸡举足**» (как курица поднимает ногу) образно метафоризирует особенности пульса при заболевании селезенки. «如**鸡举足**» в переводе Аланова — *подобно курице, поднимающейся на лапы* (прямой перевод); в переводе Виногродского — *подобны движениям петуха, поднимающего ногу*. В передаче слова «足» перевод Аланова точнее, однако динамическое ощущение движущейся курицы лучше передано в переводе Виногродского. Исходная область «如**鸡举足**» отображается на целевую область «характеристики пульса при болезни селезенки».

Пример 6. 春日浮，**如鱼之游在波**。《脉要精微论》

Толкование: **释义**：春天脉上浮，像**鱼游波中一样。**(«Весной пульс плавает поверхностно, подобно рыбе, плывущей в волнах») [Yao Chunpeng: 153].

Перевод Аланова: «Весной пульс поверхностный, подобно ***рыбе, плавающей по волнам***» (2, 68).

Перевод Виногродского: «Весне соответствует поверхностный пульс, движение которого напоминает ***движение рыбы, плывущей в волнах***» (66).

Данное предложение образно иллюстрирует ощущение при пульсовой диагностике: «如**鱼游在波**» (как рыба плавает в волнах) метафорически передает особенность весеннего пульса — его поверхностность. Оба переводчика сохранили зооморфную метафору: рыба, плывущая в волнах, передает особенность плавания пульса. Исходная область «如**鱼游在波**» отображается на целевую область «особенность поверхностного весеннего пульса».

4. Фитоморфные метафоры

Пример 7. “脉至如散叶，是肝气予虚也，木叶落而死。”《大奇论》

Толкование: 脉来如散落的**树叶，这是肝脏精气亏虚的现象，到秋天树木落叶时就会死亡。**(«Приход пульса подобен разлетающимся листьям; это признак опустошения ци печени; когда листья деревьев опадают — наступает смерть» [Yao Chunpeng: 405].

Перевод Аланова: «Пульс прибывает подобно рассеянно ***летящим листьям***, так как ци печени оказывается пустой, когда ***листья*** деревьев опадут, то умрет» (3, 244).

Перевод Виногродского: «Если удары пульса ощущаются подобно рассеянно ***летящим листьям***, это значит, что опустошена и ослаблено дыхание-ци печени, а потому осенью, когда опадут ***листья***, больной скончается» (169).

Пульс, подобный разлетающимся листьям (плавающий и без корня), предвещает крайнее опустошение ци печени; смерть наступит осенью, когда опадают листья (дерево подавляется металлом). Прогнозирование времени смерти тяжелобольных через фенологию растений (цветение, листопад) является весьма характерной особенностью. «散叶» в обоих переводах — *летящим листьям*; «木叶» в обоих переводах — *листья*. Исходная область «散叶» отображается на целевую область «время смерти тяжелобольного».

Пример 8. “草生五色，五色之变，不可胜视；草生五味，五味之美，不可胜极。”《素问·六节藏象论》

Толкование: 草有五种不同的颜色，这五色的变化，是看不尽的；草有五种不同的气味，这五味的美妙也是不能穷尽的。(«***Травы*** имеют пять цветов — изменений этих пяти цветов не охватить взглядом; ***травы*** имеют пять вкусов — у красоты этих пяти вкусов нет предела» [Yao Chunpeng: 98].

Перевод Аланова: «***Растения*** рождают пять цветов, изменения пяти цветов не могут превосходить видимого глазами, ***растения*** рождают пять вкусов, ощущения пяти вкусов не могут превосходить пределов осязания» (1, 244).

Перевод Виногродского: «***Травы*** порождают пять цветов, однако посредством всех возможностей зрения невозможно охватить все оттенки этих пяти цветов. ***Травы*** порождают пять вкусов, однако нельзя определить границы красоты всех этих пяти вкусов» (46).

Слово «草» (трава) в данном предложении обозначает не буквально травянистые растения, а использует растения и травы природного мира как образ. Бесконечное разнообразие пяти цветов и пяти вкусов трав служит метафорой для неисчерпаемого богатства веществ (пять ци, пять вкусов), которыми небо и земля питают человека. В переводе Аланова «草» передана как *растения*, в переводе Виногродского — как *травы*, что отражает разницу в выборе. Исходная область «草» отображается на целевую область «вещества, которыми небо и земля питают человека (пять ци, пять вкусов)».

(2) Когнитивный механизм ориентационной метафоры

«Ориентационная метафора — это метафора, организуемая в рамках единой системы отсчета с помощью пространственных ориентаций: верх—низ, внутри—снаружи, спереди—сзади, глубоко—мелко, центр—периферия и т. д.» [Sun Yi: 66]. В «Хуанди Нэйцзин» представлены ориентационные метафоры «上-下» (верх—низ) и «内-外» (внутри—снаружи). «上-下» (верх—низ) изначально обозначал высоту пространственного положения, но постепенно стал использоваться для метафоризации других понятий.

1. Ориентационная метафора «上-下» (верх—низ)

Пример 9. 余闻上古之人，春秋皆度百岁，而动作不衰。《上古天真论》

Толкование: 我听**说上古时代的人， 年龄都超过了百岁， 但行动没有衰老的迹象。**(«Я слышал, что люди в древние времена жили до ста лет и не ослабевали в движениях») [Yao Chunpeng: 17].

Перевод Аланова: «Я слышал, что ***люди древности*** жили до возраста ста лет и не ослабевали в действиях» (1, 12).

Перевод Виногродского: «Я слышал, что ***в высокой древности*** люди доживали до ста двадцати лет, а движения и действия их оставались неизменно легкими и ловкими» (19).

Здесь «上» (верх) выражает временное понятие: более раннее — верх, более позднее — низ. «上古» (Верхняя древность) обозначает глубокую древность; «上古之人» (люди верхней древности) — люди, жившие в глубокой древности. В переводе Аланова «верхняя древность» передана как древность (без передачи оттенка «上»), что не подчеркивает большую временную удаленность. В переводе Виногродского — *в высокой древности* (прямой перевод), где слово «высокая» лучше акцентирует временную глубину и полнее передает метафорический смысл «上» (верх). Исходная область «上古» (верхняя древность) отображается на целевую область «отдаленность во времени».

Пример 10. 人一呼脉四**动以上**曰死。《平人气象**论**》

Толкование: 若人一呼，脉跳**动在四次以上的必死。**(«Если за один выдох пульс бьется четыре раза и более — это смерть» [Yao Chunpeng: 163].

Перевод Аланова: «Если у человека в течение выдоха ***четыре удара пульса и больше***, это говорит о смерти» (2, 83).

Перевод Виногродского: «Если в течение одного выдоха происходит ***более четырех ударов пульса***, больной должен умереть» (70).

Здесь «上» (верх) метафорически обозначает количество, указывая на превышение определенного числа. «四**动以上**» (Четыре движения и выше) означает, что пульс бьется четыре раза и более. Оба переводчика использовали прямой перевод, достаточно хорошо передающий значение «上» (верх). Исходная область «верх» отображается на целевую область «количество и выше».

Пример 11. 故主明**则**下安，以此**养**生**则寿**…《灵**兰秘典论**》

Толкование: 当然， 君主是最主要的。 心的功能正常， 下**边就能相安。**(«Если правитель просвещен, то низы пребывают в покое» [Yao Chunpeng: 87].

Перевод Аланова: «Поэтому если господин просвещенный, тогда ***нисходит спокойствие***, таковы поддержка и жизнь, тогда долголетие» (1, 220).

Перевод Виногродского: «Ибо если владыка светел, то и ***низы спокойны***, и именно таким образом укрепляется здоровье и достигается долголетие» (43).

«君» обозначает сердце как орган-правитель, управляющий духовной деятельностью организма. «下安» (Низы в покое) означает, что другие органы под руководством сердца выполняют свои функции, поддерживая нормальную жизнедеятельность. Здесь «下» (низ) метафорически обозначает низкое социальное положение. В переводе Аланова — *нисходит спокойствие*; в переводе Виногродского — *низы спокойны*. Исходная область «下» (низ) отображается на целевую область «низкое социальное положение».

Пример 12. 色见上下左右，各在其要，上为逆，下为从。《玉版论要》

Толкование: 面色的变化表现于上下左右，必须观察其要点。病色向上移的为逆，向下移的为顺。(«Изменения цвета лица проявляются сверху и снизу, слева и справа; необходимо наблюдать их суть. Движение цвета болезни вверх — неблагоприятно, вниз — благоприятно» [Yao Chunpeng: 134].

Перевод Аланова: «Цвета, видимые вверху и внизу, слева и справа, все проявляются в них местах соответствия. ***Верхняя часть*** соответствует противоположному движению (неблагоприятно), ***нижняя часть*** — правильному движению (благоприятно)» (2, 29).

Перевод Виногродского: «Цвет наблюдается в верхней и нижней части лица, левой и правой его половине, и в каждом случае имеется свое конкретное значение. ***Верхняя часть*** соответствует обратному направлению движения, ни, а ***нижняя часть*** указывает на правильное направление движения, шунь» (59).

В данном предложении «上-下» (верх—низ) метафоризирует тенденцию изменения болезни. В обоих переводах использован прямой перевод: «上» (верх) и «下» (низ) переданы как верхняя часть и нижняя часть, что образно выражает тенденцию изменения болезни. Исходная область «上-下» (верх-низ) отображается на целевую область «тенденция изменения болезни».

2. Ориентационная метафора «内-外» (внутри—снаружи)

«内-外» (Внутри—снаружи) изначально обозначало пространственное положение; в «Хуанди Нэйцзин» они часто используются для метафоризации других понятий. «内» (внутри) часто используется для метафоризации состояния движения патогена при вторжении в организм, а также для обозначения границ, пульсовой диагностики и половой жизни; «外» (снаружи) часто используется для метафоризации состояния движения патогена при вторжении в организм и его границ [Chen Zhan: 47].

Пример 13. 风气藏于皮肤之间，内不得通，外不得泄。《风论篇》

Толкование: 风气侵入了皮肤里面，既不能在内部流通，又不能向外部疏泄。(«Ци ветра проникает в промежутки кожи, не может пройти ***внутрь*** и не может выйти ***наружу***») [Yao Chunpeng: 357].

Перевод Аланова: «Ци ветра сохраняется в отверстиях кожи, ***во внутренней части*** не получает прохода, ***во внешней части*** не получает рассеивания» (3, 172).

Перевод Виногродского: «Когда дыхание-ци ветра попадает в организм, оно хранится в пространстве кожи. Оно не может проникнуть ***внутрь*** и после этого не может ***выйти наружу***» (150).

В данном предложении «内-外» (внутри—снаружи) метафорически обозначает путь или состояние движения ци ветра в теле. «内» (внутри) в переводе Аланова — *во внутренней части*; в переводе Виногродского — *внутрь*. «外» (снаружи) в переводе Аланова — *во внешней части*; в переводе Виногродского — *выйти наружу*. Вариант Виногродского лучше передает путь движения «风气» (ци ветра) при вторжении в тело человека. Исходная область «内-外» (внутри—снаружи) отображается на целевую область «путь вторжения ци ветра в кожу человека».

Пример 14. 或从内，或从外，所从不同，故病异名也。《太阴阳明论篇》

Толкование: 或者从内, 或者从外, 发病的原因又不同, 所以病名也就不同了。 («Иногда [болезнь происходит] изнутри, иногда снаружи; поскольку происхождение различно, названия болезней также различаются») [Yao Chunpeng: 265].

Перевод Аланова: «кто-то следует за ***внутренним***, кто-то следует за ***внешним***, путь следования неодинаковый, поэтому болезни каждого различны» (2, 241).

Перевод Виногродского: «Заболевание может возникать в результате ***внутренних процессов***, а может вызываться и ***внешними воздействиями***. Так что существуют совершенно разные причины возникновения болезней, потому по-разному они и называются» (115).

Болезнь иногда возникает изнутри (питание, эмоции и т. п.), иногда приходит извне (простуда, ветер и т. п.). Причины различны, соответственно различны и проявления. «内-外» (внутри—снаружи) используется для разграничения источника происхождения заболевания и пути вторжения патогена. В переводе Аланова «внутреннее» и «внешнее» — прямой перевод; в переводе Виногродского «внутренних процессов и внешних воздействий» — прямой + смысловой перевод, что лучше передает смысл «внутри—снаружи» в данном предложении. Исходная область «内-外» (внутри—снаружи) отображается на целевую область «различие названий болезней».

Пример 15. 推而外之，外而不内，身有热也。《脉要精微论》

Толкование: 推脉向外， 而脉气内而不外的， 是心腹有积聚在内。 («Если при надавливании пульс уходит наружу, но не внутрь — это означает жар в теле») [Yao Chunpeng: 161].

Перевод Аланова: «Толкаем пульс ***к внешней части***, но он остается ***внутри*** и не перемещается ***во внешнюю часть*** — накопление [ци] в груди и животе» (2, 81).

Перевод Виногродского: «Если пульс ***на поверхностном уровне*** не прощупывается, а когда давишь, уходит в сторону и прощупывается только ***на глубоком уровне***, это свидетельствует о скоплении-застое в области сердца и брюшной полости» (69—70).

Надавливая пальцем на пульс, определяют направление пульсовой волны для диагностики внутренних и внешних болезней. В данном предложении «外» (снаружи) в переводе Аланова — *к внешней части* (прямой перевод), в переводе Виногродского — *на поверхностном уровне* (смысловой перевод); «内» (внутри) в переводе Аланова — *внутри* (прямой перевод), в переводе Виногродского — *на глубоком уровне* (смысловой перевод). Исходная область «内-外» (внутри-снаружи) отображается на целевую область «пульсовая диагностика для определения внутренних и внешних причин болезни».

Пример 16. 名曰肺痹，寒热，得之醉而使内也。《五脏生成篇》

Толкование: 这种病叫肺痹， 它的致病原因是感受寒热， 并醉后入房。 («Это заболевание называется легочной закупоркой (блокадой). Причина — воздействие холода и жара, а также половая жизнь в состоянии опьянения») [Yao Chunpeng: 109].

Перевод Аланова: «Называется преграда легких, озноб и лихорадка, получает болезнь во время опьянения и ***внутреннего потакания (совокупления)***» (1, 268).

Перевод Виногродского: «Если удары пульса частые и пустые, тогда болезнь называется нарушением проходимости легких. Если у больного при этом возникают лихорадочные явления, это значит, что в состоянии опьянения он вступал ***в половую связь***» (50).

В данном предложении «内» (внутри) в переводе Аланова — *внутреннего потакания (совокупления)* (смысловой перевод); в переводе Виногродского — *в половую связь* (смысловой перевод). Оба переводчика передали значение «половая жизнь». Исходная область «内» (внутри) отображается на целевую область «половая жизнь».

(3) Когнитивный механизм структурной метафоры

«Структурная метафора предполагает конструирование одного понятия посредством структуры другого, наложение двух понятий, использование лексики, описывающей различные аспекты одного понятия, для описания другого понятия» [Sun Yi: 66]. В «Хуанди Нэйцзин» содержится большое количество структурных метафор, главным образом относящихся к учению об инь-ян, учению о цзин-ци (субстанции и энергии) и учению о цзан-сян (внутренних органах).

1. Метафоры учения об инь-ян

В «Хуанди Нэйцзин» инь и ян используются для метафоризации неба и земли, солнца и луны, четырех времен года и природных закономерностей.

Пример 17. 黄帝问曰： 余闻天为阳， 地为阴。 日为阳， 月为阴，大小月三百六十日成一岁，人亦应之。《阴阳离合论》

Толкование: 我听说天属阳， 地属阴。 日属阳， 月属阴， 大月和小月合计三百六十天而成为一年，人身也与此相应。(«Я слышал, что небо относится к ян, земля — к инь. Солнце относится к ян, луна — к инь. Большие и малые месяцы составляют 360 дней в году, и человеческое тело также соответствует этому») [Yao Chunpeng: 71].

Перевод Аланова: «Желтый Владыка спросил: Я слышал Небо — ***ян***, Земля — ***инь***, Солнце — ***ян***, Луна — ***инь***. Большие и малые месяцы, триста шестьдесят пять дней формируют один год, люди также соответствуют этому» (1, 156).

Перевод Виногродского: «Хуан-Ди спрашивают: Я слышал, что небо соответствует субстанции ян, а земля соответствует субстанции инь. Солнце соответствует ***субстанции ян***, а луна соответствует ***субстанции инь***. 360 дней больших и малых месяцев составляют один головой цикл, в человеческом организме также существуют соответствия этому» (38).

«Солнце относится к ян, луна относится к инь» — это базовое утверждение традиционной китайской теории инь-ян. Солнце представляет ян, луна представляет инь. С восходом солнца наступает рассвет; солнце символизирует свет, тепло, активность, экстраверсию, подъем, олицетворяя дневное время, огонь, динамические свойства. С заходом луны наступает темнота; луна символизирует тьму, холод, покой, интроверсию, опускание, олицетворяя ночное время, воду, статические свойства. На основе этих когнитивных ассоциаций «солнце—луна» связываются со «свойствами инь и ян». В переводе Аланова «阴阳» переданы как *инь и ян* — транслитерация; в переводе

Виногродского — *субстанция инь и ян* — транслитерация + смысловой перевод. Исходная область «阴阳» (инь-ян) отображается на целевую область «небо—земля».

Пример 18. 天有**阴阳**, 地亦有**阴阳**。故阳中有**阴**, **阴**中有阳。《**灰元纪大论**》

Толкование: 天有**阴**阳，地也有**阴**阳。天地相合，**则阳中有阴, 阴中有阳。** («Небо имеет инь и ян, земля также имеет инь и ян. Поэтому в ян есть инь, в инь есть ян») [Yao Chunpeng: 529].

Перевод Аланова: «Небо имеет ***инь и ян***, Земля также имеет ***инь и ян***. Поэтому в ян есть инь, в инь есть ян» (4, 14—15).

Перевод Виногродского: «На небе есть ***инь и ян***, на земле тоже есть ***инь и ян***. Внутри ян есть инь, а внутри инь есть ян» (222).

В данном предложении «阴阳» (инь-ян) обозначают две стороны одного и того же явления. «В ян есть инь, в инь есть ян» — они не являются бинарными противоположностями, а существуют в чередовании. В этом предложении оба переводчика передали «阴阳» (инь-ян) как инь и ян — транслитерация. Исходная область «阴阳» (инь-ян) отображается на целевую область «небо—земля».

Пример 19. 天以阳生**阴长**，地以阳**杀阴**藏。《天元**纪大论**》

Толкование: 天是以阳生**阴长的**，地是以阳**杀阴藏的。** («Небо с помощью ян рождает и с помощью инь выращивает; земля с помощью ян убивает и с помощью инь сохраняет») [Yao Chunpeng: 530].

Перевод Аланова: «Небо берет ***ян*** рождать и ***инь*** расти, Земля берет ***ян*** уменьшать и ***инь*** сохранять» (4, 14).

Перевод Виногродского: «Небо с помощью ***ян*** порождает, а с помощью ***инь*** взращивает. Земля с помощь ***ян*** убивает, а с помощью ***инь*** сохраняет и накапливает» (222).

В данном предложении «阴阳» (инь-ян) метафорически обозначают весну—лето и осень—зиму в круговороте четырех сезонов. Весна—лето — это инь-ян неба, они отвечают за рождение и рост. Осень—зима — это инь-ян земли, они отвечают за умерщвление и хранение. В этом предложении оба переводчика передали «阴阳» как инь и ян — транслитерация. Исходная область «阴阳» отображается на целевую область «четыре сезона, четыре времени года».

Пример 20. 黄帝曰：**阴阳**者，天气之道也，万物之**纲纪。**（**阴阳应像大论篇**）

Толкование: **阴**阳，是天地**间的普遍规律，是一切事物的纲领。** («Инь и ян — это Путь-Дао неба и земли, основа и порядок всех вещей») [Yao Chunpeng: 54].

Перевод Аланова: «Желтый Владыка сказал: ***Инь и ян*** — Дао Неба и Земли, основной порядок всех вещей» (1, 99).

Перевод Виногродского: «Хуан-Ди говорит: — ***Субстанции инь и ян*** представляют собой путь-дао неба и земли» (31).

Инь и ян — это всеобщий закон неба и земли. В переводе Аланова «阴阳» передано как *инь и ян* — транслитерация; в переводе Виногродского — *субстанция инь и ян* — транслитерация + смысловой перевод. Стратегии перевода «阴阳» в двух переводах различаются: у Аланова — *инь и ян*

(транслитерация); у Виногродского перевод «инь-ян» не унифицирован: иногда *субстанция инь и ян* (транслитерация + смысловой перевод), иногда *инь и ян* (транслитерация). В «Международном стандарте китайско-русского соответствия основных терминов китайской медицины» принята транслитерация инь и ян. Автор полагает, что транслитерация является более предпочтительной. Исходная область «инь-ян» отображается на целевую область «законы природы».

2. Метафоры учения о цзин-ци (субстанции и энергии)

В учении о цзин-ци метафоры «精 (цзин)» (субстанции) и «气 (ци)» (энергии) представляют собой когнитивную трансформацию от области природы к области человеческого организма — это комбинация материального состояния и функционального состояния. Ниже приведены примеры анализа природной цзин, человеческой цзин (духа, питательных веществ из пищи) и цзин-ци.

Пример 21. 地者，所以**载生成之形类也。虚者**，所以列**应天之精气**也。《五运行大**论**》

Толкование: 所以大地是盛**载由五行之气化生的有形物类的**；**天空是布列日月五星这应天之精气的。**(«Земля вмещает формы вещей, порожденных ци пяти первоэлементов. Небо (пустота) является местом расположения цзин-ци, соответствующих небу (пяти звезд и двух светил)») [Yao Chunpeng: 540].

Перевод Аланова: «Земля превращает форму, семь светил связывают пустоту, пять фаз относятся к Земле. Земля — то, что вмещает родовые формы рождения и завершения. Пустота — то, чем упорядочивается отклик основной ***ци*** Неба» (4, 32).

Перевод Виногродского: «Земля — это то, что несет в себе родовые категории форм рождения и завершения. Пустота — это то, что определяет в резонансе с Небом ***дыхание-ци*** субстанции ощущений» (226).

В данном предложении «精» (цзин) обозначает солнце, луну и пять звезд. Земля вмещает формы вещей, порожденных ци пяти первоэлементов; небо является местом расположения цзин-ци, соответствующих небу (солнцу, луне и пяти звездам). В предложении «материальные формы вещей» и «солнце — луна — пять звезд» связываются вместе. «精气» (Цзин-ци) в переводе Аланова — *ци* (транслитерация); в переводе Виногродского — *дыхание-ци* (транслитерация + смысловой перевод). Исходная область «精» (цзин) отображается на целевую область «солнце, луна и пять звезд».

Пример 22. 惊而**夺精**，汗出于心。《**经脉别论**》

Толкование: 受惊而影响精神的**时候**，由于心气受**伤而汗出于心。**(«При испуге, когда поражается дух, из-за повреждения ци сердца пот выделяется от сердца») [Yao Chunpeng: 203].

Перевод Аланова: «При испуге с утратой ***эссенции*** потоотделение происходит из сердца» (2, 133).

Перевод Виногродского: «Если человек пугается и тратит ***семя-цзин***, тогда пот у него выделяется из сердца» (89).

В данном предложении «精» (цзин) обозначает «дух, психическую энергию»; при испуге поражается дух, и из-за повреждения ци сердца возникает потоотделение от сердца. В переводе Аланова — *эссенции*; в переводе

Виногродского — *семя-цзин*. Исходная область «精» (цзин) отображается на целевую область «дух, психическая энергия».

句中的“精”指的是“精神，神气”，受惊影响精神的**时候**，由于心气受**伤**而引起汗出于心的情形。**阿本译为** эссенции（精**华、精髓**），**维本译为** семя-цзин（**种**子—精），始源域“精”映射目**标域**“精神、神气”。

Пример 23. 人所以汗出者，皆生于谷，谷生于**精**。《**评热病论**》

Толкование: 人体所以能**够出汗，是由于水谷入胃，化生精微。**(«Причина того, что человек потеет, заключается в том, что пища поступает в желудок и превращается в тонкую субстанцию») [Yao Chunpeng: 287].

Перевод Аланова: «Потение человека рождается из злаков, злаки рождаются из ***эссенции***» (3, 59).

Перевод Виногродского: «Пот, который выделяется из человека, образуется из пищи, а пища рождается посредством ***семени-цзин***» (123).

В данном предложении «精» (цзин) обозначает тонкую субстанцию, образованную из пищи и воды; обильная энергия пищи и воды превосходит патогенный пот. В переводе Аланова — *эссенция*; в переводе Виногродского — *семя-цзин*. Исходная область «精» (цзин) из пищи и воды отображается на целевую область «потовые выделения».

3. Метафоры учения о цзан-сян (внутренних органах)

Пример 24. **心**者，**君主之官**也，神明出焉。《灵**兰秘典论**》

Толкование: 心就像君主，智慧是从心**产生的。**(«Сердце подобно государю; свет духа исходит из него») [Yao Chunpeng: 86].

Перевод Аланова: «***Сердце*** — ***монарх***; божественный дух исходит оттуда» (1, 216).

Перевод Виногродского: «***Сердце*** в организме выполняет функцию правителя. Из сердца исходит свет духа-шэнь» (42).

В данном предложении «心» (сердце) метафорически уподобляется «чиновнику-государю»; сердце является важным органом среди пяти цзан и шести фу, способным управлять всеми пятью цзан и шестью фу. Оба переводчика передали «心» как *сердце* — прямой перевод. «君主之官» (Чиновник-государь) в переводе Аланова — *монарх* (прямой перевод); в переводе Виногродского — *в организме выполняет функцию правителя* (смысловой перевод). Исходная область «心» отображается на целевую область «должность государя».

Пример 25. **肺**者，**相傅之官**，治**节出焉。**《灵兰秘典论》

Толкование: 肺好像宰相，主一身之气，治理**调节人体内外上下的活动由它完成。**(«Легкие подобны канцлеру (первому министру), управляют ци всего тела, регулируют деятельность организма внутри и снаружи») [Yao Chunpeng: 86].

Перевод Аланова: «***Легкие*** — ***управляющие***; управление и нормы исходят оттуда» (1, 216).

Перевод Виногродского: «***Легкие исполняют передаточную (от правителя) функцию*** — из них исходит ритм порядка» (42).

В данном предложении «肺» (легкие) уподобляются канцлеру, который выполняет функцию помощника правителя — сердца. Оба переводчика передали «легкие» как легкие. «Чиновник-канцлер» в переводе Аланова — *управляющие* (прямой перевод); в переводе Виногродского — *исполняют передаточную (от правителя) функцию* (смысловой перевод), что более образно передает смысл канцлера, помогающего государю. Исходная область «肺» (легкие) отображается на целевую область «должность канцлера».

IV. Заключение

История перевода «Хуанди Нэйцзин» на русский язык представляет собой более чем тридцатилетнюю историю межцивилизационного общения. Практика перевода «Хуанди Нэйцзин» прошла путь от переложенного перевода Дернова-Пегарева с французского языка до выборочного и полного переводов Виногродского и Аланова. Являясь проводниками взаимного обогащения медицинских цивилизаций, они сделали «Хуанди Нэйцзин» мостом для глубинного диалога между китайской и российской цивилизациями в рамках сообщества единой судьбы человечества в сфере здравоохранения, способствуя переводу и распространению теории «Хуанди Нэйцзин» в России.

Многие термины в китайском медицинском каноне «Хуанди Нэйцзин» уникальны для китайского языка. Принцип «извлечения подобия через образы» (цюйсян билэй) в китайской медицине воплощает мудрость восточного человека. Качество перевода в значительной степени зависит от точности понимания переводчиком терминов китайской медицины. Оба российских переводчика (Аланов и Виногродский) достаточно полно поняли исходный текст; метафорические термины в русской трансформации имеют свои особенности. В данной статье с позиций концептуальной метафоры когнитивной лингвистики выбраны примеры структурных, ориентационных и онтологических метафор из двух русских переводов «Хуанди Нэйцзин»; путем сопоставительного анализа выявлены сходства и различия в механизмах трансформации метафор при переводе на русский язык. В обоих переводах преимущественно используются транслитерация, прямой перевод, смысловой перевод и комбинация прямого и смыслового перевода. Например, такие термины, как инь-ян и цзин-ци, чаще передаются транслитерацией. Автор полагает, что при переводе метафор из «Хуанди Нэйцзин» на русский язык необходимо сочетать прямой и смысловой перевод, чтобы в конечном счете осуществить трансформацию между метафорическими отображениями. На конкретных примерах автор изложил свои оценочные суждения о переводах, надеясь предоставить практический ориентир для перевода китайских медицинских канонов на русский язык.

Список источников

Внутренний Канон Желтого Владыки. Хуан Ди Нэй Цзин: в 7 т. / пер. с древнекит. и коммент. Д.Ф. Аланова. М.: Книгоиздательство «АБВ», 2020—2024.

Трактат Желтого императора о внутреннем. Хуанди Нэйцзин / пер. с древнекит. Б.Б. Виногродского. М.: Профит Стайл, 2007. 382 с.

Су вэнь, Нэй цзин: трактаты по традиционной китайской медицины на основе древних и современных текстов / пер. с древнекит. В.Ф. Дернов-Пегарев. Кемерово: Серсон, 1994. 448 с.

姚春鹏译注. 黄帝内经[M]. 北京：中华书局

(Yao Chunpeng (trans. & annot.). Huangdi's Canon of Internal Medicine, Beijing: Zhonghua Book Company, 2024, 720 p. — In Chinese.)

Список литературы / References

Lakoff G, Johnson M., Metaphors we live by, Chicago: University of Chicago Press, 1980, 256 p.

陈广秋. "战斗民族"的"战争—疾病"隐喻认知模式探析[J].外文研究, 2020, 8 (3): 58—65.

(Chen Guangqiu. An analysis of the "war—disease" metaphoric cognitive model of "fighting nations", *Studies in Foreign Languages*, 2020, vol. 8, no. 3, pp. 58—65. — In Chinese.)

陈战.《黄帝内经素问》隐喻英译对比研究[M]. 北京：中国中医药出版社, 2022

(Chen Zhan. A comparative study of metaphorical English translations of the Huangdi's Inner Classic Plain Questions, Beijing, 2022, 344 p. — In Chinese.)

贾春华.中医学——一个隐喻的世界[M]. 北京：人民卫生出版社, 2017

(Jia Chunhua. Traditional Chinese medicine: a world of metaphors, Beijing, 2017, 198 p. — In Chinese.)

孙毅. 认知隐喻学多维跨域研究[M]. 北京：北京大学出版社, 2013

(Sun Yi. Multidimensional and cross-domain research on cognitive metaphorology, Beijing, 2013, 375 p. — In Chinese.)

文旭，肖开荣. 认知翻译学[M]. 北京：北京大学出版社, 2019

(Wen Xu, Xiao Kairong. Cognitive Translation Studies, Beijing, 2019, 225 p. — In Chinese.)

TRANSLATION OF THE "HUANGDI NEIJING" INTO RUSSIAN: MECHANISMS OF TRANSFORMATION AND CONCEPTUAL METAPHOR

Hao Lan
School of Humanities, Beijing University of Chinese Medicine, Beijing, China,
lanhao3376@126.com

Abstract. The "Huangdi Neijing" is the foundational work of classical Chinese medicine theory, and the principle of "drawing analogies from symbols" embodies the unique mode of thinking in traditional Chinese medicine. Based on the metaphorical phenomena found in the "Huangdi Neijing", this paper uses the Russian translations of the "Huangdi Neijing" by sinologists Vinogradsky and Alanov as research corpus. Drawing on the theory of conceptual metaphor in cognitive linguistics, it explores the mechanisms of translating "metaphors" in the "Huangdi Neijing" into Russian, summarizes the translation methods employed in both versions, evaluates the strengths and weaknesses of their respective translations, with the aim of providing insights and guidance for the translation of traditional Chinese medical classics into Russian.

Keywords: conceptual metaphor; "Huangdi Neijing"; Russian translation; transformation mechanism

***Acknowledgments*:** The article was prepared as part of the project funded by the Ministry of Education of China in the field of humanities and social sciences for young scholars: "Research on the translation and perception of classical works on traditional Chinese medicine in Russia" (23JYC740029); and also as part of the project of Beijing Univer-

sity of Chinese Medicine aimed at developing social sciences: “Comparative study of Russian translations of the “Huangdi Neijing” from the perspective of conceptual metaphor” (2025-JYB-PY-012).

For citation: Lan Hao. Translation of the “Huangdi Neijing” into Russian: mechanisms of transformation and conceptual metaphor, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2026, Special issue, pp. 95—111.

Статья поступила в редакцию 22.08.2026; одобрена после рецензирования 22.09.2026; принята к публикации 25.09.2026.

The article was submitted 22.08.2026; approved after reviewing 22.09.2026; accepted for publication 25.09.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Лань Хао — кандидат филологических наук, старший преподаватель, Пекинский университет китайской медицины, г. Пекин, Китайская Народная Республика, lanhao3376@126.com

Lan Hao — Candidate of Sciences (Philology), Beijing University of Chinese Medicine, Beijing, China, lanhao3376@126.com

ИСТОРИЯ

HISTORY

Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2026. Специальный выпуск. С. 112—120.
Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Special issue. P. 112—120.

Научная статья
УДК 902(470.315)"2013/2023"
EDN https://elibrary.ru/jqzqyf
DOI: 10.46726/H.2026.5.12

КОМПЛЕКСНОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ОКРУГИ ГАЛИЧСКОГО ОЗЕРА КОСТРОМСКИМ ОБЛАСТНЫМ ОТДЕЛЕНИЕМ РГО: ИТОГИ ДЕСЯТИЛЕТИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ольга Вячеславовна Новикова
ООО «Костромская археологическая экспедиция», г. Кострома, Россия,
novikova-kostroma@mail.ru

Аннотация. В статье обобщаются ключевые результаты и намечаются перспективы комплексных археологических исследований, проводимых Костромским областным отделением Русского географического общества совместно с Костромской археологической экспедицией в округе Галичского озера в 2013—2023 гг. Территория Галичского приозерья характеризуется уникальной концентрацией разновременных объектов археологического наследия. В современный период проведены раскопки на базовых памятниках микрорегиона — городище Унорож, поселениях Вознесенское I, IV и городище Брюхово. В научный оборот введены данные о 13-ти вновь выявленных памятниках археологии, включая уникальную категорию производственных объектов (урочище «Рудинец»). Детально охарактеризованы процессы эволюции носителей сетчатых керамических традиций в финале эпохи бронзы — раннем железном веке, взаимодействия с ананьинским миром Волго-Камья и Поветлужья, а также малоизученный горизонт первой половины I тыс. н. э. Рассматриваются вопросы развития региона в эпоху раннего средневековья. Отдельное внимание уделено интеграции археологических изысканий с молодежными просветительскими и волонтерскими программами РГО, подтверждающими высокую научно-практическую и общественную значимость проекта.

Ключевые слова: археология Костромского Поволжья, Галичское озеро, Русское географическое общество, эпоха поздней бронзы, ранний железный век, раннее средневековье, междисциплинарные исследования

Благодарности: полевые изыскания и аналитическая обработка материалов выполнены при финансовой и организационной поддержке Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество» (гранты № 02/2018-Р, № 16/2022-Р, № 06/2023-И). Отдельная признательность канд. ист. наук Р.В. Рябинцеву, в 2013—2023 гг. возглавлявшему КОО РГО.

© Новикова О.В., 2026

Для цитирования: Новикова О.В. Комплексное археологическое изучение округи Галичского озера Костромским областным отделением РГО: итоги десятилетия и перспективы // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Специальный выпуск. С. 112—120.

Округа Галичского озера занимает важное стратегическое положение в историко-культурном и природно-географическом пространстве Верхневолжского бассейна. Озеро, сформировавшееся более 20 тыс. лет назад в глубокой приледниковой котловине, на протяжении тысячелетий служило ключевым узлом притяжения первобытного и средневекового населения. Микрорегиональная специфика расселения с эпохи мезолита до раннего средневековья демонстрирует устойчивую пространственную закономерность: базовый массив долговременных поселенческих структур концентрируется именно в северо-западной части озерной системы — в районе истока реки Вексы. Сочетание моренных холмов, развитой гидросети и доступных биологических ресурсов создавало благоприятные условия для многовекового непрерывного хозяйственного освоения этой территории [Леонтьев; Новиков 2015; 2018; 2020; 2022].

Археологическое изучение Галичского приозерья насчитывает более столетия, однако длительное время изыскания носили эпизодический характер. Первые научные сообщения о земляных укреплениях в Унороже появились в губернской печати в конце 1880-х годов. В 1908 году В.Н. Глазов и А.М. Тальгрен провели первые раскопки на поселениях эпохи поздней бронзы и раннего железного века (Унорож, Брюхово, Туровское). В 1920-е годы масштабные археологические работы проводились Костромским научным обществом по изучению местного края под руководством В.И. Смирнова. Обследованы поселения Туровское, Быки (Пуп), Брюхово, Умиленье и городище Унорож [Новиков 2015; 2020; 2021б]. В послевоенный период фундаментальный вклад внесла М.Е. Фосс (1945—1947 гг.), чьи археологические исследования поселений Умиленье и Быки сформировали базовые представления о культуре с сетчатой керамикой Галичского приозерья [Фосс 1947; 1948; 1949; Новиков 2021б]. В 1950—1970-х годах полевые работы в бассейне озера вели М.И. Матасов, Е.И. Горюнова, И.В. Гаврилова и Л.В. Кольцов [Горюнова; Новиков 2018; 2020].

Качественно новый аналитический этап начался в 1980-х годах благодаря изысканиям Волго-Окской экспедиции Института археологии АН СССР под руководством А.Е. Леонтьева. А.Е. Леонтьев систематизировал данные о поселениях раннего железного века [Леонтьев]. Была подготовлена источниковая база для фундаментальной Археологической карты Костромской области [Комаров]. В конце 1980-х — начале 1990-х гг. широкомасштабные раскопки Заволжской экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством Е.А. Рябинина на городище Унорож доказали включенность памятника в систему трансъевразийской пушной торговли IX—XI веков [Рябинин 1992].

После продолжительного перерыва, в 2013 году, Костромская археологическая экспедиция под научным руководством А.В. Новикова возобновила планомерные изыскания в приозерье. С 2015 года исследования вышли на качественно новый уровень, получив поддержку Костромского областного отделения Русского географического общества. К исследованиям присоединились специалисты Института археологии им. А.Х. Халикова. За прошедшее

десятилетие раскопки переросли в масштабный межрегиональный исследовательский проект, соединивший полевую археологию, естественно-научные методы и молодежные волонтерские лагеря. Коллективом экспедиции опубликован ряд научных работ, нашедших отражение в настоящей публикации и раскрывающих особенности заселения Галичского края в поздний период эпохи бронзы — раннем средневековье.

Центральным опорным объектом в изучении раннесредневекового освоения, градостроительной структуры и фортификации выступает городище Унорож, расположенное в 8 км к северо-западу от озера на останце первой надпойменной террасы правого берега реки Вексы. Памятник представляет собой уникальный археологический комплекс, отражающий узловые вехи истории лесного Заволжья [Новиков 2018; 2022; Новиков и др. 2024; 2025]. Вскрытые за 2013—2023 годы площади (суммарно более 333,9 кв. м) позволили не только защитить памятник от разрушения кладбищем, но и выстроить четкую четырехчастную стратиграфическую шкалу.

Верхний стратиграфический горизонт 1 городища Унорож (вторая половина XI — XXI в.) разделен на два субгоризонта. Верхний пласт (начало XIX — XXI в.) отражает возведение каменной Благовещенской церкви (1814), ограды, школы и устройство приходского погоста. Нижний пласт (вторая половина XI — XVIII в.) фиксирует отложения древнерусского селища и некрополя XI—XIV веков (где изучено 22 грунтовых погребения) и Унорожского Благовещенского монастыря XV—XVIII веков. В юго-восточной части холма выявлен специализированный производственный субгоризонт 1а рубежа X—XI / первой половины XI века, представленный черной сажистой супесью, насыщенной металлургическими шлаками. Раннесредневековый горизонт 2 (VIII—X вв., ядро формирования — конец IX — X вв.) документирует период наивысшего расцвета торгово-ремесленного центра. Здесь детально исследованы девять наземных срубных построек, рубленных в «обло» (площадью 20—32 кв. м), совмещавших жилые и производственные функции, включая ювелирные мастерские по отливке цветных металлов. Радиоуглеродные даты по дереву и углям построек 5, 7 и 8 надежно аргументируют их функционирование на протяжении IX—X веков [Новиков и др. 2024].

Нижележащий горизонт 3 представляет собой погребенный пахотный слой, вмещающий разновременные комплексы эпохи Великого переселения народов и финала раннего железного века: стеклянные бусы, бронзовую шумящую привеску, сюльгаму, керамику. Базовый горизонт 4 соотносится с пахотным слоем раннего железного века, переработавшим подзол на материковом суглинистом останце холма, и содержит сетчатую и ананьинскую керамику [Новиков 2018; Новиков и др. 2024]. Особое значение имеют изученные в южной и юго-восточной частях останца остатки фортификационных сооружений. Двойная линия деревянных вертикальных столбов находит некоторые соответствия в оборонительных системах памятников дьяковской культуры Волго-Окского междуречья [Смирнов]. Вещевая коллекция городища Унорож насчитывает свыше 18 000 предметов (саманидские дирхемы, наборные костяные гребни, различные украшения из цветных металлов, бытовые предметы из железа, изделия из стекла). Сопоставляя материалы городища Унорож, Е.А. Рябинин отмечает его сходство с поселениями, вписанными в систему торговых связей, в частности, с поселением Крутик на реке Шексне, где находки костей бобра составили 97,8 % костного материала

[Рябинин: 156]. Близость и синхронность Унорожа с торгово-ремесленным центром Крутик на Шексне ранее отмечал и С.Д. Захаров [Захаров: 232].

Важнейшим направлением изысканий КОО РГО и КАЭ стало заполнение лакун в этнокультурной истории региона в эпоху поздней бронзы и раннего железного века. В результате сплошных разведок на правобережье реки Вексы было открыто 13 новых археологических объектов, среди которых опорными выступают поселения Вознесенское I—V [Новикова, Новиков]. На поселении Вознесенское I, раскапывавшемся в 2020 и 2022 гг. (вскрыто 48 кв. м), зафиксировано совместное залегание фатьяноидной и сетчатой керамики, представленной слабо- или плавнопрофилированными S-овидными сосудами с преобладанием рябчатых отпечатков и штриховки на внешней поверхности, орнаментированных ямками и оттисками гребенчатого штампа. Данный памятник имеет важное научное значение, его изучение раскрывает процессы переходного от эпохи бронзы к раннему железу времени [Новикова, Новиков].

Многослойное поселение Вознесенское IV (раскопки 2022—2023 гг., вскрыто более 90 кв. м) представляет собой уникальный эталонный памятник, стратиграфически охватывающий фатьяновские древности III тыс. до н. э., комплексы позднего периода эпохи бронзы, ранний железный век с сетчатой посудой (до VI в. до н. э.), гладкостенную керамику второй четверти — середины I тыс. н. э., а также средневековые горизонты X—XI и XIII—XV вв. Серия радиоуглеродных определений поселения Вознесенское IV надежно датирует финал функционирования поселка с сетчатой керамикой VI веком до н. э. (2450 ± 45 BP, 757—410 cal BC), а образец из закрытого комплекса ямы № 3 (1750 ± 25 BP, 240—381 cal AD) аргументирует освоение приозерья в позднедьяковское время. На средневековом горизонте исследованы каменные вымостки, найдены саманидский дирхем, элементы шумящих подвесок, железные лодочные скобы XIII—XV вв., копоушка, аналогичная материалам могильника Кузинские хутора на Ветлуге, и фрагменты керамики.

На городище Брюхово в результате работ Костромской археологической экспедиции и Русского географического общества зафиксировано совместное залегание сетчатой керамики и гребенчато-шнуровой посуды ананьинского облика вятско-ветлужской культуры (ВВК АКИО) [Новиков 2020]. Как аргументировано в фундаментальных исследованиях А.В. Новикова, продвижение ананьинских групп населения в Костромское Заволжье в VI—V вв. до н. э. привело к активному культурному взаимодействию, сложению устойчивого пласта с «гибридной керамикой» и интеграции региона в культурное пространство Волго-Камья [Кузьминых, Чижевский; Новиков 2014; 2015; 2017; 2018; 2022; Черных, Чижевский]. Ближайшие памятники с материалами ВВК АКИО находятся на берегах реки Ветлуги (Одоевское городище, Богородское городище, поселение «Паново городище» и др.) [Бадер; Новиков 2021а; 2023; Новикова 2026; Чижевский, Новиков].

Принципиальным открытием РГО в Галичском районе стало обнаружение группы из восьми производственных ям в урочище «Рудинец» близ села Вознесенское. Расположение объектов у кромки заболоченной поймы р. Вексы позволяет связывать их с добычей железистых руд либо с углежогным промыслом.

Специфической чертой экспедиционной модели КОО РГО выступает гармоничное сочетание археологических изысканий с естественно-научным анализом и молодежными просветительскими программами. В проектах

участвуют ведущие специалисты: почвоведы, антропологи, археозоологи, радиоуглеродные аналитики. На базе краниологических серий могильника Унорож в ИЭА РАН выполнены портретные реконструкции облика средневековых жителей края. А.Л. Александровским проводятся почвоведческие исследования [Александровский]. Под эгидой Русского географического общества в полевых сезонах работают волонтеры и школьники из десятков регионов России. Для них проводятся лекции по археологии Костромского края, палеогеографии Галичской котловины, школа первобытного гончарства, мастер-классы. Постоянными элементами популяризации наследия стали ежегодные «Унорожские археологические игры», сельский Музейный центр РГО в Унороже, экспозиция Галичского краеведческого музея с макетом городища X века, межрегиональная конференция «Культурное наследие Галичской земли» и циклы отмеченных наградами документальных фильмов о Галичской земле.

Важной чертой экспедиционной практики Костромского отделения РГО и Костромской археологической экспедиции стало многолетнее межрегиональное сотрудничество. В полевых исследованиях, наряду с учащейся молодежью из Костромской области, на регулярной основе задействованы воспитанники Туристско-краеведческого отряда из г. Родники Ивановской области (руководитель — Н.Е. Мараховская), которому в 2026 году было присвоено имя П.Н. Травкина. Школьники и студенты принимают непосредственное участие в реализации ключевых проектов экспедиции, в частности, в историко-археологическом обследовании окрестностей Галичского озера.

Итоги десятилетних изысканий Костромского областного отделения РГО и Костромской археологической экспедиции (2013—2023 гг.) наглядно продемонстрировали высокий научный потенциал Галичского приозерья, пересмотрев концепцию культурного развития лесного Заволжья в раннем железном веке [Новиков 2018; 2019; 2022]. Микрорегион являлся важнейшим контактным узлом лесной полосы Восточной Европы с непрерывной динамикой культурогенеза в раннем железном веке и международной торговлей в раннем средневековье. Приоритетными задачами дальнейших изысканий выступают: проведение стационарных раскопок на городище Унорож, поселениях Вознесенское I и IV; комплексные исследования производственных ям «Рудинец»; детализация хронологии вещевых комплексов первой половины — середины I тыс. н. э.; продолжение молодежных образовательных программ Русского географического общества.

Список литературы / References

Александровский А.Л. Почвы и культурный слой поселения Вознесенское I // Археология Евразийских степей. 2025. № 2. С. 202—210.

(Aleksandrovsky A.L. Soils and cultural layer of the Voznesenskoye I settlement, *Archaeology of the Eurasian Steppes*, 2025, no. 2, pp. 202—210. — In Russ.)

Бадер О.Н. Городища Ветлуги и Унжи // Материалы и исследования по археологии СССР. № 22 / отв. ред. В.Н. Чернецов. М.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 110—158.

(Bader O.N. Hillforts of the Vetluga and Unzha, *Materials and Researches in Archaeology of the USSR*, Moscow, 1951, no. 22, pp. 110—158. — In Russ.)

Горюнова Е.И. Отчет о работах Костромского отряда Волжской экспедиции 1961 г. / КМЗ. Фонд археологии. Приложение к КМЗ КОК № 18028 // ОГБУК «Кост-

ромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник». Кострома, 1961. 30 с.
(Goryunova E.I. Report on the work of the Kostroma detachment of the Volga expedition in 1961, Kostroma, 1961, 30 p. — In Russ.)

Захаров С.Д. Белоозеро // Русь в IX—X веках: археологическая панорама / отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 212—239.
(Zakharov S.D. Beloozero, *Rus in the 9th—10th centuries: archaeological panorama*, ed. by N.A. Makarov, Moscow, Vologda, 2012, pp. 212—239. — In Russ.)

Комаров К.И. Археологическая карта России. Костромская область / отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: Восточная литература РАН, 1999. 368 с.
(Komarov K.I. Archaeological map of Russia. Kostroma region, ed. by Yu.A. Krasnov, Moscow, 1999, 368 p. — In Russ.)

Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Введение в археологию ананьинской культурно-исторической области: Северо-Восток Европы в финале бронзового и раннем железном веках // Археология Евразийских степей. 2017. № 3. С. 22—36.
(Kuzminykh S.V., Chizhevsky A.A. Introduction to the archaeology of the Ananyino cultural-historical area: North-Eastern Europe in the Late Bronze and Early Iron Ages, *Archaeology of the Eurasian Steppes*, 2017, no. 3, pp. 22—36. — In Russ.)

Леонтьев А.Е. Железный век // Археология Костромского края / ред. А.Е. Леонтьев. Кострома: ГНПЦ, 1997. С. 84—137.
(Leontiev A.E. Iron Age, *Archaeology of the Kostroma region*, ed. by A.E. Leontiev, Kostroma, 1997, pp. 84—137. — In Russ.)

Новиков А.В. Комплексы гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики РЖВ поселения Ватажка // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология Евразийских степей. Вып. 20 / отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 374—387.
(Novikov A.V. Complexes of comb-cord and corded pottery of the Early Iron Age of the Vatazhka settlement, *Archaeology of the Eurasian Steppes*, Kazan, 2014, iss. 20, pp. 374—387. — In Russ.)

Новиков А.В. Памятники с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой раннего железного века в бассейне Галичского озера // Тверской археологический сборник. Вып. 10. Т. II. Тверь: Триада, 2015. С. 50—68.
(Novikov A.V. Sites with comb-cord and corded pottery of the Early Iron Age in the Galich Lake basin, *Tver Archaeological Collection*, Tver, 2015, iss. 10, vol. 2, pp. 50—68. — In Russ.)

Новиков А.В. Поселения с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой раннего железного века Костромского Поволжья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2017. 22 с.
(Novikov A.V. Settlements with comb-cord and corded pottery of the Early Iron Age of the Kostroma Volga region: abstract of diss. … Candidate of Sciences (History), Kazan, 2017, 22 p. — In Russ.)

Новиков А.В. Поселения с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой раннего железного века Костромского Поволжья // Археология Евразийских степей. 2018. № 2. С. 12—289.
(Novikov A.V. Settlements with comb-cord and corded ceramics of the Early Iron Age of the Kostroma Volga region, *Archaeology of the Eurasian Steppes*, 2018, no. 2, pp. 12—289. — In Russ.)

Новиков А.В. Актуальные проблемы изучения поселений РЖВ восточной части бассейна Верхней Волги (Костромское и Ивановское Поволжье). К постановке вопросов // Археология Евразийских степей. 2019. № 2. С. 179—200.

(Novikov A.V. Actual problems of studying settlements of the Early Iron Age in the eastern part of the Upper Volga basin (Kostroma and Ivanovo Volga regions). To the formulation of questions, *Archaeology of the Eurasian Steppes*, 2019, no. 2, pp. 179—200. — In Russ.)

Новиков А.В. К вопросу о развитии сетчатых керамических традиций в поздний период эпохи бронзы — раннем железном веке в окрестностях Галичского озера (по материалам городища Брюхово) // Археология Евразийских степей. 2020. № 2. С. 329—368.
(Novikov A.V. On the development of textile ceramic traditions in the Late Bronze Age — Early Iron Age in the vicinity of Lake Galichskoye (based on materials from the Bryukhovo hillfort), *Archaeology of the Eurasian Steppes*, 2020, no. 2, pp. 329—368. — In Russ.)

Новиков А.В. Одоевское городище. К вопросу о культурной специфике Поветлужья в раннем железном веке // Археология Евразийских степей. 2021а. № 2. С. 108—169.
(Novikov A.V. Odoevskoye hillfort. On the issue of cultural specificity of the Vetluga region in the Early Iron Age, *Archaeology of the Eurasian Steppes*, 2021a, no. 2, pp. 108—169. — In Russ.)

Новиков А.В. Сетчатая керамика поселения Умиленье // Поволжская археология. 2021б. № 1 (35). С. 49—64.
(Novikov A.V. Textile pottery of the Umilenye settlement, *Volga River Region Archaeology*, 2021b, no. 1 (35), pp. 49—64. — In Russ.)

Новиков А.В. Культурная трансформация на Верхней Волге в раннем железном веке // Археология Евразийских степей. 2022. № 2. С. 382—405.
(Novikov A.V. Cultural transformation in the Upper Volga in the Early Iron Age, *Archaeology of the Eurasian Steppes*, 2022, no. 2, pp. 382—405. — In Russ.)

Новиков А.В. Керамические комплексы железного века поселения «Паново городище» // Археология Евразийских степей. 2023. № 2. С. 214—242.
(Novikov A.V. Ceramic complexes of the Iron Age of the “Panovo hillfort” settlement, *Archaeology of the Eurasian Steppes*, 2023, no. 2, pp. 214—242. — In Russ.)

Новиков А.В., Баранов В.С., Новикова О.В. К вопросу об изучении стратиграфии построек городища Унорож // Проблемы материальной и духовной культуры древнего и средневекового населения Волго-Камья: сб. ст. Йошкар-Ола: Мар-НИИЯЛИ им. В.М. Васильева, 2024. С. 127—150.
(Novikov A.V., Baranov V.S., Novikova O.V. On the study of the stratigraphy of buildings of the Unorozh hillfort, *Problems of Material and Spiritual Culture of the Ancient and Medieval Population of the Volga-Kama Region*, Yoshkar-Ola, 2024, pp. 127—150. — In Russ.)

Новиков А.В., Баранов В.С., Новикова О.В. Археологическое изучение городища Унорож в Галичском приозерье Костромской области: некоторые итоги работ 2023 года // Археология Подмосковья. 2025. № 21. С. 9—32.
(Novikov A.V., Baranov V.S., Novikova O.V. Archaeological study of the Unorozh hillfort in the Galich lake region of the Kostroma region: some results of the 2023 works, *Archaeology of the Moscow Region*, 2025, no. 21, pp. 9—32. — In Russ.)

Новикова О.В. Археологическое обследование окрестностей Галичского озера в 2019 г. // Культурное наследие Галичской земли: материалы I и II научно-практических конференций (Галич, 1 ноября 2018 г., 29 ноября 2019 г.) / отв. ред. А.В. Новиков. Кострома: Стандарт Принт, 2020. С. 26—33.
(Novikova O.V. Archaeological survey of the surroundings of Galich Lake in 2019, *Cultural Heritage of the Galich Land*, Kostroma, 2020, pp. 26—33. — In Russ.)

Новикова О.В. Археологическое изучение Одоевского городища в конце XIX — первой четверти XXI вв. // Археология Евразийских степей. 2026. № 2. С. 43—52.
(Novikova O.V. Archaeological study of the Odoevskoye hillfort in the late 19th — first quarter of the 21st centuries, *Archaeology of the Eurasian Steppes*, 2026, no. 2, pp. 43—52. — In Russ.)

Новикова О.В., Новиков А.В. Новые памятники археологии эпохи поздней бронзы — раннего железного века в окрестностях Галичского озера // Археологические открытия. 2019 год. Т. 2019. М.: ИА РАН, 2021. С. 139—141.
(Novikova O.V., Novikov A.V. New archaeological sites of the Late Bronze Age — Early Iron Age in the vicinity of Galich Lake, *Archaeological Discoveries of 2019*, Moscow, 2021, pp. 139—141. — In Russ.)

Рябинин Е.А. Северный трансъевропейский путь X в. и меря (по материалам резной кости Костромского Поволжья) // Археологические вести. 1992. № 1. С. 153—164.
(Ryabinin E.A. The Northern Trans-European Route of the 10th century and the Merya (based on carved bone materials from the Kostroma Volga region), *Archaeological News*, 1992, no. 1, pp. 153—164. — In Russ.)

Смирнов К.А. Дьяковская культура (Материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура / отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: Наука, 1974. С. 7—110.
(Smirnov K.A. Dyakovo culture (Material culture of the hillforts of the Oka and Volga interfluve), *Dyakovo culture*, Moscow, 1974, pp. 7—110. — In Russ.)

Фосс М.Е. Новые памятники в районе Галичской культуры (раскопки Галичской экспедиции 1945 г.) // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1947. Вып. XVII. С. 63—69.
(Foss M.E. New sites in the area of the Galich culture (excavations of the Galich expedition in 1945), *Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture*, 1947, iss. 17, pp. 63—69. — In Russ.)

Фосс М.Е. Результаты Галичской экспедиции 1946 г. // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1948. Вып. XX. С. 58—66.
(Foss M.E. Results of the Galich expedition of 1946, *Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture*, 1948, iss. 20, pp. 58—66. — In Russ.)

Фосс М.Е. Итоги Галичской экспедиции // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1949. Вып. XXVI. С. 34—39.
(Foss M.E. Results of the Galich expedition, *Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture*, 1949, iss. 26, pp. 34—39. — In Russ.)

Черных Е.М., Чижевский А.А. Ананьинская культурно-историческая область. Вятско-ветлужская культура (гребенчато-шнуровой керамики) // Археология Волго-Уралья. Т. 3. Ранний железный век / под ред. А.А. Чижевского. Казань: Изд-во АН РТ, 2021. С. 217—241.
(Chernykh E.M., Chizhevsky A.A. Ananyino cultural and historical area. Vyatka-Vetluga culture (comb-cord pottery), *Archaeology of the Volga-Urals*, Kazan, 2021, vol. 3, pp. 217—241. — In Russ.)

Чижевский А.А., Новиков А.В. Зооморфная фигурка из Одоевского городища // Поволжская археология. 2024. № 3 (49). С. 138—151.
(Chizhevsky A.A., Novikov A.V. Zoomorphic figurine from the Odoevskoye hillfort, *Volga River Region Archaeology*, 2024, no. 3 (49), pp. 138—151. — In Russ.)

COMPREHENSIVE ARCHAEOLOGICAL STUDY OF THE GALICH LAKE VICINITY BY THE KOSTROMA REGIONAL BRANCH OF THE RUSSIAN GEOGRAPHICAL SOCIETY: RESULTS OF THE PAST DECADE AND FUTURE PROSPECTS

Olga V. Novikova
Kostroma Archaeological Expedition LLC, Kostroma, Russian Federation,
novikova-kostroma@mail.ru

Abstract. The article summarizes the key results and outlines the prospects of multidisciplinary archaeological research conducted by Kostroma Regional Branch of the Russian Geographical Society in cooperation with Kostroma Archaeological Expedition in the vicinity of Lake Galichskoye in 2013—2023. Galich Lake region is distinguished by the unique concentration of multilayered archaeological heritage sites. During the modern period, excavations were carried out at key sites of the microregion: the Unorozh hillfort, the Voznesenskoye I and IV settlements, and the Bryukhovo hillfort. Field data on 13 newly discovered archaeological sites, including the unique category of ancient production features in the "Rudinets" tract, are introduced into scientific circulation. The paper characterizes in detail the evolutionary processes of the textile-impressed pottery traditions in the Late Bronze Age — Early Iron Age, interactions with the Ananyino world of the Volga-Kama and Vetluga regions, and the poorly investigated horizon of the first half of the 1st millennium AD. The issues of regional development during the Early Middle Ages are also examined. Special emphasis is placed on integrating archaeological research with youth educational, outreach, and volunteer programs of the RGS, confirming the high scientific, practical, and social significance of the project.

Keywords: archaeology of the Kostroma Volga region, Lake Galichskoye, Russian Geographical Society, Late Bronze Age, Early Iron Age, Early Middle Ages, interdisciplinary research

Acknowledgments: field investigations and analytical processing of materials were supported by the All-Russian Public Organization "Russian Geographical Society" (grants no. 02/2018-R, no. 16/2022-R, no. 06/2023-I). Special gratitude is expressed to Candidate of Historical Sciences R.V. Ryabintsev, who headed the Kostroma Regional Branch of the RGS in 2013—2023.

For citation: Novikova O.V. Comprehensive archaeological study of the Galich Lake vicinity by the Kostroma regional branch of the Russian Geographical Society: results of a decade and future prospects, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2026, Special issue, pp. 112—120.

Статья поступила в редакцию 09.09.2026; одобрена после рецензирования 12.10.2026; принята к публикации 16.10.2026.

The article was submitted 09.09.2026; approved after reviewing 12.10.2026; accepted for publication 16.10.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Новикова Ольга Вячеславовна — генеральный директор ООО «Костромская археологическая экспедиция», г. Кострома, Россия, novikova-kostroma@mail.ru, SPIN: 7048-2552

Novikova Olga Vyacheslavovna — General Director of Kostroma Archaeological Expedition LLC, Kostroma, Russian Federation, novikova-kostroma@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2026. Специальный выпуск. С. 121—131.
Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Special issue. P. 121—131.

Научная статья
УДК 94(470.316)“1944/1945”:355.48
EDN https://elibrary.ru/lehebn
DOI: 10.46726/H.2026.5.13

ПРОТИВОВОЗДУШНАЯ ОБОРОНА ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1944—1945 ГГ.)

Анна Владимировна Урядова
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Россия, uryadovaanna@gmail.com

Аннотация. Изучение истории Великой Отечественной войны, системы противовоздушной обороны (ПВО) страны, участвовавших в ней частей и соединений, их действий на различных территориях и в разные периоды, позволяет углубить и расширить наши знания по военной истории государства. Данная статья посвящена войскам противовоздушной обороны, получившим статус отдельного рода войск Красной армии уже в ходе боевых действий. В 1944—1945 годах территория Ярославской области находилась в глубоком тылу: отсутствие бомбардировочных налетов вражеской авиации, с одной стороны, позволяло проводить плановое формирование новых частей и соединений для фронта; с другой, заниматься укреплением боеготовности Рыбинско-Ярославского дивизионного района ПВО, переформированного в мае 1944-го года в 80-ю дивизию противовоздушной обороны, дополнительной зоной ответственности которой стали территории сопредельных областей северо-западной части страны. Сделаны выводы, что боевой опыт 80-й дивизии ПВО демонстрирует высокий уровень адаптивности и эффективности советской системы противовоздушной обороны в условиях изменяющейся угрозы, исходящей из воздушного пространства, а также о значимости тыловых районов для обеспечения устойчивости всего оборонного потенциала государства. Региональные исследования ПВО по данному району и периоду отсутствуют, что позволяет сделать вывод о новизне данного исследования.

***Ключевые слова*:** Великая Отечественная война, противовоздушная оборона, Ярославская область, Рыбинско-Ярославский дивизионный район ПВО, территории глубокого тыла

Благодарности: Статья выполнена в рамках проекта ЯрГУ VIP-018.

Для цитирования: Урядова А.В. Противовоздушная оборона Ярославской области в годы Великой Отечественной войны (1944—1945 гг.) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Специальный выпуск. С. 121—131.

Несмотря на то, что история Великой Отечественной войны детально изучается уже много десятилетий, в ней по-прежнему остаются «белые пятна». К таким можно отнести противовоздушную оборону (ПВО) прифронтовых территорий, ставших сначала тыловыми, а затем, по мере продвижения Красной армии на запад, территориями глубокого тыла страны. Большинство

© Урядова А.В., 2026

современных исследований посвящены работе ПВО в условиях активной борьбы с германской авиацией, т. е. на фронтах и в прифронтовых зонах [Болотов, Насекин; Терентьев; Лашков 2020; Лашков 2025 и др.]. Функционирование противовоздушной обороны, находящейся на значительном удалении от линии фронта, в современной историографии изучено крайне фрагментарно [Шерпаев; Лашков 2023; Лашков, Голотюк]. Ярославская область осталась «за кадром» этих исследований.

В годы Великой Отечественной войны войска ПВО СССР включали истребительную авиацию, зенитную артиллерию, зенитные пулеметы, прожекторные части, аэростаты заграждения и подразделения ВНОС (воздушного наблюдения, оповещения и связи). Структура организационно делилась на корпуса, дивизии и бригады ПВО, объединенные в зоны и фронты. В ходе войны структура эволюционировала: от отдельных районов ПВО к созданию оперативных объединений — армий ПВО и фронтов ПВО, что позволило эффективнее прикрывать важные административные и промышленные центры.

Несмотря на то что начиная с 1944 г. линия фронта находилась достаточно далеко от границ Ярославской области, у ВВС противника еще была техническая возможность продолжать массированные авианалеты на территории глубокого тыла СССР, нанося удары по стратегическим объектам, имевшим важное оборонное значение. Такие планы вынашивались германским командованием до весны 1945 г. Об этом писал в своих воспоминаниях министр германской военной промышленности А. Шпеер: «…следовало бы принять другое совершенно очевидное решение — ударить по русским электростанциям. Как показывал опыт, в этом случае можно было не опасаться отпора сколь-либо систематически организованной ПВО. Кроме того, энергетическое хозяйство СССР имело одну структурную особенность. Тогда как на Западе в ходе поступательного промышленного развития сложилась система, связывающая воедино многие электростанции средней величины, в Советском Союзе были, по преимуществу в комплексе с широко раскинувшимися промышленными центрами, возведены гигантские электростанции. Основная часть всего электроснабжения Москвы, к примеру, обеспечивалась единственной электростанцией в верховьях Волги» [Шпеер: 359]. В действительности, на Верхней Волге в течение первого периода войны были расположены две мощные по тем временам гидроэлектростанции — Рыбинская и Угличская, которые могли стать объектами возможных ударов противника, что заставляло командование держать на их обороне с воздуха значительные силы. Возможности для осуществления подобных акций у Люфтваффе имелись, но в 1944 году высшее германское руководство ставило перед собой другие цели и задачи. Основной причиной отказа от бомбардировок энергосистемы СССР стали первый и второй «сталинские удары» — стратегические наступательные операции Красной Армии, проведенные в самом начале года, оттянувшие на себя значительные силы противника, в том числе бомбардировочной авиации. Также имели место и разногласия по данному вопросу в высших кругах Вермахта.

Поэтому в тыловых районах страны, в частности в Ярославской области, продолжали дислоцироваться войска ПВО для *прикрытия собственных территорий ответственности*. Силы и средства Рыбинско-Ярославского дивизионного района ПВО несли дежурство в состоянии полной боеготовности. Производилась плановая передислокация (особенно с учетом угрозы

в районах ГЭС). С другой стороны, части, располагавшиеся здесь ранее, *отправлялись на фронт*.

В 1944 г. противовоздушная оборона Ярославской области прошла через ряд важных изменений. Эти перемены были вызваны необходимостью усилить защиту ключевых промышленных и транспортных объектов, а также адаптироваться к меняющейся обстановке на фронте. Рассмотрим, как именно происходила эта эволюция и к каким результатам она привела.

Наблюдается усиление и техническое перевооружение частей. К началу 1944 г. в области уже действовало множество зенитных частей: артиллерийские полки, отдельные дивизионы, пулеметные батальоны и роты, а также подразделения наблюдения и аэростаты заграждения. Однако состав этих войск был значительно усилен по сравнению с предыдущими периодами. В состав Рыбинско-Ярославского дивизионного района ПВО входили: 201-й, 1424-й, 1566-й, 1567-й, 1875-й зенитные артиллерийские полки (ЗенАП); 38-й, 40-й, 6-й, 192-й, 197-й, 231-й, 273-й, 287-й, 362-й, 380-й, 458-й отдельные зенитные артиллерийские дивизионы (ОЗАД); 14-й, 18-й зенитные пулеметные батальоны; 659-я, 660-я зенитные пулеметные роты; 1-й отдельный отряд аэростатов заграждения; 77-й, 105-й отдельные батальоны воздушного наблюдения, оповещения и связи (ОБ ВНОС) [Боевой состав советской армии. Часть IV: 25].

Шло постепенное перевооружение и доукомплектование частей более новым современным оружием: в феврале 1944 г. на вооружение 3-й батареи 201-го зенитного артиллерийского полка (ЗАП) поступили 4 новых орудия калибра 85 мм с прибором управления артиллерийским зенитным огнем ПУАЗО-3. Это позволило повысить точность стрельбы по воздушным целям. Огневые позиции батареи были перемещены в район кожзавода в Рыбинске. Шестая батарея сменила ОП в районе завода «Слип» [ЦАМО РФ: ф. 201ЗенАПІф, оп. 149016, д. 1, л. 11].

В мае 1944 г. все батареи малокалиберной зенитной артиллерии (МЗА) были увеличены до шести орудий, вследствие чего в бригадах ПВО количество стволов возросло до 98, а в дивизиях ПВО — до 150. Это сделало их огонь более плотным и опасным для низколетящих самолетов. 28 июня в состав 201-го ЗАП ПВО прибыло 8 40-мм пушек: из них 6 — в седьмую батарею взамен 37-мм орудий и 2 — в восьмую батарею, тем самым пополнив ее до шестиорудийного состава [ЦАМО РФ: ф. 201ЗенАПІф, оп. 149016, д. 1, л. 12].

Весь 1944 и начало 1945 г. шла реорганизация соединений и объединений войск противовоздушной обороны территории страны в соответствии с решениями ГКО. 1 мая 1944 года Рыбинско-Ярославский дивизионный район ПВО был преобразован в 80-ю дивизию ПВО [ЦАМО РФ: ф. 13643, оп. 0020235, д. 0002, л. 9]. Это означало повышение статуса соединения и расширение его полномочий. В июне в состав дивизии были включены части из других соединений, что привело к увеличению зоны ее ответственности.

В связи с ожидавшимся возможным усилением действия авиации противника по пунктам и объектам 80-й дивизии ПВО, на усиление обороны с воздуха Ярославля и других городов прибыла 72-я зенитная артиллерийская дивизия Резерва Главного Командования (ЗАД РГК) в составе 309-го зенитного артиллерийского полка среднекалиберной зенитной артиллерии (ЗАП СЗА), 879-й, 253-й и 582-й малокалиберных зенитных артиллерийских полков (МЗАП). На основании приказа командующего Северным фронтом ПВО № 1283/оп от 30 июня 1944 г. в состав 80-й дивизии ПВО были включены

7 отдельных частей из состава 79-й дивизии ПВО, управление которой передислоцировалось из Вологды в Петрозаводск. Включение в состав 80-й дивизии ПВО новых частей изменило границы прикрываемого района. Крайними точками обороны теперь были:

- на западе — п. Большая Вишера (Новгородская обл.);
- на севере — г. Белозёрск (Вологодская обл.);
- на юге — г. Ковров (Владимирская обл.);
- на востоке — г. Нея (Костромская обл.) [ЦАМО РФ: ф. 13643, оп. 0020235, д. 0002, л. 11].

Шла *активная передислокация* подразделений ПВО внутри зоны ответственности 80-й дивизии противовоздушной обороны, в результате которой осуществлялось перераспределение огневой мощи соединения между наиболее важными участками и пунктами обороны. Одновременно, без уменьшения общего уровня боеготовности, происходила отправка в состав действующей армии отдельных частей и подразделений.

Передислокация подразделений ПВО Ярославской области в 1944—1945 гг.*

Дата	Подразделение	Куда
02.1944	3-я батарея 201-го ЗАП	кожзавод Рыбинска
02.1944	6-я батарея 201-го ЗАП	ОП в районе завода «Слип»
2.06.1944	Две батареи 1567-го ЗАП МЗА	Угличский гидроузел
23.06.1944	ДКП первого дивизиона 201-го ЗАП (ДКП-1)	кожзавод Рыбинска (в центр боевого порядка дивизиона)
23.06.1944	Командный пункт прожекторного батальона	на место ДКП-1
16.08.1944	МЗАГ 1567-го ЗАП МЗА	г. Углич
20.08.1944	Батарея МЗА 38-го ОЗАД	ст. Волга (укомплектование вновь формируемого 1933-го ЗАП МЗА)
20.08.1944	Личный состав батареи МЗА 1567-го ЗАП МЗА	г. Барановичи (Белоруссия)
14.09.1944	2 орудия МЗА 40-го ОЗАД	артиллерийский склад № 38 ст. Пречистое
14.09.1944	6 орудий 40 мм	ст. Волга (ж.д. мост)

* Составлено автором на основе материалов: ЦАМО РФ: ф. 13608, оп. 20395, д. 59, л. 84, 250, 253, 255; д. 68, л. 92; д. 699, л. 181, 191, 193, 194; ф. 13609, оп. 20354, д. 628, л. 28, 29, 98, 120; ф. 192, оп. 199977, д. 3, л. 8; ф. 2013енАПШф, оп. 149016, д. 1, л. 11; ф. 2013енАПШф, оп. 149016, д. 1, л.16; ф. 15663енАППВО, оп. 0199596с, д. 0001, л. 1. Сокращения, используемые в таблице (в алфавитном порядке): ДКП — дивизионный командный пункт; ЗАД — зенитная артиллерийская дивизия; ЗАП — зенитный артиллерийский полк; МЗА — малокалиберная зенитная артиллерия; МЗАГ — маневренная зенитная артиллерийская группа; МЗАП — малокалиберный зенитный артиллерийский полк; НПЗ — нефтеперерабатывающий завод; ОБ ВНОС — отдельный батальон воздушного наблюдения, оповещения, связи; ОЗАД — отдельный зенитный артиллерийский дивизион; ОЗПлБ — отдельный зенитный пулеметный батальон; ОП — огневые позиции; РГК — Резерв Главного Командования; СОН — станция орудийной наводки.

16.09.1944	1566-й ЗАП	г. Вильно, передает ОП 1939-му ЗАП, заступившему на боевое дежурство по прикрытию пункта ПВО Ярославль
16.09.1944	4-й дивизион 1939-го ЗАП 8-я батарея 1933-го МЗАП	оборона ж.д. моста через Волгу (вместо убывшего 380-го ОЗАД)
27.09.1944	231-й ОЗАД	на ОП 1424-го ЗАП в п. Константиновский (НПЗ им. Менделеева)
28.09.1944	2-й дивизион 201-го ЗАП ПВО	на ОП 231-го ОЗАД
28.09.1944	ДКП 2-го дивизиона 201-го ЗАП ПВО	на ДКП 231-го ОЗАД
28.09.1944	6-я батарея 201-го ЗАП ПВО	на ОП 3-й батареи 231-го ОЗАД
28.09.1944	5-я батарея 201-го ЗАП ПВО	на ОП 1-й батареи 231-го ОЗАД
28.09.1944	4-я батарея 201-го ЗАП ПВО	на ОП 2-й батареи 231-го ОЗАД
29.09.1944	213-я батарея СОН-3	пункт ПВО Константиновский
29.09.1944	1-я батарея 192-го ОЗАД	ОП четвертой батареи 201-го ЗАП (Рыбинск)
29.09.1944	10-я батарея 1939-го ЗАП	ОП третьей батареи 380-го ОЗАД
29.09.1944	8-я батарея 1933-го МЗАП	ОП батареи МЗА 380-го ОЗАД
30.09.1944	1424-й ЗАП	г. Митава
30.09.1944	380-й ОЗАД	г. Псков
10.1944	362-й ОЗАД	Рыбинский гидроузел
23.10.1944	192-й ОЗАД	ст. Радвилишкис (Литва)
26.10.1944	батареи 201-й ЗАП	Рыбинск (ОП 192-го ОЗАД по его убытии)
2.11.1944	40-й ОЗАД	г. Вильно
7-8.01.1945	72-я ЗАД РГК (в полном составе: 309-й ЗАП, 879-й, 253-й, 582-й МЗАП)	г. Симферополь
1.02.1945	1875-й ЗАП	г. Лодзь (Польша)
1.02.1945	14-й ОЗПлБ	г. Познань (Польша)
28.02.1945	362-й ОЗАД	шоссейный мост через р. Вислу у г. Кульм (Польша)
1.03.1945	77-й ОБ ВНОС	ст. Глейвиц (Польша)

Маневренные действия вели малокалиберные зенитные артиллерийские группы (МЗАГ) сопровождения поездов в пути следования. Они вооружались орудиями зенитной артиллерии малого калибра и зенитными пулеметами, устанавливаемыми непосредственно на железнодорожных вагонах или платформах.

Происходило дальнейшее усиление матчасти и личного состава некоторых подразделений. Так, 1 сентября 1944 г. из Ярославля на ст. Волга для усиления прикрытия железнодорожного моста были передислоцированы шесть орудий калибра 40 мм в состав 1933-го ЗАП МЗА [ЦАМО РФ: ф. 13608,

оп. 20395, д. 699, л. 171]. 13 сентября на доукомплектование формируемого 1939-го ЗАП прибыл личный состав по одной батарее в полном составе из 1875-го, 1424-го, 201-го ЗАП и 231-го, 192-го, 380-го, 40-го ОЗАД [ЦАМО РФ: ф. 13608, оп. 20395, д. 699, л. 180]. 1875-й ЗАП ПВО, стоящий на обороне Ярославля, на 26 ноября 1944 г. имел в своем составе: 24 орудия калибра 85 мм; 12 орудий калибра 40 мм; 18 крупнокалиберных пулеметов [ЦАМО РФ: ф. 16834, оп. 86073, д. 8, л. 8].

На 1 января 1945 г. в состав зенитных артиллерийских частей 80-й дивизии ПВО входили: 201-й, 1875-й, 1933-й, 1939-й ЗенАП; 62-й, 231-й, 362-й ОЗАДН; 14-й зенитный пулеметный батальон; 1-й отдельный батальон аэростатов заграждения (ОБАЗ); 77-й, 105-й ОБ ВНОС [Боевой состав советской армии. Часть V: 28].

Таким образом, наблюдаются *активные внутренние передислокации,* связанные прежде всего с усилением обороны наиболее важных объектов Ярославской области, среди которых можно выделить объекты гидроэнергетики, промышленные оборонные предприятия I и II категорий, артсклады и др. Особое внимание уделялось защите железных дорог и мостов, так как они были жизненно важны для снабжения фронта. Для этого создавались специальные маневренные зенитные артиллерийские группы (МЗАГ), которые могли быстро перемещаться и прикрывать поезда или мосты на опасных участках. В течение лета и осени 1944 года зенитные батареи постоянно перебрасывались с одного объекта на другой: из Ярославля — к мостам через Волгу, в Углич — для защиты гидроузла и т. д. Такая гибкость позволяла концентрировать силы там, где угроза была наибольшей.

Во второй половине 1944 г. проходила активная ротация войск. Многие части, накопившие опыт на этом участке, были *отправлены на другие направления* — в Прибалтику, Белоруссию, а затем и в Польшу. К началу 1945 г. значительное количество частей с боевым опытом было выведено из района для выполнения задач на западном направлении. Это привело к уменьшению общего потенциала средств ПВО в Ярославской области к весне 1945 г. Одновременно происходила *замена личного состава*: старшие возрасты отправлялись в тыл, а на их место приходили молодые призывники 1927 года рождения [ЦАМО РФ: ф. 201ЗенАПШф, оп. 149016, д. 1, л. 21].

На место отправившихся на фронт заступали новые или переформированные подразделения. 7 апреля 1945 г. была получена директива штаба Центрального фронта ПВО № 104/оп о включении в состав 80-й дивизии ПВО частей, ранее входящих в состав 16-й бригады ПВО, с выполнением ими прежней задачи [ЦАМО РФ: ф. 13643, оп. 20235, д. 22, л. 61].

В соответствии с директивой Военного Совета Центрального фронта ПВО № 107/оп от 8 апреля 1945 г., в состав 80-й дивизии ПВО были включены 10 отдельных частей 16-й отдельной бригады ПВО, управление которой передислоцировалось из г. Бологое в г. Горький. Были установлены новые границы зоны ответственности дивизии, дислокация частей которой находилась в районе, ограниченном следующими городами:

- на западе — г. Старая Русса (Новгородская обл.);
- на севере — п. Вознесенье (Ленинградская обл.);
- на востоке — г. Нея (Костромская обл.);
- на юге — г. Юрьев-Польский (Владимирская обл.);
- на юго-западе — г. Торопец (Калининская обл.) [ЦАМО РФ: ф. 13643, оп. 0020235, д. 0002, л. 11].

Еще 17 января 1945 г. согласно приказу № 0023 по 80-й дивизии ПВО для сил и средств ПВО были установлены два положения боевой готовности.

Боевая готовность № 1:

- готовность СЗА, МЗА и зенитных пулеметов к открытию огня любым способом — немедленная;
- готовность прожекторов к поиску и сопровождению пойманных целей лучом — немедленная;
- личный состав находится у орудий, приборов, агрегатов, пулеметов, прожекторов и на КП у своих рабочих мест;
- все средства боевого порядка находятся в положении «к бою»;
- телефонные линии связи включены напрямую;
- радиостанции развернуты и готовы к приему и передаче.

Боевая готовность № 2:

- готовность всех средств ПВО к боевой работе через 1 минуту после получения сигнала «ВТ»;
- материальная часть, приборы, агрегаты и прожекторы — выверены, сориентированы, согласованы и находятся в полной боевой готовности к немедленному открытию огня и даче луча, накрыты чехлами, но в положении, допускающем их быстрое снятие;
- в прожекторных подразделениях моторы прогреваются от сумерек до рассвета, телефонные линии связи включены напрямую, радиостанции развернуты и готовы к приему;
- дежурные телефонисты, радисты, разведчики, оперативные дежурные и ответственные дежурные командиры на КП, ДКП, батареях, ротах и других подразделениях — на своих местах;
- личный состав подразделений занимается у орудий и приборов или отдыхает в землянках непосредственно вблизи боевых позиций [ЦАМО РФ: ф. 13609, оп. 20354, д. 628, л. 36, 37].

Войска ПВО продолжали отработку взаимодействия между составляющими частями обороны. 24 января 1945 г. вышла новая «Плановая таблица взаимодействия средств противовоздушной обороны 80-й дивизии ПВО», где были подробно расписаны действия всех сил и средств при отражении налетов вражеской авиации [ЦАМО РФ: ф. 13643, оп. 0020235, д. 0023, л. 17].

В 1944—1945 гг. *истребительная авиация ПВО* продолжала выполнять боевую задачу по прикрытию территории, находящейся в зоне ее ответственности. В основном это были несение боевого дежурства на аэродромах и боевая подготовка. Авиация была в большей степени привязана к местам постоянной дислокации, но и здесь расположение авиаполков могло меняться.

На 1 января 1944 г. в состав 147-й истребительной авиадивизии (ИАД), охранявшей небо Ярославской области, входили 439-й, 740-й, 959-й, 964-й, 966-й, 1005-й истребительные авиаполки (ИАП). На 1 января 1945 г. их состав несколько изменился: базировались на аэродромах Дядьково (Ярославль) — 143-й и 963-й (оба из состава 320-й ИАД) истребительные авиаполки (ИАП), Якушево (Рыбинск) — 740-й (находился в стадии расформирования) и 1005-й ИАП. В составе авиадивизии было 114 самолетов (исправных — 103; боеготовых — 54) [ЦАМО РФ: ф. 13643, оп. 0020235, д. 0034, л. 1]. На 26 марта 1945 г. ситуация снова меняется: на аэродромах Дядьково (Ярославль) и Туношное (Туношна) базируется 143-й ИАП, в Якушево (Рыбинск) — 1005-й ИАП. Всего в дивизии — 112 самолетов (исправных — 60; боеготовых — 54 (ночных — 30)) [ЦАМО РФ: ф. 13643, оп. 0020235, д. 0034, л. 95].

В марте 1945 г. 147-я ИАД начала подготовку к передислокации из Ярославля на Дальний Восток. Матчасть и летный состав она должна была передать в 142-ю истребительную авиадивизию, входившую в состав Горьковского корпусного района ПВО. Командование дивизии дислоцировалось в г. Горький. В период с 1 по 7 апреля 1945 г. 147-я ИАД продолжала передачу 143-го и 1005-го ИАП, а также 136-го и 787-го батальонов аэродромного обслуживания (БАО) в состав 142-й ИАД ПВО. Управление дивизии и 43-й отдел рабочего снабжения (ОРС) готовились к перебазированию на новое место дислокации. 7 апреля 1945 г. передача была закончена. 20 апреля 1945 года войска прибыли на ст. Ворошилов Уссурийский (сейчас город Уссурийск Приморского края) [ЦАМО РФ: ф. 20182, оп. 1, д. 15, л. 19].

Дополнительной боевой задачей, поставленной перед авиацией, стало прикрытие пунктов ПВО Ярославской области во взаимодействии с наземными средствами противовоздушной обороны 80-й дивизии ПВО [ЦАМО РФ: ф. 20179, оп. 1, д. 1, л. 111]. Эта задача по прикрытию пунктов ПВО Ярославля и Рыбинска была снята со 142-й авиадивизии только 28 апреля 1945 г.: 143-й и 1005-й ИАП из состава дивизии выведены [ЦАМО РФ: ф. 20179, оп. 1, д. 1, л. 112].

Опыт войны показал, что вылеты истребителей на перехват из положения «дежурство на аэродроме» были наиболее эффективным и экономичным способом применения истребительной авиации. В 1944—1945 гг. авиация противника практически не производила бомбардировочных действий над территорией Ярославской области, ограничиваясь разведывательными полетами одиночных самолетов, которые иногда одновременно с ведением разведки производили выброску диверсантов на парашютах. Последний налет был произведен 28 февраля 1944 года. Одиночный самолет сбросил зажигательные бомбы на окраину города Данилов, сгорел один жилой дом, жертв не было [ЦАМО РФ: ф. 13643, оп. 0020235, д. 0003, л. 72]. Разведывательные действия вражеской авиации направлялись, главным образом, на северо-западную и западную части территории в зоне ответственности 80-й дивизии ПВО, и в основном на перевозки по железным дорогам на линиях Ярославль — Сонково — Бологое и Сонково — Овинище — Сандово. За январь 1945 г., согласно отчету о боевой деятельности штаба 77-го ОБ ВНОС, авиация противника 12 раз проходила над обороняемым районом, все полеты носили разведывательный характер.

Последний самолет-разведчик, опознанный как Do-215, вошел в зону ответственности батальона 11 января 1945 г. [ЦАМО РФ: ф. 13643, оп. 0020235, д. 0034, л. 40]. 25 января 1945 г. была получена директива № 7181с штаба Центрального фронта ПВО о недочетах в системе ВНОС 3-го корпуса ПВО, выявленных во время полета самолета противника над территорией Центрального фронта ПВО в ночь с 11 на 12 января 1945 г. Командиром дивизии было принято решение проработать директиву с офицерами главного поста ВНОС, 2-го отдела штаба дивизии, а также с командирами и начальниками штабов 77-го и 105-го ОБ ВНОС [ЦАМО РФ: ф. 13609, оп. 20354, д. 628, л. 49].

Авиация противника в связи с успешным продвижением советских войск на запад проявляла слабую разведывательную деятельность; отказавшись от бомбардировок, истребительная авиация боевой работы не вела. Всего за 1944—1945 гг. истребительная авиация 80-й дивизии ПВО произвела 6 самолето-вылетов с общим пребыванием в воздухе 2 часа 29 минут.

За период Великой Отечественной войны истребительная авиация, находящаяся в составе Рыбинско-Ярославского дивизионного района ПВО, а затем — 80-й дивизии ПВО, с поставленными задачами по обороне важнейших военно-промышленных объектов справилась удовлетворительно [ЦАМО РФ: ф. 13643, оп. 0020235, д. 0002, л. 85].

Ввиду того, что в 1944—1945 гг. некоторые части дивизии находились на значительном удалении от штаба, для руководства ими дважды организовывались оперативные группы.

Первая оперативная группа была организована в июне 1944 г. для управления и руководства частями, принятыми в состав 80-й дивизии от 79-й дивизии ПВО. Штаб и КП оперативной группы дислоцировались в Вологде.

Вторая оперативная группа была организована в апреле 1945 г. для оперативного руководства частями 16-й отдельной бригады ПВО, вошедшими в состав 80-й дивизии, с размещением штаба и КП группы в г. Бологое. Оперативная группа состояла из офицеров оперативного отдела, отдела связи и ВНОС, политотдела, штаба артиллерии и тыла. Начальник оперативной группы на месте организовывал КП и штаб, посредством которого осуществлял управление частями и подразделениями.

В период существования оперативных групп ввиду практически полного отсутствия полетов авиации противника над территорией 80-й дивизии ПВО их работа заключалась в управлении частями и осуществлении контроля за ведением боевой и политической подготовки, а также в оказании практической помощи при работе их штабов и координации деятельности подразделений [ЦАМО РФ: ф. 13643, оп. 0020235, д. 0002, л. 114].

Техническое перевооружение и увеличение численности стволов зенитной артиллерии значительно повысили боевую мощь войск противовоздушной обороны. Введение новых систем управления огнем и применение более дальнобойных орудий сделало оборону более плотной.

Гибкость и маневренность стали важнейшими принципами применения войск ПВО. Способность быстро перебрасывать огневые подразделения для защиты отдельных объектов и пунктов доказала свою эффективность.

В течение 1944—1945 гг. состав сил и средств противовоздушной обороны 80-й дивизии ПВО постоянно менялся: формировались новые и прикомандировывались сформированные в других местах части и подразделения для последующей отправки их на фронт, обновлялась матчасть и т. д. Подразделения изменялись в сторону увеличения зоны ответственности, передавались в постоянный состав из соседних соединений противовоздушной обороны; постоянно проводилось обучение личного и офицерского состава. К началу 1945 г. тыловые районы страны, в том числе города Ярославль и Рыбинск перестали быть приоритетными целями для немецкой авиации на фоне общего отступления Вермахта по всему фронту. Это позволило использовать части ПВО, имеющие опыт боевых действий, для решения оперативных и стратегических задач в составе действующей армии.

Таким образом, система ПВО Ярославской области не просто выполнила свою задачу по защите объектов народного хозяйства прикрываемой территории, но и стала частью резерва Верховного Главнокомандования, успешно используемого на завершающем этапе войны.

Список источников

Российский государственный военный архив (РГВА).
Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ).

Список литературы / References

Боевой состав советской армии. Часть IV (январь—декабрь 1944 г.). М.: Военное издательство, 1988. 376 с.
(Combat composition of the Soviet Army, part IV (January—December 1944), Moscow, 1988, 376 p. — In Russ.)

Боевой состав советской армии. Часть V (январь—декабрь 1945 г.). М.: Военное издательство, 1990. 216 с.
(Combat composition of the Soviet Army, part V (January—December 1945), Moscow, 1990, 216 p. — In Russ.)

Болотов Н.А., Насекин М.А. Деятельность 4-го сектора противовоздушной обороны в Сталинградской стратегической оборонительной операции // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2024. № 1 (78). С. 47—55.
(Bolotov N.A., Nasekin M.A. Activity of the 4th sector of air defense in the Stalingrad strategic defensive operation, *Caspian Region: Politics, Economy, Culture*, 2024, no. 1 (78), pp. 47—55. — In Russ.)

Лашков А.Ю., Голотюк В.Л. «Война показала исключительное и первостепенное значение противовоздушной обороны страны и войск». Войска ПВО в годы Великой Отечественной войны (1943—1945 гг.) в свете постановлений Государственного Комитета Обороны // Военно-исторический журнал. 2020. № 5. С. 26—31.
(Lashkov A.Yu., Golotyuk V.L. The war demonstrated the exceptional and paramount importance of the country's and troops' air defense, *Military History Journal*, 2020, no. 5, pp. 26—31. — In Russ.)

Лашков А.Ю. Организация противовоздушной обороны Керченского пролива и переправ в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 2020. № 4. С. 11—15.
(Lashkov A.Yu. Organization of air defense of the Kerch Strait and crossings during the Great Patriotic War, *Military History Journal*, 2020, no. 4, pp. 11—15. — In Russ.)

Лашков А.Ю. Противовоздушная оборона Горьковского промышленного района в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 2023. № 5. С. 4—15.
(Lashkov A.Yu. Air defense of the Gorky industrial region during the Great Patriotic War, *Military History Journal*, 2023, no. 5, pp. 4—15. — In Russ.)

Лашков А.Ю. Развитие зенитного вооружения войск ПВО Красной Армии накануне и в годы Великой Отечественной войны // Технологос. 2025. № 2. С. 60—71.
(Lashkov A.Yu. Development of anti-aircraft armament of the Red Army's air defense troops on the eve and during the years of the Great Patriotic War, *Tekhnologos*, 2025, no. 2, pp. 60—71. — In Russ.)

Светлишин Н.А. Войска ПВО страны в Великой Отечественной войне. М.: Наука, 1979. 296 с.
(Svetlishin N.A. Air defense forces of the country in the Great Patriotic War, Moscow, 1979, 296 p. — In Russ.)

Терентьев В.О. Армейская ПВО на Донбассе весной 1943 г. (на примере 1257-го армейского зенитно-артиллерийского полка противовоздушной обороны) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2025. № 2. С. 182—194.
(Terentyev V.O. Army air defense in Donbass in spring 1943 (on the example of the 1257th army anti-aircraft artillery regiment), *Bulletin of Volgograd State University. Series 4. History. Regional Studies. International Relations*, 2025, no. 2, pp. 182—194. — In Russ.)

Шерпаев В.И. Из истории войск противовоздушной обороны на Урале // Первые уральские военно-исторические чтения. Екатеринбург, 1997. С. 121—122.
(Sherpayev V.I. From the history of air defense troops in the Urals, *First Ural Military-Historical Readings*, Yekaterinburg, 1997, pp. 121—122. — In Russ.)

Шпеер А. Третий рейх изнутри. М.: Центрполиграф, 2005. 654 с.
(Speer A. Inside the Third Reich, Moscow, 2005, 654 p. — In Russ.)

AIR DEFENSE OF THE YAROSLAVL REGION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1944—1945)

Anna V. Uriadova
P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation,
uryadovaanna@gmail.com

Abstract. The study of the Great Patriotic War, the branches of the armed forces involved, and their actions across various territories and time periods allows for a deeper and broader understanding of the history of the war. This article is dedicated to air defense (PVO), which acquired the status of an independent branch of the Red Army during the course of hostilities. In 1944—1945, the territory of Yaroslavl Region was located in the deep rear: the absence of enemy bombing raids, on the one hand, enabled the planned formation of new units and formations for the front; on the other, it allowed for the strengthening and development of the subunits of the Rybinsk-Yaroslavl PVO District, which was reorganized in May 1944 into the 80th Anti-Aircraft Defense Division, whose area of responsibility was expanded to include the territories of adjacent regions in the northwestern part of the country. The conclusions are drawn that the experience of the 80th PVO Division demonstrates a high level of adaptability and effectiveness of the Soviet air defense system under changing strategic conditions, as well as the significance of rear areas for ensuring the stability of the entire country's defense potential. Regional studies of PVO for this area and period are absent, which attests to the novelty of this research.

***Keywords*:** Great Patriotic War, air defense, Yaroslavl Region, Rybinsk-Yaroslavl PVO District, deep rear territories

***Acknowledgments*:** The article was prepared as part of the YarSU project VIP-018.

***For citation*:** Uriadova A.V. Air defense of the Yaroslavl Region during the Great Patriotic War (1944—1945), *Bulletin of Ivanovo State University. Series: Humanities*. 2026. Special issue, pp. 121—131.

Статья поступила в редакцию 20.05.2026; одобрена после рецензирования 28.08.2026; принята к публикации 15.09.2026.
The article was submitted 20.05.2026; approved after reviewing 28.08.2026; accepted for publication 15.09.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Урядова Анна Владимировна — доктор исторических наук, заведующая кафедрой новейшей отечественной истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Россия, uryadovaanna@gmail.com, SPIN: 6327-8656

Uriadova Anna Vladimirovna — Doctor of Sciences (History), Head of the Department of Contemporary Russian History, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation, uryadovaanna@gmail.com

Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2026. Специальный выпуск. С. 132—140.
Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Special issue. P. 132—140.

Научная статья
УДК 94(470.31)"1941/1945":070
EDN https://elibrary.ru/jupoxf
DOI: 10.46726/H.2026.5.14

ОХРАНА ДЕТСТВА НА СТРАНИЦАХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ГАЗЕТ ВЕРХНЕЙ ВОЛГИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Михаил Викторович Гребенник
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Россия,
grebennik.mihail@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются публикации о детстве в трех региональных газетах Верхней Волги — «Северном рабочем» (Ярославль), «Северной правде» (Кострома) и «Рабочем крае» (Иваново) — за период с июня 1941 г. по май 1945 г. На основе более 370 выявленных публикаций прослежено, как менялось освещение положения детей-сирот, работы детских учреждений, помощи семьям военнослужащих и участия детей в трудовой и общественной жизни. Установлено последовательное смещение функциональной нагрузки прессы: от воспитательной в 1941 г. к мобилизационной в 1942 г. и контрольно-критической с 1943 г. Динамика газетной повестки следовала за решениями центральной власти — постановлением СНК СССР от 23 января 1942 г. «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» и Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам…». Сопоставление публикаций трех газет показывает, что при жесткой координации сверху редакции сохраняли пространство для самостоятельных решений: их линии в подаче материала и готовности обращаться к острым сюжетам заметно различались. Региональная пресса военного времени представлена в работе как самостоятельный источник по истории военного детства.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, советский тыл, охрана детства, региональная пресса, Верхняя Волга

Для цитирования: Гребенник М.В. Охрана детства на страницах региональных газет Верхней Волги в годы Великой Отечественной войны // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Специальный выпуск. С. 132—140.

Газеты в годы Великой Отечественной войны занимали особое место среди каналов массовой информации. В отличие от радиопередач и выступлений агитаторов, не оставивших сопоставимого по объему *документального* следа, и от листовок, выходивших нерегулярно, газеты сочетали публичность, регулярность и официальный характер. Это делает их ценным *материалом* для изучения реализации государственной политики на местах. При этом региональная пресса остается одним из наименее задействованных массовых источников: сплошной просмотр газетных подшивок за четыре года войны крайне трудоемок, а качество электронных копий обычно не позволяет вести автоматический поиск по распознанному тексту.

© Гребенник М.В., 2026

«Детская» тема в прессе военных лет разработана достаточно слабо, и среди имеющихся работ выделяется несколько направлений. Ю.Г. Куровская обращается к образам детей в «Правде» и «Известиях» [Куровская]. Е.Е. Красноженова и Д.А. Вычеров исследовали военное детство по материалам партизанской газеты «Юный мститель» [Красноженова, Вычеров]. С.В. Иванова проанализировала журнал «Мурзилка» как источник по истории детской периодики [Иванова]. И.С. Мокшина и Т.Ю. Нечаева рассматривают молодежные издания как средство патриотического воспитания [Мокшина, Нечаева]. В совокупности эти исследования показывают, что тема детства изучалась либо по центральным изданиям, либо по специализированной — партизанской и молодежной — периодике. Региональная печать тыла для этой темы остается малоизученным источником.

Цель настоящего исследования — проанализировать, как региональная печать Верхней Волги освещала проблемы детства в годы войны: положение детей-сирот, работу детских учреждений, помощь семьям военнослужащих, участие детей в трудовой и общественной жизни.

Для изучения выбраны три региона: Ярославский, Костромской и Ивановский. В августе 1944 г. Костромская область была выделена из Ярославской, в ее состав вошли также отдельные районы соседних областей. В том же месяце из Ивановской области была выделена Владимирская. Газеты Владимира в данной работе не рассматриваются, поскольку Владимир географически тяготеет к Центральному региону, а не к Верхней Волге. Тверская (Калининская) область, традиционно относимая к Верхней Волге, также не включена в исследование: в 1941—1942 гг. она являлась прифронтовой зоной и была частично оккупирована, что делает ее несопоставимой с тремя тыловыми областями.

Материалами исследования послужили три газеты:

«Северный рабочий» — орган Ярославского обкома, горкома ВКП(б) и областного Совета депутатов трудящихся. Электронные копии размещены на сайте Архивной службы Ярославской области [Интернет-портал…].

«Рабочий край» — орган Ивановского обкома и горкома ВКП(б) и областного Совета депутатов трудящихся. Электронные копии доступны на сайте Электронной библиотеки Ивановской области [Электронная библиотека…].

«Северная правда» — орган Костромского горкома ВКП(б) и городского Совета депутатов трудящихся, с 26 сентября 1944 г. — обкома, горкома ВКП(б) и областного Совета депутатов трудящихся. С этого дня годовая нумерация газеты начинается заново. Электронные копии размещены на сайте газеты [Электронный архив…]; оцифровка проводилась Государственным архивом Костромской области (ГАКО).

В работе использована комбинация методов: постраничный визуальный просмотр подшивок, автоматизированный поиск по распознанному тексту электронных копий, расшифровка отдельных заметок с привлечением нейросетевых технологий и количественный анализ. Такой подход не претендует на исчерпывающий охват публикаций, однако позволяет выявить основные тематические линии и проследить их динамику. Всего было выявлено и проанализировано более 370 заметок в трех газетах за период с июня 1941 г. по май 1945 г.

До войны тема детства занимала в газетах устойчивое место. В предвоенные дни июня 1941 г. газеты писали о краеведческих экспедициях школьников, важности семейного воспитания [СР: 21 июня 1941, № 144, с. 4]

и борьбе с безнадзорностью [РК: 7 июня 1941, № 132, с. 4]. Это была неотъемлемая часть мирной советской повседневности.

В первые недели войны газеты по инерции сохраняли мирные черты. В июле 1941 г. «Северный рабочий» рассказывал о буднях детского сада шинного завода [СР: 18 июля 1941, № 167, с. 2]. Но уже в той же заметке, написанной Е. Михайловой, появляется новая тональность: воспитательницы решают перейти на круглосуточную работу, «чтобы ни в коем случае не оставлять детей … без присмотра» [Там же]. Тема детского сада как места, в котором ребенок находится в полной безопасности, на время войны становится одной из ключевых.

Осенью 1941 г. обозначенная тема в газетах почти исчезает. За сентябрь—ноябрь во всех трех изданиях зафиксировано лишь 16 публикаций о детях. Бóльшую часть газеты на данном этапе занимали сводки Совинформбюро и материалы ТАСС. Места для региональных сюжетов почти не оставалось.

В декабре 1941 г. детская тема возвращается: 20 публикаций за месяц — больше, чем за три предыдущих вместе. Газеты пишут об общегородских новогодних елках: в Костроме [СП: 30 декабря 1941, № 311, с. 2] и в Иванове [РК: 27 декабря 1941, № 307, с. 2]. На фоне тяжелого положения на фронте сам факт проведения и освещения праздников показывал, что тыл сохраняет привычный уклад.

Зимой 1941 г. заметное место в газетах занимает сюжет о семьях фронтовиков, который сохранится в прессе почти всю войну. Декабрьские заголовки однотипны: «Семьи фронтовиков обеспечены хлебом» [РК: 9 декабря 1941, № 291, с. 4], «Больше заботы о семьях бойцов Красной Армии» [СР: 21 декабря 1941, № 301, с. 1]. Газеты либо сообщают об уже оказываемой помощи, либо призывают ее расширить.

В начале 1942 г. тема детства еще звучит в тональности конца 1941 г. «Северная правда» публикует заметки о новогодних елках и работе детских садов. Типичный заголовок — «Весело живут дети» [СП: 15 января 1942, № 12, с. 2]. Но одновременно появляются новые сюжеты. 26 февраля «Северный рабочий» выходит с заголовком «Материнскую заботу маленьким гражданам» [СР: 26 февраля 1942, № 48, с. 1] — первая зафиксированная реакция на постановление СНК СССР от 23 января 1942 г. «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» [Об устройстве детей: 308]. И хотя само постановление в газетах не публикуется, его содержание доводится до читателей через конкретные сюжеты и призывы.

В начале 1942 г. в газетах вновь появляются критические материалы о положении детей и семей фронтовиков. Ранее публикации о детях носили преимущественно воспитательный характер: газеты показывали образцы правильного поведения. Критика местных руководителей в этот период практически отсутствовала. С февраля 1942 г. эта функция возвращается. 20 февраля «Рабочий край» выносит на первую полосу заголовок, нехарактерный даже для советской прессы: «Пренебрежение к нуждам семей фронтовиков — преступление!» [РК: 20 февраля 1942, № 43, с. 1]. Размещение на первой полосе указывает на то, что редакция и стоящий за ней обком считали проблему достаточно серьезной для публичного давления.

Усиление критики, вероятнее всего, объясняется рядом причин: к началу 1942 г. стабилизация фронта под Москвой позволила переключить часть внимания на тыловые проблемы, а сами проблемы — прежде всего бытовая неустроенность семей фронтовиков — к этому времени успели обостриться.

В феврале «Северная правда» публикует материал ТАСС о совещании в Московском облисполкоме по устройству детей-сирот [СП: 20 февраля 1942, № 43, с. 1]. Тема сиротства появляется на страницах верхневолжских газет, но пока не как местная проблема, а как последствие вражеской оккупации в другом регионе. Причина этой аномалии названа прямо: война и разрушения. Признание сиротства как собственной проблемы Верхней Волги произойдет позже.

В марте 1942 г. число материалов о детях резко возрастает. За месяц зафиксировано 36 публикаций. Рост происходит во всех трех газетах одновременно: 9 публикаций в «Северном рабочем», 12 — в «Северной правде», 15 — в «Рабочем крае».

Такая реакция объясняется сочетанием двух факторов. Первый — реализация постановления от 23 января 1942 г. «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» [Об устройстве детей…] на местах: к марту его положения начали воплощаться в конкретных мерах, и газеты включились в их освещение. Второй — Международный женский день 8 марта. «Женская» и «детская» темы были тесно связаны, и мартовский номер, посвященный труженицам тыла и матерям, естественно включал материалы о детях.

8 марта «Рабочий край» публикует письмо работниц московского завода «Красный богатырь», взявших на воспитание осиротевших детей, с призывом «Женщины Ивановской области, следуйте нашему примеру!» [РК: 8 марта 1942, № 57, с. 2]. В том же номере появляется и собственный материал редакции — рассказ М. Шошина «Счастье маленькой Нины» о женщине, которая приходит в дом младенца и забирает ребенка на воспитание [Там же]. Оба текста опубликованы в рамках специальной колонки «У нас нет и не будет детей с безрадостным детством!».

Семейные формы устройства — усыновление и патронат — охватывали лишь небольшую долю детей, оставшихся без родителей, и поэтому нуждались в газетной поддержке. По данным Ярославской области за 1942 г. и первые три месяца 1943 г. из 13963 таких детей были усыновлены лишь 463 ребенка, переданы на патронат 2626 чел.; остальные устраивались в иных формах [ЦДНИ ГАЯО: ф. 272, оп. 224, д. 879, л. 14].

Наконец, появляются материалы о проблемах, которые раньше не попадали в печать. «Рабочий край» 22 марта публикует заметку Д. Михайлова «Об “отсеявшихся” детях и беспечных родителях» [РК: 22 марта 1942, № 69, с. 3], 29 марта — Н. Хламова «Когда дети предоставлены самим себе...» [РК: 29 марта 1942, № 75, с. 3]. Это заметный сдвиг: на протяжении второй половины 1941 г. газеты писали о детях в основном в позитивном ключе. В условиях предельного напряжения сил иной тональности, вероятно, быть и не могло. К весне 1942 г. газеты начинают признавать существование таких проблем, как безнадзорность, отсев из школ и детская преступность. Это не означает отказа от прежней линии — подобные публикации единичны и соседствуют с заметками об успехах советского воспитания. Однако само их появление говорит о расширении допустимого для печати круга тем.

Летом 1942 г. характер темы меняется. Число публикаций после мартовского пика снижается, и их направленность становится иной. Весной материалы обращались к рядовому читателю с призывами усыновить ребенка, сделать пожертвование, помочь семье фронтовика и т. д. Летом в газетах чаще появляются репортажи о том, как работает уже выстроенная система помощи детям — с описанием результатов, ответственных лиц и недочетов

[РК: 1 августа 1942, № 180, с. 2; СР: 5 июля 1942, № 157, с. 2; 17 июля 1942, № 167, с. 2]. Газета выступает уже не только как средство агитации, но и как инструмент контроля и критики.

С сентября 1942 г. количество публикаций резко падает. За сентябрь—ноябрь в «Северном рабочем» зафиксировано лишь две заметки, в «Рабочем крае» — ни одной. «Северная правда» сохраняет акцент на проблематике чуть дольше: в сентябре она еще публикует информацию о розыске детей, потерявших родителей [СП: 13 сентября 1942, № 217, с. 1], и рассказ В. Лебедева «Малыш» — историю ребенка, найденного в вагоне поезда [СП: 12 сентября 1942, № 216, с. 2]. Но к ноябрю и она переключается на другие темы. Причин, вероятно, несколько. Сталинградская битва оттесняет всё остальное, а в газетах, сократившихся до двух полос, для второстепенных сюжетов просто не остается места.

В 1943 г. количество материалов о детях резко уменьшается: выявлено 50 записей, тогда как за 1942 г. — 146. Спад затрагивает все три газеты. «Северная правда», давшая в 1942 г. 71 заметку, ограничивается 12. «Рабочий край» снижает показатели с 31 до 10. «Северный рабочий» — с 44 до 28. Также меняется способ подачи материала: вместо кампаний, подобных той, которая проводилась в марте 1942 г., материалы распределены по месяцам равномерно, по 2—5 заметок.

Тема помощи семьям фронтовиков в 1943 г. продолжается. В январе 1943 г. «Рабочий край» объявляет «Неделю помощи семьям фронтовиков» [РК: 3 января 1943, № 2, с. 2], в феврале «Северный рабочий» — «Декадник помощи семьям военнослужащих» [СР: 25 февраля 1943, № 46, с. 1]. Поддержка семей в данных случаях подается как продолжение заботы о бойцах на фронте. Недели и декадники к этому времени превратились в мобилизационный инструмент, воспроизводимый из года в год.

Тема детских домов почти уходит из газет. За весь 1943 г. выявлено лишь несколько публикаций: «Северный рабочий» в июле описывает подсобное хозяйство одного из детских домов [СР: 3 июля 1943, № 137, с. 2], в ноябре — итоги соревнования детдомов и интернатов [СР: 17 ноября 1943, № 234, с. 1]. По характеру это не призывы к помощи, а отчеты о проделанной работе.

Наиболее заметное тематическое изменение 1943 г. касается безнадзорности. В 1942 г. о ней сообщали сдержанно; в 1943 г. она впервые получает развернутое освещение и выносится в заголовки. 2 апреля и «Северная правда», и «Северный рабочий» публикуют одноименные решения горисполкомов о мерах борьбы с детской безнадзорностью и правонарушениями несовершеннолетних [СР: 2 апреля 1943, № 72, с. 2; СП: 2 апреля 1943, № 72, с. 2]. К весне 1943 г. происходит обострение проблемы: это подтверждается данными милиции Ярославской области. За 1942 г. по региону было задержано 5 275 несовершеннолетних — 1 195 беспризорных и 4 080 безнадзорных; за первый квартал 1943 г. — еще 1 026 детей [ЦДНИ ГАЯО: ф. 259, оп. 9, д. 104, л. 34]. Архивные документы связывают усиление безнадзорности в том числе с роспуском детей на каникулы [Там же: л. 50].

Еще одно отличие 1943 г. от предыдущего года — рост доли публикаций по изучаемой проблематике, размещенных на первой странице: 33 % против 16 % в 1942 г. Это не означает повышения приоритета темы: публикаций стало значительно меньше, но среди оставшихся заметно выше удельный вес официальных решений и результатов проверок. В феврале «Северный рабочий» выносит на первую полосу материал о проверке горкомом ВКП(б) питания в детских

столовых для детей фронтовиков [СР: 27 февраля 1943, № 48, с. 1], в ноябре — итоги соревнования детских домов [СР: 17 ноября 1943, № 234, с. 1].

Таким образом, 1943 г. представляет собой период спада, но не исчезновения детской темы в региональной прессе. Публикации о детях перестали носить кампанейский характер и перешли в режим текущего сопровождения.

За 1944 г. выявлено 98 публикаций, что почти вдвое больше, чем годом ранее. В основном они посвящены новым законодательным нормам и ходу их исполнения.

На первые два месяца года приходится 38 заметок. «Северный рабочий» в феврале публикует десять материалов — максимум для этой газеты за один месяц войны, — посвященных открытию детских домов [СР: 13 февраля 1944, № 31, с. 1], шефству комсомольцев [СР: 9 февраля 1944, № 28, с. 1], помощи семьям военнослужащих [СР: 16 февраля 1944, № 33, с. 1]. «Северная правда» в те же недели, напротив, фиксирует проблемы: отчет о собрании партийного актива по воспитательной работе [СП: 8 февраля 1944, № 27, с. 1—2], критический материал «Комсомольцы в стороне от шефства» [СП: 19 февраля 1944, № 35, с. 1].

С марта по июнь 1944 г. количество публикаций в газетах падает до 1—6 в месяц.

Летом 1944 г. в центре газетной повестки оказывается Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям…» [Об увеличении: 134]**.** 9 июля и «Северный рабочий», и «Рабочий край» публикуют текст Указа на первой полосе [СР: 9 июля 1944, № 135, с. 1; РК: 9 июля 1944, № 135, с. 1**]**. 11 июля обе газеты выходят с тематическими передовицами «Новое яркое свидетельство заботы советского государства о матерях и детях» [СР: 11 июля 1944, № 136, с. 1] и «Почет и слава советским матерям!» [РК: 11 июля 1944, № 136, с. 1]. «Северная правда» публикует Указ с некоторым опозданием — только 11 июля [СП: 11 июля 1944, № 136, с. 1].

Закон запускает в газетах новую кампанию по поддержке многодетного материнства. Появляются развернутые материалы о конкретных семьях: «Мать десяти детей» [СР: 15 октября 1944, № 205, с. 2], «Мать двенадцати детей» [СП: 22 ноября 1944, № 41, с. 2]; заметки о выплате пособий [СР: 22 октября 1944, № 210, с. 2]. Газета показывает многодетную мать как героиню тыла, а государственную поддержку — как исполнение обязательств перед семьей.

Газета пишет и о проблемах. «Северный рабочий» 22 октября публикует заметку «Волокитчики из первого отделения милиции» [СР: 22 октября 1944, № 210, с. 2] — о матери, которая после принятия закона не может получить справку о многодетности. Указ принят на высшем уровне, но на местах бюрократический аппарат не справляется с его реализацией. В данном случае газета прибегает к публичному порицанию.

В октябре 1944 г. фиксируется 17 материалов за месяц, из них 9 в «Северном рабочем» и 7 в «Северной правде». «Северный рабочий» 13 октября публикует решение облисполкома «О мерах борьбы с хулиганством и правонарушениями среди детей» [СР: 13 октября 1944, № 204, с. 2] и статью «Попечительские советы в детдомах» [Там же]. В том же месяце печатается заметка «Забытая школа» [СР: 18 октября 1944, № 207, с. 2]: материал о вспомогательной школе для умственно отсталых детей, которая до войны была хорошо оснащена, а теперь заброшена. 18 октября «Северная правда» выходит с передовицей «Повседневную заботу и внимание семьям фронтовиков» [СП: 18 октября 1944, № 17, с. 1], тремя днями позже — «Нет порядка на молочной кухне» [СП: 21 октября 1944, № 19, с. 2].

В целом 1944 г. существенно отличается от предыдущих лет войны. Указ от 8 июля вводит в газетную повестку новый сюжет — многодетное материнство — и смещает акцент с сирот и детских учреждений на положение матерей и семейное воспитание. Газеты не просто информируют о новых льготах, а формируют на основе документа образ многодетной матери как героини тыла: через публикацию самого закона, публицистических заметок и конкретных примеров. Параллельно развертывается критика чиновников, затягивающих оформление пособий.

За январь—апрель 1945 г. зафиксировано 19 публикаций о детях. Выборка невелика и обрывается с окончанием войны, однако позволяет увидеть, как газеты подходили к «детской» теме до мая 1945 г.

Основные линии 1944 г. сохраняются. Месячник помощи семьям военнослужащих проводится в феврале — «Северный рабочий» публикует решение облисполкома [СР: 13 февраля 1945, № 29, с. 2], призывы «Окружим вниманием и заботой семьи фронтовиков» [Там же], отчеты о воскресниках [СР: 11 февраля 1945, № 28, с. 1]. «Северная правда» накануне 27-й годовщины Красной Армии сообщает: 15 тысяч семей фронтовиков получили индивидуальные подарки [СП: 23 февраля 1945, № 37, с. 2]. Тема многодетного материнства, введенная Указом от 8 июля 1944 г., тоже не исчезает: в марте «Северная правда» пишет о помощи многодетным матерям [СП: 18 марта 1945, № 54, с. 1], в том же месяце — «Где получить детское приданое?» [СП: 21 марта 1945, № 56, с. 2], заметка о невыполнении Указа на местах.

Наиболее примечательное явление начала 1945 г. — появление в газетах элементов общественной дискуссии о положении детей и причинах безнадзорности. «Рабочий край» 1 января печатает статью депутата областного совета Таисии Ивановны Шувандиной «О наших детях» [РК: 1 января 1945, № 1, с. 2], которая вызывает серию откликов: 3 января газета публикует материал «Дело в нас, взрослых» [РК: 3 января 1945, № 2, с. 2], 5 января — «Разумно организовать досуг школьников» [РК: 5 января 1945, № 3, с. 2]. Обсуждение статьи продолжается практически весь январь.

Показателен сам формат работы с читателем. Газета публикует исходную статью и дает слово тем, кто готов ответить со своей оценкой и предложениями. Читателю предлагается роль не только адресата, но и участника обсуждения — со своими наблюдениями и аргументами.

В Вичуге в феврале проходит собрание городского партийного актива с докладом секретаря горкома «О воспитании детей», о чем пресса информирует читателя [РК: 3 февраля 1945, № 22, с. 2]. Обсуждение воспитания детей среди партактива показывает, что тема входила в административную повестку, а газеты выступали одним из каналов ее освещения.

К весне 1945 г. ощущение близкой Победы уже определяет тональность газет: вопросы тыла отступают на второй план перед сводками с фронта. Публикации о детях в эти месяцы фиксируют прежде всего работу сложившихся механизмов: месячников, шефств, попечительских советов и регулярных проверок. Массовой мобилизации общественных сил, подобной весне 1942 г., больше не требовалось. Тема детства была встроена в повседневную практику управления. Вместе с тем страна продолжала работать на пределе сил. Забота о детях по-прежнему не могла строиться исключительно на семейных ресурсах. Война еще шла, и газеты продолжали выполнять свою функцию: контролировать, напоминать и требовать.

Проведенный анализ показывает, как региональная пресса Верхней Волги освещала проблемы детства в годы Великой Отечественной войны.

На протяжении 1941—1945 гг. соотношение функций прессы в освещении детской темы последовательно менялось. В 1941 г. преобладала воспитательная функция: газеты формировали образцы одобряемого поведения — заботу о детях фронтовиков, с одной стороны, и участие детей во всеобъемлющей помощи фронту, с другой. В 1942 г. на первый план вышла проблема мобилизации тыла. Газеты призывали к усыновлению, сбору средств, организации помощи детским учреждениям. С 1943 г. ведущей становится контрольно-критическая функция: публикации всё чаще адресуются не обществу, а местным руководителям. Такие материалы фиксируют невыполнение решений, называют проблемные учреждения и виновных должностных лиц. По мере того как система заботы о детях оформлялась организационно, газеты переходили от мобилизационных призывов к критике исполнителей.

Три газеты, издававшиеся в разных городах, по-разному реализовывали единые установки, задаваемые сверху. Различия в подаче материала, тематических акцентах и готовности обращаться к острым сюжетам во многом определялись позицией партийного руководства и редакционной линией.

Сопоставление материалов разных лет выявляет расхождение между публичной картиной и реальным положением дел: если в 1942 г. формировался образ успешного решения проблемы сиротства через сюжеты об усыновлении, расширении сети детских учреждений и общественной помощи, то к 1943 г. появление тем безнадзорности и подростковой преступности указывает на более сложную ситуацию. Причины такой избирательности редакционной политики требуют дальнейшего изучения на основе архивных материалов, сравнения с другими регионами.

Список источников

Интернет-портал архивной службы Ярославской области. URL: https://af.yar-archives.ru/archive27/unit/320 (дата обращения: 14.04.2026).

Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская Слава» и медали «Медаль Материнства». Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 года // Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени. 1944. Л.: Лениздат, 1945. С. 134—143.

Об устройстве детей, оставшихся без родителей. Постановление СНК СССР от 23 января 1942 г. № 75 // Сборник документов и материалов по вопросам труда в период Великой Отечественной войны (22 июня 1941 г. — 5 января 1944 г.). М.: Б. и., 1944. С. 308—309.

Рабочий край. — РК

Северный рабочий. — СР

Северная правда. — СП

Центр документации новейшей истории Государственного архива Ярославской области (ЦДНИ ГАЯО).

Электронная библиотека Ивановской области. URL: https://elib.ionb.ru (дата обращения: 14.04.2026).

Электронный архив Костромской областной газеты «Северная правда». URL: https://севернаяправда.рф (дата обращения: 14.04.2026).

Список литературы / *References*

Иванова С.В. Детская периодическая печать в годы Великой отечественной войны (на примере журнала «Мурзилка») // Отечественная и зарубежная педагогика. 2015. № 2 (23). С. 144—151.

(Ivanova S.V. Children’s periodical press during the Great Patriotic War (on the example of “Murzilka” magazine), *Domestic and foreign pedagogy*, 2015, no. 2 (23), pp. 144—151. — In Russ.)

Красноженова Е.Е., Вычеров Д.А. Военное детство на страницах партизанских газет Северо-Запада РСФСР (на материалах газеты «Юный мститель») // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 4 (73). С. 43—47.
(Krasnozhenova E.E., Vycherov D.A. War childhood on the pages of partisan newspapers of the North-West of the RSFSR (on the materials of the newspaper "Yuny Mstitel"), *Caspian region: politics, economics, culture*, 2022, no. 4 (73), pp. 43—47. — In Russ.)

Куровская Ю.Г. «Эпохой бессмертия мы рождены»: дети Великой Отечественной войны // Известия Российской академии образования. 2025. № 2 (70). С. 6—22.
(Kurovskaya Yu.G. "We are born of the era of immortality": children of the Great Patriotic War, *The Bulletin of the Russian Academy of Education*, 2025, no. 2 (70), pp. 6—22. — In Russ.)

Мокшина И.С., Нечаева Т.Ю. Молодежная периодическая печать как средство патриотического воспитания в годы Великой Отечественной войны // Вестник славянских культур. 2022. № 65. С. 115—127.
(Mokshina I.S., Nechaeva T.Yu. Youth periodical press as a means of patriotic education during the Great Patriotic War, *Bulletin of Slavic Cultures*, 2022, no. 65, pp. 115—127. — In Russ.)

CHILDCARE ON THE PAGES OF REGIONAL NEWSPAPERS OF THE UPPER VOLGA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Mikhail V. Grebennik
P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation,
grebennik.mihail@mail.ru

Abstract. The article analyzes publications about childhood in three regional newspapers of the Upper Volga — «Severny Rabochy» (Yaroslavl), «Severnaya Pravda» (Kostroma) and «Rabochy Krai» (Ivanovo) — for the period from June 1941 to May 1945. Based on more than 370 identified publications, the study traces how the coverage of orphans, children's institutions, support for servicemen's families and children's participation in labor and public life evolved during the war. A consistent shift in the functional load of the press is established: from the educational function in 1941 to the mobilizational function in 1942 and the monitoring-and-critical function from 1943 onwards. The dynamics of the press agenda closely followed the decisions of the central authorities — the Decree of the Council of People's Commissars of the USSR of 23 January 1942 and the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of 8 July 1944. The comparison of publications in the three newspapers shows that, despite rigid coordination from above, editorial offices retained some room for independent decisions: their ways of presenting material and willingness to address acute subjects differed noticeably. Regional wartime press is presented in the article as an independent source on the history of childhood during the war.

Keywords: Great Patriotic War, Soviet home front, childcare, regional press, Upper Volga

For citation: Grebennik M.V. Childcare on the pages of regional newspapers of the Upper Volga during the Great Patriotic War, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2026, Special issue, pp. 132—140.

Статья поступила в редакцию 13.05.2026; одобрена после рецензирования 28.08.2026; принята к публикации 16.09.2026.

The article was submitted 13.05.2026; approved after reviewing 28.08.2026; accepted for publication 16.09.2026.

Информация об авторе / Information about author

Гребенник Михаил Викторович — аспирант, ассистент кафедры новейшей отечественной истории, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Россия, grebennik.mihail@mail.ru, SPIN: 5536-7242

Grebennik Mikhail Viktorovich — Postgraduate Student, Assistant, Department of Modern Russian History, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation, grebennik.mihail@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Специальный выпуск. С. 141—149.
Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Special issue. P. 141—149.

Научная статья
УДК 340.15(470):341.1
EDN https://elibrary.ru/fypluh
DOI: 10.46726/H.2026.5.15

НОРМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ИЗМЕНЯЮЩЕЙСЯ ГЕОПОЛИТИКЕ: ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Нина Валентиновна Исаева
Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, nina.isaewa@yandex.ru

Аннотация. В статье, выполненной на основе междисциплинарного подхода, выделяются определенные этапы соотношения внутригосударственного и международного права в правовой системе Российской Федерации, их особенности, обусловленные как внутренним состоянием российского государства и общества, так и геополитическими изменениями в мире. В период 1990-х — начала 2000-х годов, когда происходило становление новой государственности, в силу ее несовершенства и в какой-то мере слабости государственных институтов акцент был сделан на европоцентристские ценности и включение России в глобальные мировые процессы, когда на конституционном уровне был установлен принцип приоритета международного права над национальным законодательством (в случае возникновения коллизии). В порядке правопреемства это касалось и международных обязательств СССР. По мере укрепления российского государства, отказа от однополярного мира, выстраивания новой системы международных отношений, расширения санкционной политики Российская Федерация при сохранении вышеназванного принципа вносит коррективы в отношении участия в конвенциональных образованиях, политика которых направлена против ее интересов и представляет угрозу конституционному строю и правам человека, а также отказывается от исполнения решений межгосударственных органов в случае, если их истолкование международного договора с участием РФ противоречит национальной Конституции. При этом российское государство не отказывается от участия в международных договорах и исполнения принятых на себя обязательств, его политика также направлена на формирование внутринациональных компенсаторных механизмов защиты прав и законных интересов граждан.

Ключевые слова: Конституция РФ, национальное право, международное право, международные договоры, глобализм, многополярность

Для цитирования: Исаева Н.В. Нормы международного права в правовой системе Российской Федерации в изменяющейся геополитике: историко-правовые аспекты // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Специальный выпуск. С. 141—149.

Вопросы соотношения внутригосударственного (национального) и международного права, права международных договоров приобретают особую важность в периоды глубинных общественных изменений и государственных потрясений. Основоположником теории современного международного права принято считать Гуго Гроция (1583—1645 гг.), творившего в эпоху утверждения идей рационализма и естественного права. По мнению исследователей,

© Исаева Н.В., 2026

именно его взгляды были положены в основу концепции создания и функционирования Организации Объединенных Наций [Малышева: 210].

Принятие съездом народных депутатов 12 июня 1990 г. Декларации о государственном суверенитете РСФСР, распад СССР поставили перед новым российским государством вопрос о том, на каких принципах будет выстраиваться соотношение внутригосударственного и международного права, какое из них будет иметь приоритет в национальной правовой системе. При разработке новой Конституции в условиях влияния либерально-демократических идей и усилившейся «вестернизации» общественного мнения в часть 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации 1993 г. был включен принцип приоритета общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров, если национальными законами установлены иные правила. По мнению Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина, процесс «вестернизации» мировоззрения начался задолго до развала Советского Союза. Это привело к созданию «в глазах моих граждан», — подчеркивает автор, — сугубо позитивного образа Запада, и шло это, «как минимум начиная с хрущевской “оттепели” конца 50-х гг. XX в.» [Зорькин: 280].

С учетом принципа правопреемства Российской Федерацией Союзу ССР важно обратить внимание на ряд документов, регулирующих право международных договоров. Среди них особое место занимает Венская конвенция о праве международных договоров, принятая 23 мая 1969 г. в рамках конференции, созванной специальным органом Генеральной Ассамблеи ООН — Комиссией международного права ООН. Советский Союз присоединился к ней в апреле 1986 г., направив Генеральному секретарю ООН Грамоту о присоединении СССР к Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года для хранения с рядом оговорок и заявлением о том, что Союз Советских Социалистических Республик «сохраняет за собой право принимать любые меры по охране своих интересов в случае несоблюдения другими государствами положений Венской конвенции о праве международных договоров» [Венская конвенция…]. Конвенция в соответствии с пунктом 2 статьи 84 вступила в силу для СССР 29 мая 1986 года.

Важным направлением сотрудничества Российской Федерации стали государства, образованные из бывших республик СССР. Помимо Содружества Независимых Государств появились Евразийский экономический союз, Таможенный союз, Организация Договора о коллективной безопасности, призванные сохранить и расширить интеграционные связи на постсоветском пространстве, обеспечить механизмы защиты и взаимопомощи. Были заключены договоры, направленные на совместное обеспечение прав и свобод, в частности, Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека, подписанная 26 мая 1995 г. и вступившая в силу для Российской Федерации 11 августа 1998 г., Конвенция об упрощенном порядке приобретения гражданства гражданами государств-участников Содружества Независимых Государств и др. С учетом особенностей обеспечения государственной границы Республики Таджикистан 7 сентября 1995 г. был заключен двусторонний Договор между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан об урегулировании вопросов двойного гражданства, вступивший в силу для Российской Федерации 26 апреля 1997 г. Положения названных документов учитывались при принятии федеральных законов. Межпарламентская Ассамблея Содружества Независимых Государств может

принимать модельные законы для гармонизации законодательства стран-участников, положения которых имеют рекомендательный характер.

Интенсивная внешнеполитическая деятельность Российской Федерации потребовала принятия специального федерального закона, который бы регулировал принципы и процедуры заключения, вступления в силу международных договоров, их выполнения и прекращения [О международных договорах…]. В нем Российская Федерация подтверждает свою приверженность принципу добросовестного выполнения международных обязательств, провозглашенному Венской конвенцией о международных договорах. Помимо этого, в части 3 статьи 5 дается разъяснение о том, что «положения официально опубликованных международных договоров Российской Федерации, не требующие издания внутригосударственных актов для применения, действуют в Российской Федерации непосредственно. Для осуществления иных положений международных договоров Российской Федерации принимаются соответствующие правовые акты» [Там же]. Исходя из этого, можно говорить, что российская правовая система в целях интернационализации права готова при необходимости использовать одностороннее заимствование (рецепцию), целенаправленное сближение правовых систем или их частей (гармонизацию) и введение единообразных норм (унификацию).

Немаловажным фактором для России 1990-х — начала 2000-х годов стали процессы глобализации и регионализации, последние для Российской Федерации носили европоцентричный характер. Эти процессы по-разному оценивались политико-правовой доктриной. С одной стороны, они рассматривались как закономерное следствие преодоления известных проявлений советского изоляционизма, новых возможностей развития экономической деятельности, защиты прав и свобод человека и гражданина, с другой — как угроза государственному суверенитету. В первом случае шел процесс активного освоения новых правовых возможностей, обусловленных, в частности, ратификацией Российской Федерацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее — европейская Конвенция), расширившей возможности реализации установленного частью 3 статьи 46 Конституции РФ права каждого «обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты» [Конституция…]. Тем самым для России стал доступен Европейский суд по правам человека (далее — ЕСПЧ), а также институты Совета Европы в соответствии с его Уставом.

Следует сказать, что еще до ратификации европейской Конвенции многие из ее положений были инкорпорированы в главу 2 Конституции РФ, устанавливающую основы правового статуса личности в России. В частности, это касалось и принципа формального равенства иностранных граждан и лиц без гражданства, которые, согласно части 3 статьи 62 Конституции РФ, пользуются в Российской Федерации равными правами, а также наравне с российскими гражданами несут юридические обязанности, если иное не установлено федеральным законом или международным договором Российской Федерации.

В начале 2000-х годов появляется немало исследований, анализирующих новые правозащитные возможности, делается подробный анализ организации и деятельности ЕСПЧ и Совета Европы [Варламова].

С ростом числа удовлетворенных по жалобам заявителей решений ЕСПЧ против Российской Федерации расширяются и механизмы взаимодействия государственных органов, в частности Верховного и Конституционного

судов РФ, Министерства юстиции со структурами ЕСПЧ, прежде всего с Секретариатом. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 указывалось на необходимость изучения и учета практики ЕСПЧ [О применении судами…]. При этом в научно-практических целях исследуется опыт работы ЕСПЧ применительно к иным межгосударственным организациям, участником которых является Российская Федерация, например, Евразийского экономического союза и деятельности Суда ЕАЭС [Василевич], а также в целом для правовой системы Российской Федерации [Красов]. Особое место среди исследований занимают публикации А.И. Ковлера, который с 1999 по 2012 год представлял Российскую Федерацию в ЕСПЧ, в частности, его работа по имплементации в национальные правовые системы не только положений европейской Конвенции, но и решений ЕСПЧ на примере разных стран [Ковлер].

Важным представляется поднимаемый автором вопрос исполнения решений, когда нормы европейской Конвенции в интерпретации решений ЕСПЧ вступают в противоречие с интересами государств [Ковлер: 306—338], с чем столкнулась и Российская Федерация в условиях укрепления государственности, более жесткого отстаивания своего суверенитета, идентичности и национально-культурных ценностей. Вспомним нашумевшее постановление ЕСПЧ от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» (жалобы № 11157/04 и № 15162/05), вопрос об исполнении которого решался по запросу Министерства юстиции РФ Конституционным судом РФ. Последний в Постановлении от 19 апреля 2016 г. № 12-П признал *невозможным* исполнение постановления ЕСПЧ, «принятого на основании положений статьи 3 «Право на свободные выборы» Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод в их истолковании Европейским Судом по правам человека, — в части мер общего характера, предполагающих внесение изменений в российское законодательство (и тем самым изменение основанной на нем судебной практики)» [По делу о разрешении вопроса…]. Предлагаемые ЕСПЧ меры были расценены как вмешательство в суверенные права российского государства, касающиеся принципов и целей правового регулирования, основанных на верховенстве Конституции РФ.

В дальнейшем политика ЕСПЧ по отношению к Российской Федерации всё более ужесточалась, в конечном итоге придя к установлению принципа виновности нашего государства. Это означало, что априори Россия проигрывала в рассмотрении любой жалобы, индивидуальной или коллективной. Такая позиция неоднократно осуждалась нашей страной и заставляла более вдумчиво относиться к взаимодействию с Советом Европы и ЕСПЧ.

Регионализм дополнялся проблемами глобализма, отношение к которому также было разнонаправленным: от безусловного признания значимости его для будущего России до полного отрицания его как неприемлемого пути нашего развития. Наиболее существенным в контексте рассматриваемой темы представляется тот факт, что изначально в нашей историко-правовой литературе глобализация рассматривалась как фактор, способный создать условия для интернационализации правовых систем, однако требующий, с одной стороны, достаточно высокого уровня политической и правовой культуры лидеров государств, а с другой — интернационализации правовой науки, взаимодействия ученых разных стран в целях создания интеллектуальной платформы для осмысления существующих и предстоящих перемен в мире [Правовая система России в условиях…: 23—24]. Одной из рискогенных зон глобализации называлось доминирование США, навязывающих свои

стандарты миропорядка как единственно возможные. Глобализация как естественный процесс сближения экономик, финансов постепенно перерастает в глобализм, рассматриваемый как определенный цивилизационный стандарт, единственно правильное мировоззрение [Марченко: 15—16], которое может навязываться другим с использованием в том числе механизмов давления и даже принуждения, что с неизбежностью порождает антиглобализм.

Безусловно, Россия была включена и всегда будет частью общемировых глобализационных процессов. Вместе с тем практика развития международных отношений с участием Российской Федерации и геополитика в целом демонстрируют иной путь: отказ от однополярности и переход к многополярному миру. В качестве одного из положительных примеров этого развития выступает политика стран БРИКС, которые в немалой степени уже в течение двух десятилетий способствуют формированию системы новых межгосударственных отношений, основанных, как это неоднократно подчеркивалось в Декларациях по итогам встреч глав государств и правительств стран-участниц, на принципах взаимоуважения и взаимопонимания, суверенного равенства, солидарности, демократии, открытости, инклюзивности, взаимодействия и консенсуса. Об этом в том числе говорилось в г. Нью-Дели (Индия) 12—13 сентября 2026 года на XVIII саммите БРИКС, посвященном теме «Укрепление устойчивости, инновации, сотрудничество и стабильность» [Декларация Нью-Дели…].

В упомянутых декларациях оговаривается позиция стран БРИКС по наиболее важным вопросам международных отношений (положение в Газе и в целом ситуация в Палестине, реформирование ООН, в том числе изменение положений о составе Совета Безопасности, включение туда стран Юго-Восточной Азии и Африки, гуманитарные проблемы в разных странах, противодействие терроризму и экстремизму и т. д.).

Названные декларации имеют рекомендательный характер, и их положения реализуются главным образом посредством принятия межгосударственных, межправительственных договоров и договоров межведомственного характера. Этим БРИКС отличается от иных международных, прежде всего конвенциональных образований, например, того же Совета Европы, членом которого была Российская Федерация до марта 2022 г. Условием членства была обязательная ратификация Устава Совета Европы, Конвенции о защите прав и основных свобод, Социальной хартии, а также еще почти 20 договоров, которые впоследствии были денонсированы [О прекращении действия…].

Прекращение сотрудничества с Советом Европы и прежде всего невозможность для граждан РФ обращаться в Европейский суд по правам человека получило неоднозначную оценку в научной литературе: от одобрения до критики сужения возможностей защиты прав человека в региональных структурах. Вместе с тем еще до начала специальной военной операции в феврале 2022 г., как было отмечено выше, судебный активизм ЕСПЧ, введение новой терминологии и практики так называемого эффективного контроля со стороны надгосударственных евроструктур, не только критиковались, но и обусловливали отказ Российской Федерации от исполнения принимаемых решений в части, представляющей угрозу суверенитету нашей страны.

Уход от европоцентризма не означает отказ от закрепленного в Конституции РФ в качестве одной из основ конституционного строя признания общепризнанных принципов и норм международного права частью правовой системы Российской Федерации. Российская Федерация не вышла из Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г., она сохраняет приверженность международным актам Организации Объединенных Наций,

в частности Международному пакту о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г., вступившему в силу для СССР 23 марта 1976 г., который вполне может компенсировать европейскую Конвенцию как по содержанию прав и свобод, так и по процедурам, которые представляются даже более надежными с точки зрения механизмов обращения и рассмотрения.

Вместе с тем с учетом сложившейся практики того же ЕСПЧ в отношении Российской Федерации в новой редакции статьи 79 Конституции в 2020 г. было установлено, что решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции РФ, не подлежат исполнению в Российской Федерации. Тем не менее наша страна готова «участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами Российской Федерации, если это не влечет за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации» [Конституция…]. Это касается и договоров, подписанных СССР, поскольку РФ является правопреемником и правопродолжателем Советского Союза согласно части 1 статьи 67.1 Конституции РФ. Это положение внесено и в часть 4 статьи 5 ФЗ «О международных договорах» в редакции от 8 декабря 2020 г. № 429-ФЗ.

Следует заметить, что участие Российской Федерации в межгосударственных объединениях, в частности в Совете Европы, предполагало учет ситуаций, когда постановления ЕСПЧ могли рассматриваться как основания для отмены вступивших в законную силу решений национальных судов, а также для возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. Потребовалось принятие федерального закона от 11 июня 2022 г. № 180-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», установившего, что постановления ЕСПЧ, принятые после 15 марта 2022 года, не подлежат исполнению в Российской Федерации (часть 1 статьи 2) [О внесении изменений…]. Ввиду этого законом создан дополнительный компенсаторный механизм в рамках осуществления судами Российской Федерации производства по уголовным делам. Так, в качестве одного из оснований для отмены вступивших в законную силу судебных решений и возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств определено признание постановлением Конституционного Суда РФ нормативного акта или его отдельного положения соответствующими Конституции РФ в данном Конституционным Судом РФ истолковании, с которым расходится толкование, используемое в судебном решении. Если такое решение Конституционным Судом РФ принято, документом скорректирован порядок пересмотра Президиумом Верховного Суда РФ (в течение 30 дней) по представлению Председателя Верховного Суда РФ вступившего в законную силу судебного решения.

Важными в решении вопроса о применении норм международного права стали постановления высших судов Российской Федерации. Особое место в этом ряду занимает новая редакция Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2025 г. № 33 «О применении судами общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации». В ней прежде всего разъясняется, что следует понимать под названными категориями. Под общепризнанными принципами международного права суд рекомендует понимать «основополагающие императивные нормы международного права, принимаемые и признаваемые международным сообществом государств в целом, отклонение от которых недопустимо», а под

общепризнанной нормой международного права — «правило поведения, принимаемое и признаваемое международным сообществом государств в целом в качестве юридически обязательного». Суд также отмечает, что «содержание указанных принципов и норм международного права может раскрываться, в частности, в документах Организации Объединенных Наций и ее специализированных учреждений».

Венская конвенция о праве международных договоров в пункте «в» части 3 статьи 31 устанавливает, что при толковании международных договоров должна учитываться, наряду с его контекстом, последующая практика применения договора. Учитывая это, Верховный Суд РФ в названном Постановлении дает разъяснения судам о том, каким образом применять нормы действующих договоров, если ранее суды применяли нормы денонсированных договоров.

Исходя из того, что ратифицированные международные договоры действуют непосредственно, делается оговорка о признаках, свидетельствующих «о невозможности непосредственного применения положений международного договора Российской Федерации», к которым необходимо отнести «содержащиеся в договоре указания на обязательства государств-участников по внесению изменений во внутреннее законодательство этих государств».

В качестве компенсаторного механизма при рассмотрении гражданских дел, помимо обращения в Конституционный Суд РФ, в случае затруднений при принятии решения, в постановлении предлагается обращаться к актам и решениям международных организаций, в том числе органов ООН и ее специализированных учреждений, а также в Правовой департамент Министерства иностранных дел Российской Федерации, в Министерство юстиции Российской Федерации (например, для уяснения вопросов, связанных с продолжительностью действия международного договора, составом государств, участвующих в договоре, международной практикой его применения). Судебному департаменту при Верховном Суде Российской Федерации рекомендовано своевременно осуществлять переводы международных документов на русский язык и направлять в суды, а также использовать ресурс академических и образовательных учреждений, которые могут предоставлять доктринальные и методические рекомендации в анализе международных актов.

Российская Федерация сохраняет приверженность общепризнанным принципам и нормам международного права, не исключает обращение к актам при разрешении споров при защите прав и законных интересов граждан и юридических лиц; при этом с учетом новой практики международных отношений, в том числе в рамках БРИКС, полагает необходимым более внимательно учитывать свои интересы; берет на себя ответственность по созданию компенсаторных внутринациональных механизмов охраны и защиты прав человека и гражданина, опираясь в том числе на ресурсы международного права и международных объединений.

Список источников

Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 г.

Декларация Нью-Дели «Укрепление устойчивости, инновации, сотрудничество и стабильность», г. Нью-Дели, Индия. 12 сентября 2026 г.

Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с поправками, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.

О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: ФЗ от 11 июня 2022 г. № 180-ФЗ.

О международных договорах: ФЗ от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ (в ред. от 08.12.2020 № 429-ФЗ).

О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы с 16 марта 2022 г.: ФЗ от 28 февраля 2022 г. № 43-ФЗ.

О применении судами общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 (в ред. от 9 декабря 2025 г. № 33).

По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 г. по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации: Постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2016 г. № 12-П.

Список литературы / References

Варламова Н. Верховенство права — базовый принцип европейской системы защиты прав человека // Вопросы применения норм международного права и стандартов Совета Европы в области судебной защиты прав и свобод человека и гражданина (сборник материалов и нормативных актов). Барнаул: ЮРИКС, 2004. С. 245—306.

(Varlamova N. The rule of law is a fundamental principle of the European system for protecting human rights, *Issues related to the application of international law norms and Council of Europe standards in the field of judicial protection of human and civil rights and freedoms (collection of materials and regulatory acts)*, Barnaul, 2004, pp. 245—306. — In Russ.)

Василевич Г.А. Развитие Евразийского экономического союза — важнейшая ценность и задача судебной власти // Демократические ценности в международном и национальном конституционном измерении: материалы и доклады XI Международной научно-практической конференции (Самара, 24—27 сентября 2015 г.). Самара: Самарский университет, 2016. С. 21—29.

(Vasilevich G.A. The development of the Eurasian Economic Union is a key value and task of the judiciary, *Democratic values in the international and national constitutional dimension: materials and reports of the XI International Scientific and Practical Conference (Samara, September 24—27, 2015)*, Samara, 2016, pp. 21—29. — In Russ.)

Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России: монография. М.: Норма, 2015. 320 с.

(Zor`kin V.D. Civilization of law and the development of Russia: a monograph, Moscow, 2015, 320 p. — In Russ.)

Ковлер А.И. Европейская конвенция: проблемы толкования и имплементации. М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. 400 с.

(Kovler A.I. The European convention: problems of interpretation and implementation, Moscow, 2019, 400 p. — In Russ.)

Красов С.И. Значение решений и постановлений Европейского суда по правам человека для правовой системы Российской Федерации // Демократические ценности в международном и национальном конституционном измерении: материалы и доклады XI Международной научно-практической конференции (Самара, 24—27 сентября 2015 г.). Самара: Самарский университет, 2016. С. 104—109.

(Krasov S.I. The significance of the decisions and rulings of the European Court of Human Rights for the legal system of the Russian Federation, *Democratic values in the international and national constitutional dimension: materials and reports of the XI International Scientific and Practical Conference*, Samara, 2016, pp. 104—109. — In Russ.)

Малышева Н.И. Соотношение внутригосударственного и международного права как проблема конституционализма (доктринально-исторический аспект) // Российский конституционализм в контексте историко-правовых исследований: сборник научных трудов. СПб.: Президентская б-ка им. Б.Н. Ельцина, 2014. Вып. 1. С. 208—217.

(Malysheva N.I. The relationship between domestic and international law as a problem of constitutionalism (doctrinal and historical aspect), *Russian constitutionalism in the context of historical and legal studies: collection of scientific papers*, iss. 1, Saint Petersburg, 2014, pp. 208—217. — In Russ.)

Марченко М.Н. Государство и право в условиях глобализации. М.: Проспект, 2011. 400 с.
(Marchenko M.N. The state and law in the context of globalization, Moscow, 2011, 400 p. — In Russ.)

Правовая система России в условиях глобализации и региональной интеграции: теория и практика / отв. ред. С.В. Поленина. М.: Формула права, 2006. 558 с.
(The legal system of Russia in the context of globalization and regional integration: theory and practice, ed. by S.V. Polenina, Moscow, 2006, 558 p. — In Russ.)

NORMS OF INTERNATIONAL LAW IN THE LEGAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION IN A CHANGING GEOPOLITICS: HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS

Nina V. Isaeva
Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, nina.isaewa@yandex.ru

Abstract. The article, which is based on an interdisciplinary approach, identifies certain stages in the relationship between domestic and international law within the legal system of the Russian Federation, as well as their specific features, which are determined both by the internal state of the Russian state and society and by geopolitical changes in the world. During the 1990s and early 2000s, when the new statehood was being established, due to its imperfection and, to some extent, the weakness of state institutions, the focus was placed on Eurocentric values and Russia's integration into global processes. At the constitutional level, the principle of the primacy of international law over national legislation in the event of a conflict was established. This also applied to the USSR's international obligations in the context of succession. As the Russian state strengthens, as it abandons the idea of a unipolar world, as it builds a new system of international relations, and as its sanctions policy expands, the Russian Federation, while maintaining the aforementioned principle, makes adjustments regarding its participation in conventional bodies whose policies are directed against its interests and pose a threat to the constitutional order and human rights. The Russian Federation also refuses to comply with the decisions of intergovernmental bodies if their interpretation of an international treaty involving the Russian Federation contradicts the national constitution. At the same time, the Russian state does not renounce its participation in international treaties or its commitment to fulfill the obligations it has assumed; its policy is also aimed at developing domestic compensatory mechanisms to protect the rights and legitimate interests of citizens.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, national law, international law, international treaties, globalism, multipolarity

***For citation*:** Isaeva N.V. Norms of international law in the legal system of the Russian Federation in a changing geopolitics: historical and legal aspects, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2026, Special issue, pp. 141—149.

Статья поступила в редакцию 10.10.2026; одобрена после рецензирования 02.11.2026; принята к публикации 06.11.2026.

The article was submitted 10.10.2026; approved after reviewing 02.11.2026; accepted for publication 06.11.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Исаева Нина Валентиновна — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, конституционного права и прав человека, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, nina.isaewa@yandex.ru, SPIN: 6983-3974

Isaeva Nina Valentinovna — Candidate of Sciences (History), Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Constitutional Law and Human Rights, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, nina.isaewa@yandex.ru

ФИЛОСОФИЯ

PHILOSOPHY

Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2026. Специальный выпуск. С. 150—162.
Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Special issue. P. 150—162.

Научная статья
УДК 1:004.8
EDN https://elibrary.ru/hiarub
DOI: 10.46726/H.2026.5.16

КОСМОС, ХАОС И ПОСРЕДНИК: СТРУКТУРА ДРЕВНИХ КОСМОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ И АРХИТЕКТУРА ЦИФРОВЫХ СРЕД

Олег Николаевич Гуров
Государственный академический университет гуманитарных наук;
Центр искусственного интеллекта МГИМО, г. Москва, Россия, gurov@duck.com

Аннотация. В статье рассматриваются космологические представления древности (месопотамские, гесиодовские и платоновские) в качестве источника понятийного языка для анализа современных цифровых сред, в частности метавселенных и систем искусственного интеллекта. Проблематика исследования подразумевает, что понятия, описывающие виртуальные миры (пространство, присутствие, посредник, память), заимствованы из более ранних культурных традиций, однако вместе с этим нередко наблюдается недостаточная ясность их исходной структуры. Новизна подхода заключается в систематическом сопоставлении трех структурных элементов древних космологических представлений, а именно связанной множественности уровней мира, фигуры посредника и оси мира (*axis mundi*) — с архитектурой цифровых сред при последовательном отказе от тезиса об исторической преемственности между ними. Материалом служат месопотамские, древнегреческие и платоновские космологические тексты, а также современные работы по генеративному искусственному интеллекту, философии техники и виртуальной онтологии. Показано, что искусственный интеллект структурно занимает место посредника между человеком и усложнившейся технической средой, а цифровая инфраструктура выполняет функцию, аналогичную *axis mundi*, оставаясь при этом принципиально уникальной по своей природе. Вывод состоит в том, что космологические представления не предсказывают появления цифровых сред, но обнаруживают устойчивую антропологическую потребность мыслить мир как связанную множественность.

Ключевые слова: древние космологические представления, искусственный интеллект, метавселенная, посредник, axis mundi, философия техники

Благодарности: статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема FZNF-2026-0004 «Цифровизация и ее влияние на современное общество и культуру: когнитивные, правовые, экономические вызовы и перспективы»).

Для цитирования: Гуров О.Н. Космос, хаос и посредник: структура древних космологических представлений и архитектура цифровых сред // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Специальный выпуск. С. 150—162.

© Гуров О.Н., 2026

Введение

В истории техники немало примеров, когда новое средство или новая форма организации пространства получает язык, заимствованный из более ранних культурных представлений. Современная нам цифровая эпоха в этом отношении особенно показательна: понятия пространства и времени, присутствия, личности, памяти, агента и среды, которыми описывают виртуальные миры, кажутся понятными и даже зачастую близкими, хотя каждый такой концепт скрывает гораздо более древние вопросы, например, как человек соотносится с миром, который состоит из нескольких уровней и между ними существуют переходы. Сразу же видно, что древняя космология приобретает в таких обстоятельствах особое значение: хотя, казалось бы, ее основным вопросом является происхождение мира, но при этом содержание здесь гораздо глубже, поскольку само космологическое мышление связывает земное с небесным и подземным, определяет ритм времени, задает отношения между человеческим и сверхчеловеческим и в целом определяет место человека в целостной структуре бытия. В такой модели космос выступает системой определенных связей, и даже там, где разные традиции дают не всегда сходные ответы на вопрос о происхождении мира, задачи они стремятся решить одни и те же, то есть каким образом множество сил, сфер и форм существования образует единый мир.

Современные цифровые среды, безусловно, хотя и в совершенно иных технических условиях, но тем не менее заставляют думать о тех же вопросах. Метавселенная, которая за прошедшие годы не превратилась в завершенную реальность и выступает развивающейся концепцией, в научной литературе связывается с устойчивыми, взаимосвязанными виртуальными пространствами, аватарами, взаимодействием пользователей и сопряжением физической и цифровой сред [Weinberger]. В этой архитектуре искусственный интеллект (далее ИИ) выполняет особую функцию. Он анализирует данные, преобразует язык и изображения, создает новые символические формы, интерпретирует запросы. По многим функциям ИИ выполняет сложные цепочки операций по заданным целям, так что его значение трудно свести только к обеспечению вычислительной эффективности. Таким образом алгоритмическая система все чаще оказывается посредником между человеком и средой, сложность которой уже сегодня превосходит возможности непосредственного человеческого восприятия.

Поэтому возникает вопрос, который можно сформулировать в терминах древней космологии: что связывает различные уровни мира, как множество разрозненных элементов соединяются в целое, существует ли некая ось, удерживающая связность реальности, если человек одновременно существует в физическом пространстве, цифровой среде, системе данных и алгоритмической памяти, и если она есть, то где «находится». Ответы, которые дают древние космологические представления, разумеется, нельзя переносить на цифровые среды буквально. Их значение в другом: использование этого аппарата позволяет наглядно увидеть структуру самой проблемы. В статье сопоставляются структурные элементы древних космологических представлений и устройство цифровых сред, прежде всего метавселенных и систем ИИ. При этом отметим, что мы не выстраиваем между ними историческую преемственность.

Космос как связанная множественность

Одной из характерных особенностей древнего космологического мышления было отсутствие жесткой границы между уровнями мира. Небесное, земное и подземное образуют разные области единого, как правило, вертикально организованного целого, между которыми осуществляется своеобразная динамика между богами, душами, героями, животными и символами. Здесь важное различие с современностью: это не самостоятельные миры в современном смысле слова. В месопотамской традиции такая структура обнаруживается уже в космогонии, связанной с *Enūma eliš*, где первоначальная реальность связана с водами Апсу и Тиамат. После победы Мардука над Тиамат, которая выступает персонификацией первичного моря, ее тело становится материалом для устройства мира, и из исходного состояния возникает базовая космическая структура [Dalley]. Существенно здесь именно то, что мир учреждается через разделение, через возникающие различия между областями, силами и функциями. Однако все эти различия сохраняют связь с первоначальным целым, так что космос можно понимать как организованное множество, единство которого не уничтожает различий, а возникает благодаря их определенной соотнесенности.

Месопотамская интеллектуальная культура была связана и с наблюдением небесных циклов: движение небесных тел использовалось для календарных расчетов, а со временем это наблюдение вошло в состав сложных систем математического описания периодов [Robson]. При этом развитая математическая астрономия в современном понимании относится уже к позднему периоду месопотамской истории, последних веков до нашей эры [Выгодский: 76—79]. Небо тем самым участвовало в организации времени земной жизни, и календарь, хозяйственная деятельность, ритуалы и астрономические наблюдения входили в единую систему временн*о*й ориентации.

У Гесиода складывается иная космогоническая картина. В его «Теогонии» сначала возникает Хаос, затем Земля, Тартар и Эрос, причем современное значение слова «хаос» здесь несет совершенно иные смыслы, нежели чем у Гесиода, для которого это не беспорядочная масса, а исходный момент космогонического развертывания, после которого возникают определенные области мира и отношения между ними [Гесиод: 31, ст. 116—120]. Земля оказывается одновременно пространством и основанием жизни, Тартар располагается в глубине космоса, небесное и земное связаны общим происхождением, и человек при таком устройстве мира уже находится как бы внутри этой Вселенной, имея там свое законное место.

Философская космология Платона выстроена логически совершенно по-своему. В «Тимее» космос представлен как упорядоченное целое, которое демиург строит по образцу вечного. Платон описывает это через три вещи: вечный образец, восприемницу и то чувственное становление, которое из них получается. Восприемница здесь — это беспорядочно движущаяся среда, которой еще предстоит обрести структуру [Платон: 457—472]. Космос в этой картине возникает через, если можно так выразиться, оформление возможности: демиург сообщает возникающему миру форму, соотнося ее с умопостигаемым образцом и необходимостью, и в результате появляется целое, способное сохранять внутреннюю упорядоченность.

Современная цифровая среда похожим образом состоит из нескольких уровней, которые нельзя свести друг к другу — от физической инфраструктуры до символических объектов и пользовательских данных, а человек видит

лишь интерфейс, за которым скрыты многочисленные недоступные непосредственному восприятию процессы. Цифровой мир поэтому точнее было бы представить как совокупность различных слоев, существующих в постоянной связи, а не просто как некое «второе» или дополнительное, комплементарное пространство наряду с физическим миром.

Здесь появляется понятие, которое нередко ассоциируется с чем-то мистическим — *axis mundi*, ось мира. Важно помнить, что этот термин является «новоделом», в древних культурах он не использовался как общепринятый и универсальный. Его следует рассматривать как понятие из области религиоведения, которое развивал в первую очередь М. Элиаде. В его интерпретации есть некий сакральный центр, который связывает небесный, земной и подземный уровни и становится местом перехода между ними [Элиаде 1994: 27—32]. В ряде традиций эту функцию получает образ мирового дерева с корнями, обращенными в глубины земли, стволом в земном пространстве и кроной, устремленной в небо [Там же: 94—96]. Здесь также важно говорить не о наличии одного универсального «Древа Жизни» в разных культурах, а обращаться к повторяющемуся типу символической структуры, где вертикальная ось связывает различные уровни мира, а вместе с ними — генезис, саму жизнь и некое «обновление».

На этой основе мы уже можем выстроить первый мост к цифровой реальности. Цифровая среда тоже нуждается в структурах, связывающих различные пространства, состояния и идентичности, но здесь эту функцию выполняют уже не мифологические образы, а сети, протоколы, базы данных, программные архитектуры и системы идентификации. И мы видим, что прямого переноса недостаточно, поскольку различия здесь принципиальные: если древняя ось мира символически выражает связность космоса, то цифровая инфраструктура работает иначе — она обеспечивает связность на практике с помощью технических средств.

Хаос, порядок и акт творения: от мифа к генеративным системам

Мотив возникновения порядка из первоначальной неопределенности обладает необычайной устойчивостью и встречается в разных космологических традициях, хотя и здесь конкретные смыслы перехода индивидуальны: в одном мифе мир возникает через разделение первичных вод, в другом — через последовательное рождение космических сил, в других — через деятельность и подвиги божественных строителей.

Особое место среди таких сюжетов занимает миф о потопе, смысл которого — в соединении разрушения и сохранения. Потоп уничтожает существующий порядок, сохраняя при этом условия для нового начала. Библейский рассказ о Ное и месопотамские версии потопа, известные в том числе по «Эпосу о Гильгамеше», представляют разные трактовки этого мотива, и в каждом случае в основе рассказа лежит тема прерывания и продолжения человеческого существования [Эпос о Гильгамеше: 72—82, табл. XI]. Эта тема важна еще и потому, что в ней заложено то, что космос способен претерпеть разрыв собственной непрерывности, а после катастрофы сохраняется что-то, что позволяет начать новый цикл, так что космический порядок оказывается историей возникновения и восстановления.

Возвращаясь к теме технологий, в частности ИИ, можно сказать, что на первый взгляд генеративный ИИ предлагает сходную структуру: модель работает с пространством возможных состояний и выдает конкретный результат. Однако буквальная аналогия с космогоническим хаосом была бы ошибочной,

поскольку данные, на которых обучаются модели, уже структурированы языком, изображениями, социальными практиками, культурными кодами и техническими форматами. То есть генеративная модель не создает порядок из абсолютной неразличенности. Более того, техническое устройство таких систем может быть совершенно различным: в трансформерной архитектуре центральную роль играет механизм внимания, благодаря которому модель учитывает отношения между элементами последовательности [Vaswani et al.: 5998], языковые модели семейства GPT строят генерацию на вероятностном моделировании последовательностей, и масштаб такого подхода был особенно наглядно продемонстрирован в работе о GPT-3, авторегрессионной модели со 175 миллиардами параметров [Brown et al.: 1877]. Диффузионные модели устроены иначе и строят обучение вокруг последовательного зашумления данных и последующего восстановления структуры [Ho et al.]. Для философии, впрочем, существенна проблема перехода от множества возможностей к конкретной форме: генеративная система работает с пространством возможных результатов, а человек получает единичный текст, изображение или другой ответ как финальный.

В этом отношении снова необходимо обратиться к идеям Платона. В «Тимее» космическое устроение связано с переходом от неоформленного движения к определенной структуре. Современная нейронная сеть, разумеется, не является цифровым демиургом, и исторического или онтологического тождества между этими явлениями нет. Однако сходство обнаруживается на уровне более общей проблемы, затрагивающей то, как и каким образом возможность приобретает определенность. У М. Хайдеггера техника становится способом раскрытия сущего: в эссе «Вопрос о технике» современная техника рассматривается через понятие *Gestell*, переданное в переводе В.В. Бибихина как «постав» и обозначающее способ раскрытия, при котором действительное выводится из потаенности в форме состоящего в наличии [Хайдеггер: 228—229].

Однако современность заставляет задуматься о новых вызовах. Развитие генеративных систем создало условия, что ИИ не ограничивается извлечением уже существующего содержания, а производит новые тексты, изображения, звуки и другие формы, которых прежде не существовало в данном конкретном виде, что меняет сам режим культурного производства. Творение перестает быть исключительно изготовлением единичного произведения и становится возможностью почти непрерывной генерации. Здесь снова уместно обратиться к космогонической модели: получается, что цифровая среда перестает существовать как однажды созданная и завершенная конструкция и все больше начинает напоминать «процесс», то есть что-то, что можно многократно пересобирать. При этом и тут нельзя проводить прямых параллелей с древними космологическими представлениями, которые объясняли, каким образом возникает порядок. Для цифровых сред актуальны иные вопросы, например насколько непрерывно и масштабно может производиться порядок и какие последствия способна вызывать «системная» постоянная генерация новых форм.

Фигура посредника:
от священного животного к искусственному агенту

Космологическая модель всегда подразумевает наличие фигуры посредника. Если мир состоит из нескольких уровней, должен существовать способ перехода между ними, не разрушающий эти границы. Посредник по своему определению занимает всегда особое положение, он не принадлежит

полностью человеческому миру и одновременно не является для человека абсолютно чужим, и именно поэтому столь важную роль в разных культурах часто получают животные, которые находятся рядом с человеком, обладают телесной природой и вместе с тем воспринимаются как носители иных сил и форм знания. Например, птица может быть связью с небом, змея в некоторых традициях с подземным миром, бык может олицетворять связь с плодородием и мощью. Хотя эти примеры не универсальны, важно то, что животное выступает фигурой, через которую человеческое вступает в отношения с тем, что превосходит возможности его непосредственного опыта.

Подобным структурам уделяется много внимания в сравнительном религиоведении. В работах упомянутого выше М. Элиаде животные и зооморфные фигуры рассматриваются в связи с шаманскими практиками, переходом между разными уровнями мира и в целом в контексте отношения человека к сакральному [Элиаде 2015: 110—111]. Символ в таком случае выполняет роль связующего звена, и если обратиться к идеям Э. Кассирера, то в его философии символическая форма является одним из способов, посредством которых человек организует собственный мир, а язык и миф, передавая готовые значения, участвуют в формировании человеческого опыта [Кассирер: 35—59, 91].

Можно сказать, что современный ИИ тоже выступает в качестве посредника. Он не является живым существом, и хотя, естественно, не обладает сакральным статусом и его функция определяется технической архитектурой, он нередко занимает промежуточное положение между человеком и средой, которая сама становится все более глубоко технически обусловленной. Пользователь по большей части не знает, как устроен ИИ, он не думает о базах данных, вычислительных цепочках, правилах отбора информации, внутреннем устройстве платформы. Вместо этого человек взаимодействует с интерфейсом, который переводит результаты работы сложной системы в доступную для восприятия форму ответа. То есть ИИ выступает в более важной роли, чем традиционный интерфейс. По определению интерфейс дает просто доступ, а алгоритмический посредник по сути интерпретирует. Эта разница принципиальна, поскольку ИИ-агент способен изменить саму формулировку задачи, предложить последовательность действий, интерпретировать цель и вернуть результат уже после машинной обработки. В этом новые составляющие посредничества: оно становится деятельным.

В метавселенных все это проявляется еще заметнее. Здесь взаимодействуют аватары, виртуальные персонажи, автономные агенты и цифровые двойники, и пользователь входит в цифровую среду через представление самого себя, обращенное одновременно к другим пользователям и к самой системе. В этом смысле аватар нельзя сводить к изображению, он является скорее способом присутствия. Результаты исследования Н. Йи и Д. Бейленсона свидетельствуют, что особенности цифровой репрезентации пользователей способны влиять на их последующее поведение. Этот эффект получил название *Proteus Effect* [Yee, Bailenson]. Отсюда следует, что посредничество действует в обоих направлениях: человек создает свой цифровой образ, который способен возвращаться к нему, заставляя менять уже человеческое поведение.

Axis mundi и цифровая среда: инфраструктура, идентичность, непрерывность

Наиболее существенная трансформация происходит с понятием центра. Древний космос нуждался в месте, через которое можно было мыслить

связность всех уровней. Таким центром могли становиться храм, гора, дерево, город или святилище, тогда как цифровой мир не имеет единственного центра в физическом смысле, и его ось оказывается распределенной. Для аналитических целей в цифровой среде можно выделить несколько уровней: физическую инфраструктуру (серверы, устройства, сети, центры обработки данных), без которой виртуальность не существует; сами виртуальные пространства, включающие цифровые объекты, аватары, игровые миры; алгоритмическую организацию, определяющую, какая информация попадает в поле внимания человека и какие объекты могут быть созданы; и память, куда относятся профили, изображения, сообщения и другие артефакты человеческого присутствия [Алексеев]. Эти уровни взаимосвязаны и между собой, и в конечном счете с человеческим действием.

В таком случае *axis mundi* можно использовать как эвристическое понятие для описания цифровой связности, поскольку здесь речь идет о системе отношений, позволяющей человеку перемещаться между различными режимами присутствия. Разница с древними представлениями относится к категории времени, поскольку традиционные космологические представления связывали человеческую жизнь с ритмами небесных циклов, а в цифровой среде возникает другая форма «временности». Здесь мы имеем в виду, что пользователь способен возвращаться в сохраненную среду, восстанавливать свой профиль, он имеет доступ к старым сообщениям, изображениям и другим следам собственного прошлого, то есть может как бы вернуться назад и начать со старой точки.

Б. Стиглер рассматривает технический объект в связи с временной структурой человеческого существования и показывает, что техника включена в формирование человеческой историчности [Stiegler: 17—18]. Как он пишет, технические формы представляют собой нечто большее, чем просто средства работы с уже существующим временем. Можно сказать, что они участвуют в его «организации». Это особенно наглядно проявляется, если рассматривать цифровую среду и вернуться к тем примерам, которые мы привели чуть выше. Более того, здесь любые артефакты, включая видео и фотографии, голос и тексты выступают материалом для дальнейшей обработки. Так возникает феномен цифровой персистентности, который, впрочем, не тождественен бессмертию. При всем изложенном сохраненные данные не являются «продолжающимся» субъектом, архив не тождествен личности, а цифровой двойник не эквивалентен сознанию и не продолжает его лишь потому, что воспроизводит некоторые особенности поведения или внешнего образа. Здесь дело заключается в том, что техническая система способна работать с человеческими следами как с устойчивыми и доступными слоями общей среды.

В этом самом смысле можно провести осторожную параллель с мировым древом, которое в символических системах олицетворяет продолжение жизни, преемственность и обновление. При этом параллель не совсем полная, потому что цифровая инфраструктура создает собственную форму продолжения, сохраняя след человека и соединяя его с новыми данными, она делает возможным его дальнейшее использование в генеративных процессах. То есть здесь непрерывность не обеспечивает тождество, так как сохраненный цифровой образ человека является образом, а не самим субъектом, и прошлое, следовательно, оказывается не объектом хранения, а материалом для использования и производства на его основе чего-то нового.

На эти мысли нас вывело понятие космотехники Юка Хуэя, который показывает связь технических форм с определенным историко-метафизическим пониманием мира и человека [Хуэй: 12—13]. Следуя его мысли, можно утверждать, что техническая инфраструктура воплощает определенные представления о данных, памяти, субъекте, времени и пространстве, организуя через операции с информацией условия, в которых человек встречается с миром. Поэтому цифровую ось мира следует искать в совокупности структур, обеспечивающих связность цифрового существования.

Человек в новом космосе:
онтологические и экзистенциальные последствия

Разговор о виртуальном мире неизбежно приводит к теме реальности. Повседневное противопоставление физического и виртуального, как правило, предполагает, что первое реально, а второе лишь воспроизводит реальность, но с философской точки зрения такая позиция выглядит грубой. Цифровой объект действительно существует благодаря вычислительным процессам и физической инфраструктуре, и хотя его способ существования отличается от способа существования природного объекта или человеческого тела, это еще не делает его чистой фикцией. Д. Чалмерс развивает идею, что виртуальные объекты могут рассматриваться как реальные цифровые объекты, а события в виртуальных мирах способны обладать реальностью при своем специфическом способе существования [Chalmers: 309—312]. Получается, что на самом деле вопрос лишь в том, каков способ существования виртуального (реально ли оно вообще — не тема для разговора). Ведь оно существует через структуру данных и вычислительные процессы, его свойства зависят от правил системы и от технической инфраструктуры. Этот взгляд помогает понять и «природу» метавселенной таким образом, чтобы не думать о том, что виртуальная среда обязана конкурировать с физическим миром за статус «настоящей»: она может рассматриваться как особый режим существования объектов, действий и отношений.

Важный вопрос касается собственно «человеческого». Н.К. Хейлз еще в конце прошлого века показала, как осуществлялось становление информационных моделей субъекта вместе с пересмотром представлений о человеческой природе, включая тему телесности, границы субъекта и его отношение к технической среде [Hayles: 2—3]. Кажется, что здесь могло бы быть уместно свести человека к совокупности информации, которую можно сохранить и перенести в другую (цифровую) среду, однако такой вывод был бы необоснованным: как мы показали выше, информационная репрезентация человека не тождественна человеку, и это различие особенно ярко проявляется в контексте темы цифровой персистентности, поскольку сохраненный голос, текстовый архив и даже поведенческий профиль не обеспечивают продолжение субъекта.

Древние космологические представления «помещали» человека внутрь более широкого порядка, и в такой модели человек был частью космоса и одновременно существом, способным интерпретировать его посредством языка, мифа, ритуала и символа. Современный цифровой человек существует внутри среды, которую сам создал, однако не способен полностью осознать ее устройство, поскольку сети, алгоритмы, вычисления и базы данных образуют такую сложность, которая значительно превосходит возможности непосредственного человеческого опыта.

И здесь вновь возникает фигура искусственного посредника. ИИ становится способом входа в цифровую среду. С его помощью пользователь коммуницирует с системой на естественном языке, взаимодействуя с большими объемами информации и сложными инструментами, минуя действия, которые без такого посредника потребовали бы множество отдельных операций. Здесь статус человека меняется. Если в прошлом при взаимодействии с технологиями человек управлял машиной, то теперь системы способны интерпретировать человеческий запрос и «самостоятельно» выполнять сложные последовательности операций, то есть, мы видим, меняется структура связи намерения и результата, между которыми возник новый технический слой.

У Хайдеггера человеческая экзистенция подразумевает обитание в мире и принадлежность истине бытия, а смертность является непременной чертой человеческого существования [Хайдеггер: 216—217, 323—324]. То есть речь идет об определенной укорененности, иными словами, о пространственной определенности. Цифровая среда способна ее ослаблять: пользователь может физически находиться в одном месте, ведя социальную жизнь в совершенно других пространствах и сохраняя целые сегменты собственного опыта в сети. Трактовать такую множественность исключительно в негативном ключе, например, как утрату, мы бы, впрочем, не стали. Тут существуют и положительные моменты, например, цифровые среды позволяют сохранять и поддерживать коллективную память, общаться на расстоянии, и в этом смысле цифровое присутствие может быть полезным продолжением опыта, а не его заменой или профанацией. Однако это не дает ответ на вопрос, возможна ли укорененность в цифровом сегменте. Едва ли она может означать растворение человека в информационной среде, тут скорее речь идет о новой конфигурации связи между телом, памятью, пространством, другими людьми и техническими системами.

Снова обратимся к концепции космотехники Хуэя [Хуэй: 13—14]. В этом дискурсе, казалось бы, технический вопрос оборачивается вопросом о мироздании: нужно воспринимать технику как что-то, что участвует в том, каким миропорядок становится доступен человеку. И в таком случае метавселенная может предстать в качестве эксперимента по организации человеческого мира, где ИИ занимает промежуточное положение между разными уровнями цифровой среды, получая данные, преобразуя их в символические формы и взаимодействуя с человеком.

Однако если посредник в прошлом позволял человеку вступать в отношение с космосом, который мыслился прежде всего как данность и внутри которого человек должен понять свое собственное место, то цифровой посредник, помогая человеку взаимодействовать с миром, действует иначе, потому что в этой ситуации человек сам участвует в создании среды, где технические системы становятся ее составной частью.

Но это не значит, что можно говорить о линейном прогрессе. Проблематичным остается ответ на вопрос, кто является источником порядка в цифровом космосе, где человек создал посредника, который участвует в производстве самого мира. Что или кто здесь мог бы выступать краеугольным камнем? Участники этой модели многочисленные и разнокачественные: человек, алгоритм, инфраструктура и распределенная система отношений. При этом ни один из этих участников уже не обладает полным контролем над происходящим.

Поэтому главный философский вопрос цифровой эпохи связан не с тем, заменит ли ИИ человека, такая постановка проблемы слишком узкая. Важнее понять, как меняется природа человеческого существования, когда между человеком и миром появляется технический посредник, способный интерпретировать, сохранять и на этой основе генерировать элементы этого мира.

Заключение

Мы не делали попытку рассмотреть древние космологии как скрытые проекты ИИ или использовать их в качестве предсказаний о появлении метавселенных. Как мы показали, между месопотамским мифом, платоновской космологией и современными вычислительными системами не прослеживается прямая историческая преемственность, и попытка установить такое тождество исказила бы и древние тексты, и смыслы, относящиеся к современным технологиям.

Суть сопоставления, предпринятого в статье, лежит в другой плоскости. Древние космологические представления обнаруживают фундаментальную потребность человеческого мышления представить мир как связанную множественность: небо, земля и подземное образуют порядок, внутри которого каждое пространство соотнесено с другими, хаос выступает началом или пределом, и на его фоне становится очевидной необходимость некоего «космического» упорядочивания. Поэтому в таких сюжетах появляется фигура посредника, способного осуществлять переход между разными уровнями. *Axis mundi* обеспечивает вертикальную связность, а многочисленные символы служат целям репрезентации модели мироздания в форматах, доступных для человеческого восприятия.

Цифровая культура оперирует этими же или, возможно, похожими проблемами в новых формах. Здесь категории физического, виртуального, алгоритмического и памяти (то есть архива) образуют многослойную среду. Генеративные системы позволяют постоянно производить новые символические формы. Со своей стороны и память структурно меняется, становясь технически поддерживаемой и долговременной. Поскольку ИИ занял промежуточное положение между человеком и техническими системами, выступив посредником, меняются основания того, что ранее относилось только к человеку: интерпретация, творчество и созидание, и, следовательно, действие. Поменялась качественно и ось мира. Если в древности она определяла единый сакральный центр, то сейчас она является распределенной, и ее устойчивость определяется непрерывностью вычислений, сетями, памятью и др.

Поэтому меняется содержание идеи непрерывности. Мировое древо в древних символических системах подтверждало то, что жизнь продолжается и обновляется, тогда как цифровая система обеспечивает появление новых форм присутствия, которые пока, как представляется, не получили адекватного онтологического осмысления. Это не продолжение жизни после смерти и память в традиционном смысле, а некое промежуточное состояние между сохранением и порождением. Поэтому ключевым вопросом может быть то, какой тип мира возникает там, где техническая система одновременно сохраняет прошлое, интерпретирует настоящее и генерирует возможные формы будущего.

От ответа зависит и понимание ИИ. Данная тема становится философски значимой, когда мы воспринимаем ИИ в качестве фигуры посредника,

только теперь он не ведет человека к богам и не открывает сакральное пространство, а связывает человека с миром, который сам становится результатом технического проектирования.

Отсюда возникает последняя, пока открытая проблема: древняя космология отвечала на вопрос о месте человека в космосе, тогда как современная техника создает условия, при которых человек уже не остается единственным существом, способным производить порядок, интерпретировать символы и поддерживать память.

Следовательно, размышляя о человеческом будущем, уместно обратиться к тому, что в рамках древних космологий мир выстраивается через систему связей, память, временность, различия и возможность занять внутри них определенное место. Как нам представляется, цифровые среды заставляют задуматься о том же самом: о месте человека в мире, обусловленном технологиями.

Список литературы / References

Алексеев А.Ю. Электронная культура в контексте постнеклассической методологии // Культура: теория и практика: электронный научный журнал. 2014. № 2. URL: http://theoryofculture.ru/issues/29/623/ (дата обращения: 30.07.2026).

(Alekseev A.Yu. Electronic culture in the context of post-non-classical methodology, *Culture: Theory and Practice*, 2014, no. 2. — In Russ.)

Выгодский М.Я. Арифметика и алгебра в древнем мире. М.: Наука, 1967. 368 с.

(Vygodsky M.Ya. Arithmetic and algebra in the Ancient World, Moscow, 1967, 368 p. — In Russ.)

Гесиод. Теогония / пер. с древнегреч. В.В. Вересаева // Эллинские поэты VII—III вв. до н. э. Эпос. Элегия. Ямбы. Мелика. М.: Ладомир, 1999. С. 29—50.

(Hesiod. Theogony, transl. from Ancient Greek by V.V. Veresaev, *Greek Poets of the 7th—3rd Centuries BC. Epic. Elegy. Iambics. Melic Poetry*, Moscow, 1999, pp. 29—50. — In Russ.)

Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 2. Мифологическое мышление / пер. с нем. С.А. Ромашко. М.; СПб.: Университетская книга, 2002. 280 с.

(Cassirer E. The Philosophy of symbolic forms, vol. 2. Mythical thought, transl. from German by S.A. Romashko, Moscow; Saint Petersburg, 2002, 280 p. — In Russ.)

Платон. Тимей / пер. с древнегреч. С.С. Аверинцева // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. С. 421—500.

(Plato. Timaeus, transl. from Ancient Greek by S.S. Averintsev, *Plato. Collected Works: in 4 vols*, vol. 3, Moscow, 1994, pp. 421—500. — In Russ.)

Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Республика, 1993. С. 221—238.

(Heidegger M. The question concerning technology, *Heidegger M. Time and being: articles and speeches*, transl. from German by V.V. Bibikhin, Moscow, 1993, pp. 221—238. — In Russ.)

Хуэй Юк. Вопрос о технике в Китае: эссе о космотехнике / пер. с англ. Д. Шалагинова. М.: Ad Marginem, 2023. 320 с.

(Hui Yuk. The question concerning technology in China: an essay in cosmotechnics, transl. from English by D. Shalaginov, Moscow, 2023, 320 p. — In Russ.)

Элиаде М. Священное и мирское / пер. с фр. Н.К. Гарбовского. М.: МГУ, 1994. 143 с.

(Eliade M. The sacred and the profane, transl. from French by N.K. Garbovsky, Moscow, 1994, 143 p. — In Russ.)

Элиаде М. Шаманизм. Архаические техники экстаза / пер. с фр. К. Богуцкого, В. Трилис. М.: Академический проект, 2015. 400 с.
(Eliade M. Shamanism: archaic techniques of ecstasy, transl. from French by K. Bogutsky, V. Trilis, Moscow, 2015, 400 p. — In Russ.)

Эпос о Гильгамеше («О все видавшем») / пер. с аккад. И.М. Дьяконова. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1961. 214 с.
(The Epic of Gilgamesh ("He Who Saw the Deep"), transl. from Akkadian by I.M. Dyakonov, Moscow; Leningrad, 1961, 214 p. — In Russ.)

Brown T.B., Mann B., Ryder N. et al. Language models are few-shot learners, *Advances in Neural Information Processing Systems 33 (NeurIPS 2020)*, 2020, pp. 1877—1901.

Chalmers D.J. The virtual and the real, *Disputatio*, 2017, vol. 9, no. 46, pp. 309—352.

Dalley S. Myths from Mesopotamia: creation, the flood, Gilgamesh, and others, Oxford: Oxford University Press, 2000, 339 p.

Hayles N.K. How we became posthuman: virtual bodies in cybernetics, literature, and informatics, Chicago: The University of Chicago Press, 1999, 350 p.

Ho J., Jain A., Abbeel P. Denoising diffusion probabilistic models, *Advances in Neural Information Processing Systems 33 (NeurIPS 2020)*, 2020, pp. 6840—6851.

Robson E. Mathematics in Ancient Iraq: a social history, Princeton: Princeton University Press, 2008, 441 p.

Stiegler B. Technics and time, 1: the fault of Epimetheus / transl. by R. Beardsworth, G. Collins, Stanford: Stanford University Press, 1998, 295 p.

Vaswani A., Shazeer N., Parmar N. et al. Attention is all you need, *Advances in Neural Information Processing Systems 30 (NIPS 2017)*, 2017, pp. 5998—6008.

Weinberger M. What is Metaverse? — A definition based on qualitative meta-synthesis, *Future Internet*, 2022, vol. 14, no. 11, art. 310.

Yee N., Bailenson J. The Proteus effect: the effect of transformed self-representation on behavior, *Human Communication Research*, 2007, vol. 33, no. 3, pp. 271—290.

COSMOS, CHAOS, AND THE MEDIATOR: THE STRUCTURE OF ANCIENT COSMOLOGICAL CONCEPTIONS AND THE ARCHITECTURE OF DIGITAL ENVIRONMENTS

Oleg N. Gurov
State Academic University for the Humanities; Centre for Artificial Intelligence, MGIMO, Moscow, Russian Federation, gurov@duck.com

Abstract. The article examines ancient cosmological conceptions (Mesopotamian, Hesiodic, and Platonic) as a source of conceptual language for analyzing contemporary digital environments: metaverses and artificial intelligence systems. The problem addressed is that the concepts used to describe virtual worlds (space, presence, mediator, memory) are borrowed from earlier cultural traditions, yet their original structure often remains insufficiently clarified. The novelty of the approach lies in systematically comparing three structural elements of ancient cosmological conceptions, namely the connected multiplicity of the world's levels, the figure of the mediator, and the world axis (axis mundi), with the architecture of digital environments, while consistently rejecting any claim of historical continuity between them. The material comprises Mesopotamian, ancient Greek, and Platonic cosmological texts, together with recent work on generative artificial intelligence, philosophy of technology, and virtual ontology. It is shown that artificial intelligence structurally occupies the position of a mediator between the human being and an increasingly complex

technical environment, and that digital infrastructure performs a function analogous to the axis mundi, while remaining fundamentally unique in nature. The conclusion is that ancient cosmological conceptions do not predict the emergence of digital environments but reveal a persistent anthropological need to conceive the world as a connected multiplicity.

Keywords: ancient cosmological conceptions, artificial intelligence, metaverse, mediator, axis mundi, philosophy of technology

Acknowledgments: this article was prepared at the State Academic University for the Humanities as part of a state assignment from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project FZNF-2026-0004 “Digitalization and Its Impact on Contemporary Society and Culture: Cognitive, Legal, and Economic Challenges and Prospects”).

For citation: Gurov O.N. Cosmos, chaos, and the mediator: the structure of ancient cosmological conceptions and the architecture of digital environments, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2026, Special issue, pp. 150—162.

Статья поступила в редакцию 14.08.2026; одобрена после рецензирования 22.09.2026; принята к публикации 25.09.2026.

The article was submitted 14.08.2026; approved after reviewing 22.09.2026; accepted for publication 25.09.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Гуров Олег Николаевич — кандидат философских наук, доцент философского факультета Государственного академического университета гуманитарных наук, научный сотрудник Центра искусственного интеллекта МГИМО, г. Москва, Россия, gurov@duck.com, SPIN: 8716-3550

Gurov Oleg Nikolaevich — Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor at the Faculty of Philosophy, State Academic University for the Humanities, Research Associate at the Centre for Artificial Intelligence, MGIMO, Moscow, Russian Federation, gurov@duck.com

Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2026. Специальный выпуск. С. 163—170.
Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Special issue. P. 163—170.

Научная статья
УДК 13:294.3
EDN https://elibrary.ru/ixxkbe
DOI: 10.46726/H.2026.5.17

ПРИНЦИП НИСХОДЯЩЕЙ МЕНТАЛЬНОЙ КАУЗАЛЬНОСТИ В ДИАЛОГЕ КОГНИТИВНОЙ НАУКИ И БУДДИЗМА

Петр Дмитриевич Абрамов
Омский государственный университет путей сообщения, Омский государственный медицинский университет, г. Омск, Россия, pab87@yandex.ru

Аннотация. Тема общей концептуальной платформы науки и буддизма актуальна не только в связи с совместными обсуждениями, но и исследовательскими проектами. Один из фундаментальных элементов этой платформы — принцип нисходящей ментальной каузальности. Исследователи, такие как К.В. Анохин, следуя установкам эмерджентного материализма, не редуцируют сознание к материи, отмечая его реорганизующее воздействие на мозг. В свою очередь, буддийская традиция признает значение материальных факторов для многих явлений. Интеракционизм сознания и мозга в философиях Д.И. Дубровского и К. Поппера, Дж. Экклса дополняет эту платформу. Наконец, в подходе «биокультурных онтологий», используемом для объяснения воздействия медитации на организм тибетских монахов, также находит выражение принцип нисходящей ментальной каузальности.

Ключевые слова: сознание, диалог, эмерджентный материализм, буддийская философия, нисходящая каузальность

Для цитирования: Абрамов П.Д. Принцип нисходящей ментальной каузальности в диалоге когнитивной науки и буддизма // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Специальный выпуск. С. 163—170.

Диалог науки и буддизма о сознании — это обширная тема. В этом диалоге принимали участие многие ведущие как зарубежные, так и отечественные ученые, такие как К.В. Анохин. Данная тема значима не только для философии религии, но и для онтологии, так как *затрагивает вопрос о соотношении материальных, исследуемых наукой, и духовно-идеальных, признаваемых религией, начал*. Этот диалог начался с конференции 2017 года. По мнению участника встреч с Далай-ламой Д.И. Дубровского, диалог буддизма и российских исследователей будет способствовать созданию «общей концептуальной платформы» [Природа сознания: 304]. Эту платформу можно рассматривать с философской и с научной стороны. Она включает в себя положения онтологического и научно-методологического характера. Причем на основе встреч российских ученых и буддистов реализуется проект по исследованию различных видов медитаций, в первую очередь «тукдам». Данный проект, проводимый С.В. Медведевым (1949—2025), Ю.А. Бойцовой, Ю.А. Бубеевым, А.Я. Капланом и другими учеными, в том числе монахами-исследователями, отражен в публикациях (см.: [Medvedev et al.]).

© Абрамов П.Д., 2026

Соответственно, на данный момент можно говорить об общей концептуальной платформе не просто на основе совместных обсуждений, но и исследовательских проектов в области медицины и физиологии. К основе диалога буддистов и ученых или общей концептуальной платформе В.С. Белимова относит межкультурную философию [Белимова: 269]. Сюда же относится и нейрофеноменология Ф. Варелы, один из широко признанных подходов к исследованию сознания. Они, безусловно, значимы. Цель же данной статьи — *рассмотреть принцип нисходящей ментальной каузальности в диалоге буддизма и когнитивных наук, нейробиологии*. Ментальная каузальность — это способность сознания оказывать реорганизующее воздействие на функционирование мозга и, шире, всего организма. Будет проанализировано, как этот принцип проявляет себя как на общем, онтологическом, так и на методологическом уровне.

Интеракционизм в науке и буддизме:
воздействие сознания на материю и роль вещественных факторов

Для религии и религиозной философии определяющим является причинное воздействие «сверху вниз», со стороны сознания на материю. Притом в качестве важнейшего типа сознания признается более развитое, чем человеческое, богоподобное, а в теистических религиях — сознание самого Бога. В буддизме Махаяны, в частности, принимается влияние бодхисаттв на вселенную с целью освободить от невежества и страданий населяющих ее существ.

Для того чтобы состоялся продуктивный диалог религиозно-философских учений и естественных наук, необходимо, чтобы первые признавали в качестве значимого не только причинное воздействие со стороны идеального, но и естественную, природную причинность. В буддизме сложное представление о причинности. В.Г. Лысенко замечает по данному вопросу: «Когда мы говорим о возникновении какого-либо явления, то никогда не может быть одной единственной причины. Причин всегда много. Но в этой множественности есть факторы прямого причинения, а есть дополнительные, обусловливающие факторы <…> второго порядка <…> без которых явление не возникло бы» [Природа сознания: 334]. Одного зерна для появления растения мало, нужна еще и почва, вода и др. Зачастую одних ментальных факторов для реализации намерения недостаточно, нужны еще соответствующие состояние здоровья, социальные условия и т. д. В буддизме, точнее в таком его направлении как мадхьямика-прасангика, к которому относится Далайлама, признается *значение материальных факторов как дополнительных, обуславливающих на уровне относительной реальности*.

Какая позиция со стороны науки, если не делает невозможным, то, по крайней мере, затрудняет диалог? Это физикалистская философия, исходящая из принципа каузальной замкнутости физического, того, что материальные изменения могут быть обусловлены только другой материей. Меняется материя, например материя мозга, меняется и сознание, и никак иначе. Это философия, признающая сознание или эпифеноменом, или чем-то вторичным и производным от материи.

В диалектическом или эмерджентном материализме (в данном контексте для нас несущественны различия между ними) принимается реальность сознания и его несводимость к нижележащим уровням материи.

В эмерджентизме каждый последующий уровень развития материи качественно отличается от предыдущих, как отмечает Анохин, «он реорганизует и меняет их, так что они эволюционируют все вместе» [Природа сознания: 170]. Таким образом, в диалектическом материализме признается воздействие «сверху вниз»: мечта, стремление меняют физиологию и поведение человека, а также человек создает государство, технику, способы хозяйствования существенным образом трансформирующие природу, из которой он вышел. Однако при этом сознание функционирует в связи со сложноорганизованной материей мозга и, шире, всего тела. Организм существует во взаимосвязи с природной и цивилизационной средой. Анохин разрабатывает гиперсетевую теорию, в которой разум — это сложная структура нейронных гиперсетей, а сознание — особый процесс в ней. Разум сохраняется в течение жизни, сознание же может пропадать, например, человек не осознает себя в состоянии глубокого сна.

Анохин отмечает, что «живой организм, обладающий разумом и сознанием, действует согласно причинам, относящимся к сфере ментальных причин, которые не могут быть описаны языком физики или химии» [Природа сознания: 170]. Мы обратились к идеям Анохина, но схожие эмерджентно-материалистические принципы есть и в трудах С.В. Медведева. Получается, что универсум ментальных причинно-следственных связей не может быть описан языком физики и химии, он не сводим к ним. Итак, *эмерджентный нередуктивный материализм, поскольку он признает воздействие со стороны сознания* (понимаемого как порождение высокоорганизованной материи) *на вещество мозга, имеет пространство для взаимодействия с буддизмом*, обусловленное частичным совпадением в понимании причинности. Ведь как уже отмечалось, для буддизма в качестве обуславливающих значимы вещественные факторы.

Не стоит забывать и об отличиях в понимании сознания религиозно-философской системы буддизма и натуралистически ориентированной науки. Согласно буддизму, сознание не порождается биологической материей, имеет своей причиной другое сознание и на тонком уровне может существовать вне мозга. При этом для буддизма на фундаментальном уровне единой реальности сознание неотделимо от материи, только это не нейроны или квантовые частицы, а наиболее тонкая форма материи — прана. Прана представляет собой «аспект подвижности, динамики и сцепления, тогда как сознание — познающий аспект и способность к рефлективному мышлению» [Далай-лама: 146]. В такой позиции *идеальное предполагает материальное, слито с ним и, соответственно, не возникает проблемы взаимодействия идеального и материального*, как в картезианском дуализме. К интеракционизму на основе натурализма относятся и две следующие, уже не научные нейробиологические, как у Анохина и Медведева, а философские теории.

Интеракционизм в философии Д.И. Дубровского, К. Поппера, Дж. Экклса

Дубровский с материалистических позиций полагает, что возникновение сознания обусловлено биологической эволюцией. Однако субъективная реальность — это автономная сфера, имеющая онтологическое, гносеологическое, праксиологическое и аксиологическое измерения. Мозг и субъективная реальность с позиции Дубровского — «явления одновременные

и однопричинные, находящиеся в отношении взаимооднозначного соответствия» [Природа сознания: 245], или особой функциональной связи. *Сознание, выступающее по отношению к мозгу как информация, способно менять его нейродинамические коды*. Вот схема, на которой на основе трудов Дубровского отображено взаимодействие сознания и мозга при посредстве информации:

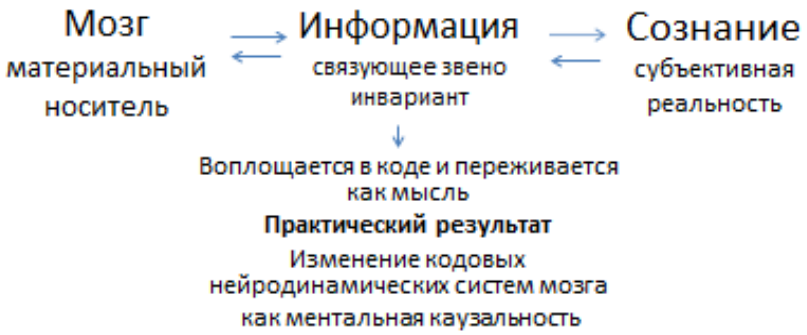

Рис. 1. Информация как посредник между сознанием и мозгом в философии Д.И. Дубровского

Примечательно, что субъективная реальность включает в себя не только когнитивную, но и ценностную составляющую. Дубровский утверждает: «Мы обязаны не впадать в панику, в душевный ступор, крепить свой дух, всемерно поддерживать оптимистическую перспективу, веру в благие возможности нашего разума» [Природа сознания: 319]. Помочь укрепить дух, преодолеть слабость воли, по мысли Дубровского, способен буддийский опыт развития внимания, самоконтроля, воспитания сострадания. Как бы эмпирическим подтверждением идей Дубровского по изменению нейродинамических кодов мозга являются исследования, показавшие, что у опытных практикующих префронтальная кора головного мозга, отвечающая за логическое мышление и воображение, «анатомически больше и активнее, чем у контрольной группы» [Природа сознания: 105].

Другой теорией, с которой знакомы сами буддисты и которая могла бы выполнять роль методологического посредника во взаимодействии науки и буддизма, является интеракционистская теория трех миров Поппера: первый и второй миры — это материя и сознание, а третий мир — мир культуры, материальных и идеальных творений человека. Далай-лама был лично знаком с Поппером. Он отмечает: «Поразительно, что Карл Поппер, который, насколько я знаю, не изучал буддийскую философию, пришел практически к такой же классификации категорий реальности» [Далай-лама: 164]. Нужно сделать уточнение, что для буддизма это объекты обусловленной, а не фундаментальной, изначальной реальности, которая целостна и неделима. Поппер, в развитии своей теории трех миров, активно сотрудничал с Дж. Экклсом, лауреатом Нобелевской премии по физиологии и медицине, так они совместно выпустили книгу «Я и его мозг: аргумент в пользу интеракционизма» [Popper, Eccles]. Приведем схему из одной из последних книг Экклса «Как Я контролирует мозг».

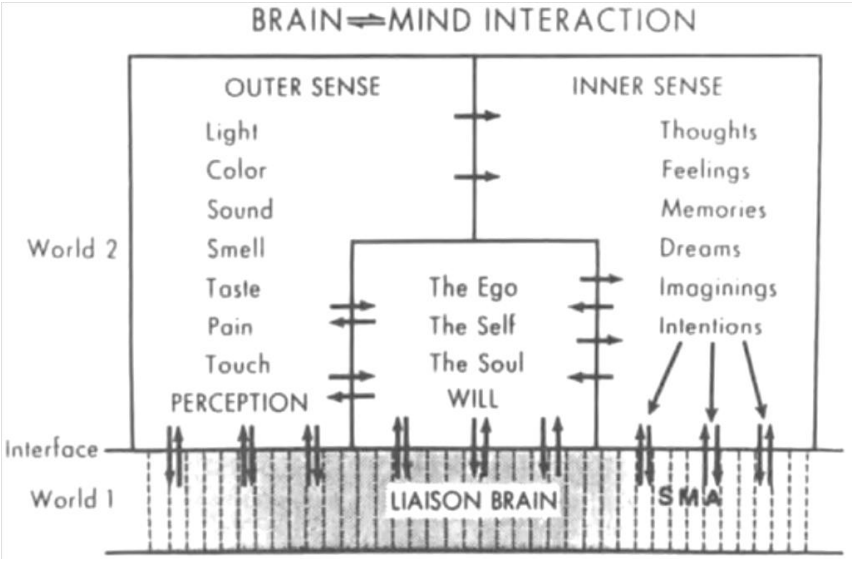

Рис. 2. Схема взаимодействия миров 1 и 2 Дж. Экклса [Eccles: 10]

Мир 3 у Экклса, как сторонника теории трех миров, также играет важную роль, но на данной схеме, поскольку она посвящена взаимодействию сознания и мозга, этот мир не учитывается. Интеракционизм сознания и материи в теориях Дубровского, Поппера и Экклса также мог бы войти в общую концептуальную платформу буддистов и ученых.

Значимо, что ментальная каузальность признается, но отдельного рассмотрения требует вопрос о ее типах с позиции субстанциальности сознания. Выделяются сильный, средний и слабый типы нисходящей причинности [Колосова]. У Дубровского и Анохина скорее слабый тип причинности — сознание как аттрактор внутри материи, а у Поппера и Экклса — сильный тип причинности, где сознание — это отдельная, пусть и эволюционно порожденная субстанция (или мир).

От онтологического к методологическому уровню: межкультурная философия и «биокультурные онтологии»

На онтологическом уровне мы рассмотрели взаимообусловленность сознания и материи. Перейдем к общеметодологическому уровню. Он состоит во взаимодополнительности разных культур, а также науки и религии. *Взаимодополнительность разных культур отстаивается в межкультурной философии*, она проявляет себя между разными традициями и философиями. Белимова подчеркивает значение когнитивной скромности, ссылаясь на М.Т. Степанянц. Р.А. Малл пишет о том, что поскольку ни одна культура и ни одна философия не являются единственными, то они не имеют права абсолютизировать себя [Белимова: 261]. С этим можно согласиться, но с той оговоркой, что при уважении ко всем культурам, среди них есть великие, хотя бы с точки зрения их исторического и цивилизационного влияния.

Белимова в своей статье упоминает монографию «Наука и религия: нераздельность и неслиянность». В этой монографии отстаивается взаимодополнительность науки и религии, понятая не как совокупность традиций или как социальный институт, но как практика созерцания, получения и развития внутреннего, духовного опыта [Наука и религия]. В рамках буддизма

присутствует свой подход к исследованию сознания. Он основан на практике медитации, которая является опытом от первого лица, но его результаты могут подвергаться интерсубъективной проверке со стороны других, более опытных практиков. Кроме того, сам медитирующий не отказывается от логики и анализа с целью корректировки своих регулярных, чаще всего каждодневных и многочасовых опытов. В буддизме также разработана детализированная классификация ментальных факторов и состояний сознания. В силу данных оснований *буддийский подход к исследованию сознания* также можно назвать наукой особого типа, по крайней мере, *в нем есть экспериментальная (пусть и связанная с внутренним опытом) и аналитическая составляющие*.

Принцип взаимодополнительности науки и религии, естественно, не только буддизма, но христианства, ислама и других религий, позволяет со всей серьезностью относиться к религиозному созерцательному, аскетическому опыту. Этот принцип имеет фундаментальный характер, без него аскетический опыт религии следовало бы отнести к области когнитивных и иных отклонений. Однако в рассматриваемом диалоге науки и буддизма преимущественное значение имеет не он, а межкультурная философия, точнее даже не она, а базирующаяся на базовых философских принципах межкультурная антропология.

Для ученых, изучающих феномен «тукдам», проявляющийся в замедленном разложении после смерти тела опытных практиков, важны отличия в представлениях о смерти и умирании в западной и буддийско-тибетской культуре. Буддийские медитативные практики и представления о смерти рассматриваются не просто как верования и обычаи, но как факторы, влияющие на сам процесс умирания. Д. Колеман в рамках своего онтологического подхода, представления о разных «онтологических телах» в разных культурах пишет: «…различные формы осмысления и восприятия способствуют различным формам бытия. Такой подход представляется уместным в случае различных культурных тел и процессов смерти, с которыми мы сталкиваемся в случае тукдама» [Coleman: 486]. В рамках этого подхода *есть не просто одна физиология и разные культурные представления о ней, но и мысль, сознание, влияющие на функционирование тела*. Постулируется наличие различных биокультурных онтологий [Tidwell] или различий в функционировании организма в зависимости от культурных, религиозно-философских традиций, точнее, влияют не эти традиции сами по себе, а базирующиеся на них медитативные практики. Исследователями подтверждено замедленное разложение тела опытных практиков после смерти [Tidwell et al.]. Эти случаи необычны и даже бросают вызов ряду устоявшихся представлений в области патологоанатомии. Тем не менее они не сильно выходят за рамки натуралистической парадигмы в отличие от реинкарнации, где предполагается существование сознания вне тела. В итоге, *в подходе «биокультурных онтологий»*, используемом для объяснения воздействия медитации на организм, также находит выражение *принцип нисходящей ментальной каузальности*.

Список литературы / References

Белимова В.С. Диалог между буддизмом и наукой: от трудных вопросов о сознании к изучению феномена посмертной медитации «тукдам» // Идеи и идеалы. 2023. Т. 15. № 4. Ч. 2. С. 254—281.

(Belimova V.S. Dialogue between Buddhism and science: from difficult questions about consciousness to the study of the phenomenon of posthumous meditation “Tukdam”, *Ideas & Ideals*, 2023, vol. 15, no. 4, part 2, pp. 254—281. — In Russ.)

Далай-лама XIV (Гьяцо Т.). Вселенная в одном атоме: Наука и духовность на службе миру / пер. с англ. С. Хоса. М.: Фонд «Сохраним Тибет», 2018. 256 с.
(Dalai Lama XIV (G'yatso T.). The Universe in a single atom: science and spirituality in the service of peace, transl. from English by S. Khos, Moscow, 2018. 256 p. — In Russ.)

Колосова А.А. Анализ нисходящей причинности в теории эмерджентности // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2026. Т. 50. № 1. С. 106—121.
(Kolosova A.A. Analysis of downward causality in emergence theory, *Lomonosov Philosophy Journal*, 2026, vol. 50, no. 1, pp. 106—121. — In Russ.)

Наука и религия: нераздельность и неслиянность: монография / под ред. А.В. Иванова и И.В. Фотиевой. Барнаул: Новый формат, 2023. 628 с.
(Science and religion: inseparability and disunity: a monograph, ed. by A.V. Ivanov and I.V. Fotieva, Barnaul, 2023, 628 p. — In Russ.)

Природа сознания. Беседы Далай-ламы с российскими учеными / под ред. В. Лысенко. М.: Фонд «Сохраним Тибет», 2023. 400 с.
(The nature of consciousness. Conversations of the Dalai Lama with Russian scientists, ed. by V. Lysenko, Moscow, 2023, 400 p. — In Russ.)

Coleman D. Tukdam, different ontological bodies, and making Tibetan deaths visible, *Culture, Medicine, and Psychiatry*, 2025, vol. 49, no. 2, pp. 486—516.

Eccles J.C. How the self controls its brain, Berlin; Heidelberg: Springer Science & Business Media, 2012, 216 p.

Medvedev S.V., Boytsova J.A., Bubeev Y.A. et al. Traditional Buddhist meditations reduce mismatch negativity in experienced monk-practitioners, *International Journal of Psychophysiology*, 2022, vol. 181, pp. 112—124.

Popper K.R., Eccles J.C. The Self and Its brain: an argument for interactionism, London; New York: Routledge, 2014, 614 p.

Tidwell T.L. Life in suspension with death: biocultural ontologies, perceptual cues, and biomarkers for the Tibetan Tukdam postmortem meditative state, *Culture, Medicine, and Psychiatry*, 2025, vol. 49, no. 2, pp. 434—464.

Tidwell T.L., Eisenberg L., Fedotov A. et al. Delayed decompositional changes in indoor settings among Tibetan monastic communities in India: a case report, *Forensic Science International: Reports*, 2024, vol. 9, art. 100370.

THE PRINCIPLE OF DESCENDING MENTAL CAUSALITY IN THE DIALOGUE OF SCIENCE AND BUDDHISM

Petr D. Abramov
Omsk State Transport University, Omsk State Medical University, Omsk, Russian Federation, pab87@yandex.ru

Abstract. The topic of a common conceptual platform for science and Buddhism is relevant not only in connection with joint discussions but also in research projects. One of the fundamental elements of this platform is the principle of downward mental causality. Researchers such as K.V. Anokhin, following the tenets of emergent materialism, do not reduce consciousness to matter, but note its reorganizing effect on the brain. In turn, the Buddhist tradition recognizes the importance of material factors for many phenomena.

The interactionism of consciousness and the brain in the philosophies of D.I. Dubrovsky, K. Popper, and J. Eccles complements this platform. Finally, the principle of downward mental causality is in the “biocultural ontologies” approach, used to explain the effects of meditation on the body by Tibetan monks.

***Keywords*:** consciousness, dialogue, emergent materialism, Buddhist philosophy, downward causality

For citation: Abramov P.D. The principle of descending mental causality in the dialogue of science and Buddhism, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2026, Special issue, pp. 163—170.

Статья поступила в редакцию 18.08.2026; одобрена после рецензирования 22.09.2026; принята к публикации 25.09.2026.

The article was submitted 18.08.2026; approved after reviewing 22.09.2026; accepted for publication 25.09.2026.

Информация об авторе / Information about author

Абрамов Петр Дмитриевич — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории, философии и культурологии, Омский государственный университет путей сообщения, Омский государственный медицинский университет, г. Омск, Россия, pab87@yandex.ru, SPIN: 1758-9869

Abramov Petr Dmitrievich — Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of History, Philosophy and Cultural Studies, Omsk State Transport University, Omsk, Russian Federation, pab87@yandex.ru

Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2026. Специальный выпуск. С. 171—177.
Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Special issue. P. 171—177.

Научная статья
УДК 1:340.12:32
EDN https://elibrary.ru/hglqfl
DOI: 10.46726/H.2026.5.18

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ О ПОЛИТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Максим Дмитриевич Горбунов
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, maxandgor@gmail.com, maximdmigorbunov@yandex.ru

Аннотация. Функционирование нормативной системы современных государственных обществ отражает особый характер взаимодействия права и политики. Это взаимодействие образует сложное переплетение различных коррелирующих факторов, которые не могут быть осмыслены исключительно политической философией или правоведением в отрыве друг от друга. Особое значение здесь также приобретает опыт мировой науки, для которой междисциплинарный аспект политического измерения позитивного права давно является предметом бурной научной дискуссии. Особенно это характерно для аналитической традиции, аргументы которой непосредственно рассматриваются в статье. В работе показывается, что право как регулятор нормативных отношений существует в широком политическом контексте, который осмысляется в рамках социальных дисциплин. Для аналитической традиции, которая в целом ориентирована на социально включенное восприятие правовых явлений, политическое измерение права проявляется в пяти контекстах: отношения власти и авторитета; проблемы принуждения и справедливости; вопрос о легитимности в демократиях; справедливость как политический предел позитивного права; плюрализм социальной нормативности. В работе делается вывод о значимости восприятия отечественной политической философией этих аспектов для формирования комплексного понимания нормативной системы современного общества в широком контексте политической власти и управления, а также места права как ключевого инструмента воздействия в ней.

Ключевые слова: политическая философия, философия права, власть, легитимность, справедливость, конституционная демократия, нормативный плюрализм

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 26-78-00004, https://rscf.ru/project/26-78-00004/

Для цитирования: Горбунов М.Д. Аналитическая философия о политическом измерении нормативного регулирования // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Специальный выпуск. С. 171—177.

В отличие от политической философии, осмысляющей нормативные процессы в обществе в широком контексте, для правоведения традиционно доминирующей, хотя и не единственной, установкой является редуцирование права как ключевого нормативного регулятора до системы позитивного закона. В целом такой подход характерен для современной российской науки, отождествляющей право с результатом властного государственного

© Горбунов М.Д., 2026

волеизъявления принудительного характера, реализующего цель управления в обществе. За таким сужением общего понимания права стоит сложный политический контекст, который формирует ландшафт междисциплинарных исследований и критики [Голоскоков; Шафиков], объектом которых стал в первую очередь позитивистский подход, изолирующий правовые исследования от политических [Spaak, Mindus: 2].

Такой ландшафт сложился в рамках аналитической традиции, где на фоне роста либеральной политической теории со второй половины XX века ведется критическая дискуссия о том, что природа правовых явлений имеет не формально-юридический, а сложный социально-политический контекст. Эти теоретические сомнения и формирующаяся убежденность в необходимости политологического исследования права как явления поддерживаются целым рядом обстоятельств.

Политическая философия занимается непосредственно вопросами легитимности власти и обязывающей силы ее директив. В современном обществе именно право представляет собой фактически направленную систему таких директив. В таком контексте кризис традиционного обоснования власти в условиях либерализации, происходившей в XX веке, и формирующегося нормативного плюрализма все более очевидным становится то, что объяснить нормативную силу директив как простое проявление принуждения невозможно. Именно в этом аспекте наблюдается наибольшее напряжение между политической и правовой теорией, поскольку право в рамках доминирующей доктрины объясняется как морально и политически нейтральное по своему содержанию явление [Hart 1994: 199] и одновременно критикуется за тенденции к поддержанию тоталитаризма [Dyzenhaus: 764].

Эта проблематика приобретает особое значение в контексте практики функционирования государственной власти, поскольку утверждение о политической индифферентности позитивного права освобождает власть от моральных ограничений в установлении своих директив и лишает граждан оснований для сопротивления несправедливым законам, либо вводит их в деструктивные радикальные формы. Получается, что решение вопроса о природе права является одновременно вопросом о концептуальных рамках и внутренних требованиях властных директив, а также нормативных оснований нормативного порядка в современных государственных обществах в целом [Radbruch 1950: 75].

Таким образом, названные обстоятельства не только определяют проблематику исследования, но и подчеркивают значимость утверждения взгляда на право с позиции политической философии как минимум в пяти аспектах, выявленных аналитической теорией: отношение власти и авторитета; проблема принуждения и справедливости; основание легитимности в конституционной демократии; политические пределы позитивного права; вызов нормативного плюрализма. Далее необходимо перейти к их более подробному рассмотрению.

Классическая юриспруденция, и в первую очередь позитивистские теории, описывали право как директиву (команду) суверена, подкрепленную угрозой санкции. Суверен в этой системе — это лицо или группа лиц, которым большинство граждан привычно подчиняется и которые сами не подчиняются никому [Austin: 226]. Эта модель изначально сводила право к факту власти и способности организовывать нормативную систему на основе принуждения и страха, формирующих самоподдерживающуюся практику. В этой системе «суверен по определению не может быть юридически ограничен» [Lobban: 235],

что означало: политическая власть не имеет институциональных пределов и право является лишь системой директив суверенной власти.

В свою очередь, реальные политические процессы, сотрясающие мир начиная с XIX века, и формирование концепции конституционализма выявили неспособность такого простого объяснения отразить самоограничение власти и ее внешний политический контроль [Lobban: 235]. В современных обществах государство не является просто самым сильным источником принуждения, а «право, конечно, не является ситуацией с … грабителем в увеличенном масштабе» [Hart 1983: 59]. Право постепенно стало рассматриваться как результат установившейся практики фактического принятия властных директив официальных лиц как всеобщей нормативной системы, что определило переход объяснения от простого принуждения к идее авторитета [Kramer: 312].

Однако здесь же возникла другая дилемма, в которой правовед «не может без противоречия придерживаться как утверждения о том, что нет необходимой связи между правом и моралью, так и утверждения о том, что право имеет авторитет» [Spaak, Mindus: 34], поскольку если право обладает авторитетом, то оно претендует на легитимность и соответственно на моральное обоснование своей власти. В современной аналитической традиции принято считать, что «теория, которая удовлетворяет эти два утверждения в комбинации, была бы теорией того типа, который ученые … называют идеологическим позитивизмом» [Spaak, Mindus: 34], при котором «вся власть оправдывает себя и что предписания, принятые теми, кто обладает монополией на силу в обществе, сами по себе являются причинами для оправдания действий» [Nino: 156].

Идеологическое оправдание принудительной власти создает особые риски произвола, что явно следует из второй линии обоснования политического измерения права. Правоведы естественным образом не отрицают очевидное свойство принудительности, поскольку «в любом жизнеспособном обществе система правового управления должна включать фундаментальные запреты» [Kramer: 321]. Тем не менее способность осуществления официального принуждения не является просто вопросом фактической силы.

Возможность оказывать принуждение находится в прямой зависимости от его эффективности. Действительно серьезная политическая проблема возникает, когда государство претендует на беспрекословное всеобщее монопольное принуждение, но не обеспечивает свои директивы должной степенью авторитета и легитимности. В этом случае право может стать инструментом массовых репрессий, последствия которых широко известны социальным наукам [Radbruch 2006: 8]. Принуждение, лишенное соответствующего авторитетного основания и морального оправдания, перестает быть правовым принуждением и становится просто насилием и произволом. Правовые директивы, выходя в плоскость чисто политических процессов, подрывают тем самым свою легитимность и, как следствие, нормативность [Borowski: 635]. В таком контексте необходимы условия оправданности правового принуждения, иначе оно приобретает негативные социально-политические последствия.

Выявленная проблема подводит к третьему вопросу политического измерения права, касающегося определения институциональных рамок и внутренних пределов организованного принуждения. Формирование этих пределов определяет другую дилемму — как обеспечить вхождение в право морально-политических принципов и сохранить его формальную определенность. Этим вопросом активно занимаются современные аналитические теории

включающего / инклюзивного позитивизма [Waluchow: 495—499]. Такие концепции по общему замечанию «могут легче объяснить способы, которыми моральная и юридическая действительность взаимодействуют друг с другом в современных конституционных демократиях» [Spaak, Mindus: 27].

Предметом непосредственного изучения являются современные конституционные демократии, которые наглядно демонстрируют включение морально-политических критериев в правовую систему, обеспечивая ее авторитетную основу. Конституционные режимы требуют наличия «субстантивных правил <…> определяющих сферу того, что не может быть решено» [Moreso: 609]. Легитимность права зависит не только от процедуры его создания, но и от его содержания, поскольку лишь «существование или действительность правовой нормы никоим образом не влечет ее справедливости, а ее справедливость никоим образом не влечет ее действительности» [Moreso: 608]. Эта дилемма устраняется через включение в позитивное право универсальных общечеловеческих принципов.

В случаях, когда конституционный режим не устанавливается, право может способствовать произволу. Аналитические правоведы прямо подчеркивают, что «критики правового позитивизма обвиняли его в склонности поощрять тоталитаризм или, по крайней мере, ослаблять сопротивление ему» [Dyzenhaus: 764]. Если право жестко отделено от морали, не созданы институциональные рамки их взаимодействия, то отсутствуют и инструменты ограничения политического произвола.

Аргументация в пользу конкретного критерия, определяющего рамки правовой системы, составляет следующее политическое измерение, известное по «формуле Радбруха». Как характеризуется эта формула в литературе: «позитивное право, обеспеченное законодательством и властью, имеет преимущество даже тогда, когда его содержание несправедливо <...> если только противоречие между статутом и справедливостью не достигает такой нестерпимой степени, что статут должен уступить справедливости» [Radbruch 2006: 7]. Эта формула применяется к случаям крайней дискриминации, экстремального нарушения равенства и фактически стала формой политического заявления о праве, подтверждаемой практическими рисками нарушения пределов правового воздействия на общественные отношения [Borowski: 633].

Это заявление заключается в следующем: «право есть реальность, смысл которой — служить справедливости» [Radbruch 1950: 75]. Соответственно справедливость может рассматриваться как внутренний предел позитивного права, который прямо встраивается в режим конституционной демократии. В результате сами критерии правовой действительности могут интерпретироваться не как внутренние формальные рамки, а как внешние морально-политические требования.

Особое место в проблемном поле связи права и политики занимает осмысление нормативного плюрализма — утверждения о том, что внутри человеческого общества на разных уровнях формируются и существуют в сложном взаимодействии различные нормативные системы. Практические примеры прямо демонстрируют, что претензия права на монополию часто разрушается контекстом существования конкретных обществ и социально-политических процессов в них. В аналитической теории приводится следующий яркий пример: «Яп имел правовую систему с законодательным органом, горсткой судей и адвокатов, небольшим полицейским управлением и полным правовым кодексом, основанным целиком на законах, перенесенных из США. Но огромные части кодекса никогда не применялись, мало кто из простых

людей имел какие-либо знания о содержании законов <...> Повседневное поведение людей регулировалось не государственным правом, а их собственными культурными нормами» [Tamanaha: 516].

Подобные примеры порождают радикальный вывод о том, что государственное принуждение не монопольно и существуют множественные правовые порядки, которые конкурируют с правовой системой и «эти ситуации нельзя отбросить теоретиками как маргинальные» [Tamanaha: 517]. В условиях нормативного плюрализма власть государства ограничена не только конституцией, но и фактическим существованием альтернативных систем социального управления. Если в конкретном обществе разные нормативные системы демонстрируют свое эффективное взаимодействие, то невозможно отрицать их существование; следовательно, «монопольный взгляд на право — конструкция современных теоретиков — несовместим со многими политическими режимами на протяжении истории и в современности» [Tamanaha: 520], тем самым особо четко демонстрируя значимость социально-политического контекста.

Проведенный анализ наглядно доказывает, что теория позитивного права обладает выраженным политическим измерением. С этим измерением связаны конкретные проблемы, разрешение которых возможно только при учете общих процессов нормативного порядка, власти и управления в обществе. Непосредственно в исследовании было выделено пять аспектов политического измерения права, которые концептуально можно представить следующим образом:

1. *Власть и авторитет*. Право претендует на то, чтобы обладать принудительной властью и нормативным авторитетом, который тесно связан с процессами легитимации. Такая легитимация осуществляется в том числе при обращении к моральным критериям, которые теория позитивного права отвергает, тем самым создавая внутреннее концептуальное напряжение.

2. *Принуждение и авторитет*. Принудительность права не может осуществляться формально, поскольку в случае произвольного осуществления власти она делегитимизируется. Фактические действия официальной власти должны быть морально оправданы.

3. *Конституционный демократизм*. Позитивное право современных государственных обществ может обеспечить состояние наибольшего политического благоприятствования через режим конституционных демократий, в которых институционально заложена необходимость соответствия права универсальным ценностям.

4. *Справедливость как предел власти*. Право как директивы власти не может функционировать без определенных пределов, поскольку всегда существует риск политической ангажированности и злоупотреблений. Справедливость в этом контексте является критерием, устанавливающим пределы позитивного права.

5. *Нормативный плюрализм*. Поскольку источники политической власти многообразны, а нормативность директив, исходящих от государства, так или иначе требует оправдания, то право находится в состоянии взаимодействия с другими нормативными системами на разных уровнях.

В результате названные аспекты формируют междисциплинарное поле, актуальное для проблем современной политической философии, поскольку в условиях, когда вопрос о легитимности власти остается центральным, анализ политического измерения права может предложить новые подходы к пониманию соотношения власти, права и справедливости, а также процессов легитимации норм.

Список литературы / References

Голоскоков Л.В. Право в политике и политика в праве // Правовая политика и правовая жизнь. 2018. № 2. С. 8—13.

(Goloskokov L.V. Law in politics and politics in law, *Legal Policy and Legal Life*, 2018, no. 2, pp. 8—13. — In Russ.)

Шафиков Ю.С. Связь права и политики // Новый университет. Серия «Экономика и право». 2014. № 11—12 (45—46). С. 53—55.

(Shafikov Yu.S. The connection between law and politics, *New University. Series "Economics and Law"*, 2014, no. 11—12 (45—46), pp. 53—55. — In Russ.)

Austin J. Lectures on jurisprudence, or The philosophy of positive law, 2 vols., ed. by R. Campbell, Bristol: Thoemmes Press, 2002, 1132 p.

Borowski M. Gustav Radbruch's critique of legal positivism, *The Cambridge Companion to Legal Positivism*, ed. by T. Spaak, P. Mindus, Cambridge: Cambridge University Press, 2021, pp. 627—650.

Dyzenhaus D. Positivism and totalitarianism, *The Cambridge Companion to Legal Positivism*, ed. by T. Spaak, P. Mindus, Cambridge: Cambridge University Press, 2021, pp. 764—786.

Hart H.L.A. Positivism and the separation of law and morals, *Essays in Jurisprudence and Philosophy*, Oxford: Clarendon Press, 1983, pp. 49—87.

Hart H.L.A. The concept of law, Oxford: Clarendon Press, 1994, 276 p.

Kramer M.H. The legal positivism of H.L.A. Hart, *The Cambridge Companion to Legal Positivism*, ed. by T. Spaak, P. Mindus, Cambridge: Cambridge University Press, 2021, pp. 301—324.

Lobban M. John Austin, *The Cambridge Companion to Legal Positivism*, ed. by T. Spaak, P. Mindus, Cambridge: Cambridge University Press, 2021, pp. 225—247.

Moreso J.J. An Italian path to legal positivism: Ferrajoli's Garantismo, *The Cambridge Companion to Legal Positivism*, ed. by T. Spaak, P. Mindus, Cambridge: Cambridge University Press, 2021, pp. 606—625.

Nino C. Radical evil on trial, New Haven; London: Yale University Press, 1996, 220 p.

Radbruch G. Legal philosophy, *The Legal Philosophies of Lask, Radbruch, and Dabin*, ed. by K. Wilk, Cambridge: Harvard University Press, 1950, pp. 47—224.

Radbruch G. Statutory lawlessness and supra-statutory law, transl. by B.L. Paulson, S.L. Paulson, *Oxford Journal of Legal Studies*, 2006, vol. 26, pp. 1—11.

Spaak T., Mindus P. Introduction, *The Cambridge Companion to Legal Positivism*, ed. by T. Spaak, P. Mindus, Cambridge: Cambridge University Press, 2021, pp. 1—36.

Tamanaha B. Disruptive implications of legal positivism's social efficacy, *The Cambridge Companion to Legal Positivism*, ed. by T. Spaak, P. Mindus, Cambridge: Cambridge University Press, 2021, pp. 512—535.

Waluchow W.J. The origins of inclusive legal positivism, *The Cambridge Companion to Legal Positivism*, ed. by T. Spaak, P. Mindus, Cambridge: Cambridge University Press, 2021, pp. 487—511.

ANALYTICAL PHILOSOPHY ON THE POLITICAL DIMENSION OF STATUTORY REGULATION

Maksim D. Gorbunov
Lobachevsky State University, Nizhny Novgorod, Russian Federation,
maxandgor@gmail.com, maximdmigorbunov@yandex.ru

Abstract. Functioning of the normative system of modern state societies reflects the special character of interaction between law and politics, which forms a complex intertwining of various correlating factors that cannot be comprehended exclusively by political philosophy or legal science in isolation from each other. Of particular importance here is also the experience of world science, for which the interdisciplinary aspect of the political dimension of positive law has long been the subject of heated scholarly debate. This is especially characteristic of the analytical tradition, whose arguments are under examination in the article. It turns out that law as a regulator of normative relations exists in a broad political context, which is conceptualized within the framework of social disciplines. For the analytical tradition, which is generally oriented toward a socially embedded perception of legal phenomena, the political dimension of law manifests itself in five contexts: the relationship of power and authority, the problems of coercion and justice, the question of legitimacy in democracies, justice as the political limit of positive law, and the pluralism of social normativity. The author concludes that it is important for domestic political philosophy to perceive these aspects in order to form a comprehensive understanding of the normative system of modern society in the broad context of political power and governance, as well as for determining the place of law as a key instrument of influence within it.

Keywords: political philosophy, philosophy of law, power, legitimacy, justice, constitutional democracy, normative pluralism

Acknowledgements: The research was carried out with the support of the Russian Science Foundation, grant No. 26-78-00004, https://rscf.ru/project/26-78-00004/

For citation: Gorbunov M.D. Analytical philosophy on the political dimension of statutory regulation, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2026, Special issue, pp. 171—177.

Статья поступила в редакцию 12.08.2026; одобрена после рецензирования 22.09.2026; принята к публикации 25.09.2026.
The article was submitted 12.08.2026; approved after reviewing 22.09.2026; accepted for publication 25.09.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Горбунов Максим Дмитриевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, maxandgor@gmail.com, maximdmigorbunov@yandex.ru, SPIN: 8260-3650

Gorbunov Maxim Dmitrievich — Candidate of Science (law), Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Lobachevsky State University, Nizhny Novgorod, Russian Federation, maxandgor@gmail.com, maximdmigorbunov@yandex.ru

ЮБИЛЕЙНОЕ

ANNIVERSARY

Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2026. Специальный выпуск. С. 178—187.
Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Special issue. P. 178—187.

Научная статья
УДК 821.161.1.09-1
EDN https://elibrary.ru/lynlvl
DOI: 10.46726/H.2026.5.19

ПОЭТ-ФИЛОЛОГ (К ЮБИЛЕЮ АЛЕКСАНДРА КУШНЕРА)

Герман Юрьевич Филипповский
Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского,
г. Ярославль, Россия, fil.gerr@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена творчеству выдающегося отечественного поэта — Александра Семеновича Кушнера. Поэт рано увлекся литературным трудом, первые стихи написал в 10 лет, первая его поэтическая книга 1962 года имела название «Первое впечатление». Окончив педагогический институт имени Герцена, затем преподавал 10 лет русский язык и литературу в ленинградской школе. Чувство родного слова и любовь к нему вместе с филологическим профессионализмом помогли Кушнеру-поэту обрести уникальный дар и мастерство в его поэтическом творчестве. Автор многих поэтических сборников, удостоенный самых престижных премий, Кушнер на протяжении многих лет сохранял и творческую активность, и потрясающую глубину поэтического самовыражения, сравнимую с лучшими образцами мировой поэзии. Его «тихая поэзия», по выражению Беллы Ахмадулиной, в чем-то схожая с творениями великого русского поэта Николая Рубцова, прочно заняла свое неповторимое место в русской поэтической классике. Оставаясь певцом своего родного города Санкт-Петербурга, Кушнер внес свой весомый вклад в отечественную и мировую, прежде всего лирическую поэзию как поэт-филолог и философ в традициях А. Пушкина, М. Лермонтова, Ф. Тютчева, А. Фета.

Ключевые слова: поэт-филолог, поэт-философ, юбилей А. Кушнера, поэтическое наследие, творческая активность, «тихая поэзия», Санкт-Петербург, мировая поэтическая культура

Для цитирования: Филипповский Г.Ю. Поэт-филолог (к юбилею Александра Кушнера) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Специальный выпуск. С. 178—187.

Держу в руках два сборника стихов Александра Кушнера (из многих книг этого творчески богатого поэта, удостоенного самых престижных поэтических премий). На обложке одного из них («Избранное» 2016 г.) образ Адмиралтейства со знакомой по стихам А.С. Пушкина из «Медного всадника» Адмиралтейской иглой (знаменитые белые ночи города на Неве и реакция великого поэта: «Сижу читаю без лампады / И ясны спящие громады / <…> / И светла Адмиралтейская игла»). На обложке другой книги — образ Петропавловского собора с узнаваемым сверхвысоким шпилем (название книги —

© Филипповский Г.Ю., 2026

«Меж Фонтанкой и Мойкой» 2022 г.). Сразу ясно, что это сборники стихов петербургского поэта, наследника Пушкина.

Саша Кушнер (как и его великий тезка) рано увлекся литературным трудом: по его признанию, первые стихи он написал в 10 лет. Его первая поэтическая книга вышла в свет в 1962 году, она так и называлась «Первое впечатление». Тогда он уже окончил Ленинградский педагогический институт им. А.И. Герцена и начал работать учителем русского языка и литературы в старших классах одной из школ своего родного города (работал в течение 10 лет). Перед нами книги не просто талантливого и плодовитого поэта, но поэта — профессионального филолога. Не слишком редкое, но и не такое уж частое явление в мировой поэтической культуре — первое, что приходит на память, это университетское преподавание литературы великим писателем и поэтом Владимиром Набоковым.

Город на Неве, где родился Александр Кушнер, с гениальной архитектурой и топонимикой, топографией каналов и улиц-проспектов не мог не увлечь юного поэта. Среди первых его стихов 1960-х годов, с характерной визуально-топографической поэтикой, — сразу же ставшее знаменитым: «Вижу, вижу спозаранку / Устремленные в Неву / И Обводный, и Фонтанку, / И похожую на склянку / Речку Кронверку во рву. // И каналов без уздечки / Вижу утреннюю прыть, / Их названья на дощечке, / И смертельной Черной речки / Ускользающую нить. // Слышу, слышу вздох неловкий, / Плачь по жизни прожитой, / Вижу Екатерингофки / Блики, отблески, подковки, / Жирный отсвет нефтяной. // Вижу серого оттенка / Мойку, женщину и зонт, / Крюков, лезущий на стенку, / Пряжку, Карповку, Смоленку, / Стикс, Коцит и Ахеронт» [Кушнер 2022а: 10].

Русско-просторечное «спозаранку» — не только знак начала стиха, но и своеобразная визитная карточка молодого поэта: не только «утро» дня, но и «утро» жизни будущего выдающегося поэта. Слово-заставка по-русски филологично, то есть образно, емко, по-пушкински русско-народно-просторечно, но ярко, по-северному колоритно и свежо. И все же первое, что привлекает внимание, — откровенно визуальная поэтика стиха («Вижу, вижу…»). Говоря языком древнегреческой поэтики — «экфрасис», визуальное перечисление. По термину Д.С. Лихачева, «анфиладная поэтика» стихотворения — лингвистически-топографичная номенклатура названий каналов и речек великого города на Неве. «Вижу, вижу» — кольцевой мотив стихотворения, он начинает, он же и заканчивает произведение. Однако лирическая интонация эта не одинока — в центре текста появляется рефлексия иного рода: «Слышу, слышу вздох неловкий, / Плач по жизни прожитой…». И все же здесь далее снова лейтмотивное: «Вижу Екатерингофки / Блики, отблески, подковки…». В*и*дение поэта здесь, но и не только здесь, переходит в вид*е*ние каких-то других, тайных измерений жизни великого города и его вод. Совсем не случайно в конце произведения дано перечисление названий водных артерий Петербурга, которое заканчивается древнегреческими мифологическими названиями вод другого мира: «Стикс, Коцит и Ахеронт». Лингвистические знаки динамической поэтики стихотворения: «устремленные», «ускользающую», «каналов без уздечки вижу утреннюю прыть», анфилада названий водных артерий Петербурга — всё это завершается динамичным переходом в иное поэтическое пространство (Стикс, Коцит, Ахеронт).

Однако визуальная поэтика никуда не уходит: это сравнительно раннее произведение Кушнера открывает затем весьма характерную для него группу

произведений, сопряженных с великими творениями мировой живописи. Совсем не случайно сборник «Меж Фонтанкой и Мойкой» вышел под эгидой Государственного Эрмитажа и с постскриптумом его директора Михаила Пиотровского. Издание открывает краткое вступление автора, его признание любви родному городу: «Я в этом городе провел всю жизнь свою, / Не променять его на выгоды и климат, / И сниться будет он в нездешнем мне краю, / Грозой весеннею и невским ветром вымыт…» [Кушнер 2022а: 4]. Отмеченная выше дихотомия вод земных и вод потусторонних, иномирных, вкупе с визуальной картиной, явно перекликается с великим произведением Джованни Беллини (XV в.) из собрания Уффици, где изображены берега Леты и которое знаток итальянской живописи П.П. Муратов назвал «Души чистилища».

Эти же берега Леты (по связи с поэтическим иномирием) открывают стихотворение Кушнера 1966 года «Памяти Ахматовой», посвященное смерти великой поэтессы, близкого друга и покровителя молодого поэта: «Волна темнее к ночи, уключина стучит. / Харон неразговорчив, / Но и она — молчит. / Обшивку руки гладят, / А взгляд, как в жизни, тверд. / Пред нею волны катят / Коцит и Ахеронт. / Давно такого груза / Не поднимал челнок. / Летает с криком Муза, / А ей и невдомек» [Кушнер 2018: 366]. В своей книге филологической публицистики «О поэтах и поэзии» 2018 года (в главе «Поэтическое восприятие мира») Кушнер пишет в частности: «Для ленинградца книги Ахматовой — вообще нечто вроде путеводителя по городу» [Там же: 404].

Другое раннее произведение Кушнера, которое открывает эрмитажный сборник 2022 года, так же, как и первое, цитированное выше, строится по законам визуальной поэтики. Здесь уместно вспомнить слова К. Паустовского из «Золотой розы»: «Нужно научиться видеть. Хорошо может видеть людей и землю только тот, кто их любит» [Паустовский: 674]. Ясно, что любовь к своему городу на Неве — лейтмотив творчества Кушнера. Конечно, время и пространство диалогично переплетаются: это раннее стихотворение начинается образом «детство ясное мое». И оно явственно петербургское (ленинградское), первая фраза: «Ветра невского свирепость, / Детство ясное мое» [Кушнер 2022а: 8]. Зн*а*ком этого петербургского детства выступает другая небесная вертикаль города на Неве — «Петропавловская крепость, золотое острие». Маловероятно (хотя, кто знает?!), но молодой Кушнер, уже дипломированный филолог, возможно, руководствовался здесь образом из рассказа Владимира Набокова «Посещение музея», где герой-повествователь в своих походах по старинному европейскому городу постоянно натыкается на один и тот же городской собор. В стихотворении Кушнера этим настойчивым образом-вид*е*нием выступает шпиль Петропавловского собора, который является ему, по каким бы улицам и переулкам Петроградской стороны он ни ходил. Вот это стихотворение: «Ветра невского свирепость, / Детство ясное мое! / Петропавловская крепость, / Золотое острие! // Дождь запнется над Рыбацкой / И проходит стороной, / За зеленой Петроградской — / Самой светлой стороной. // Здесь шаги легки и гулки, / И, холодный свет струя, / В каждом тихом переулке — / Петропавловка своя. // Над рядами окон ясных / Золотое острие. / Сколько улиц — столько разных / Впечатлений от нее» [Там же].

Примечательно, что выбор фотографии автора к эрмитажному сборнику 2022 года примыкает по своему характеру к той же визуальной поэтике, которая характерна для многих его ранних и не только ранних произведений. Подпись к этой фотографии гласит: «Вот Грибоедовский канал… / Где старый друг меня снимал / Для славы и потомства…» Александр Кушнер. Фото

Л.Я. Гинзбург. 1965». Старый друг — это выдающийся филолог-литературовед, блокадница, автор книги «О лирике» Лидия Яковлевна Гинзбург, «филологическая муза поэта». Фотография, как и творчество поэта, лирична. На нас смотрит (как, впрочем, и с других фотографий Кушнера, например в сборниках 1990, 2015, 2018 годов) лицо поэта — внимательное, спокойное, умное. Такова же и его поэзия.

Обо всем этом и об этом времени стоит сказать больше. Внимательным было не только лицо поэта Александра Кушнера на его фотографиях или визуальная поэтика его ранних (и не только ранних) стихов, но и само время оттепели, начала его творческого пути. И не только Кушнера, но целой плеяды молодых поэтов нового поколения. Совсем не случайно название литературно-критического сборника на материале 1960—1980-х годов, одним из составителей которого был С.И. Чупринин, — «Взгляд». Например, второй выпуск сборника «Взгляд» 1989 года [Взгляд] включал публикацию Алексея Кондратовича «Последняя глава. Из “Новомирского дневника”», материалы которого начинались с даты 11.11.1969 года. Характерны признания Беллы Ахмадулиной в сборнике «Трава после нас. Книга-интервью журналиста Феликса Медведева с деятелями советской литературы и искусства», который вышел в издательстве Агентство печати Новости (Москва) в 1988 году: «Да, когда мы начинали, тогда начинали многие… Просто по разным причинам иные из них не были так известны. Наш ровесник Александр Кушнер, к примеру, который жил другой жизнью, более замкнутой, более *тихой* и вообще незаметно… преподавал. Я говорю это к тому, что Политехнический и Лужники — не единственный путь для поэта» [Трава после нас…: 97].

«Многие из нас», о ком говорила Белла Ахмадулина, — это были прежде всего Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский, Роберт Рождественский, с которыми связаны ее слова о Политехническом и Лужниках, о новых поэтах для новых массовых аудиторий. Понятно, что сюда же примыкали Булат Окуджава и Владимир Высоцкий, барды, аудитория которых всячески ограничивалась сверху. Это было время новых поисков, в том числе и в русской поэзии. Евгений Евтушенко в своем интервью Ф. Медведеву [Там же: 77—86] говорит о расширении поэтической аудитории «до площадей», но также и о «тихой поэзии», например, Николая Рубцова или Владимира Соколова. К этому направлению поэтической интроспекции, но и русской поэтической почвы относилось с 1960-х годов и относится сейчас творчество Александра Кушнера. Его поэтической родиной была не Вологодчина Николая Рубцова, а Санкт-Петербург (Ленинград). Сюда был направлен его поэтический взгляд, его поэтическое сознание и слово.

Об этой новой «тихой поэзии» рассуждает упомянутый выше литературный критик Сергей Чупринин в сборнике «Перспектива-89. Советская литература сегодня»: «Да и сама поэзия понимается уже не как “езда в незнаемое” или “лирическое наступление” (А. Вознесенский), не как страстный ораторский призыв к действию, а как форма исповеди, как средство напомнить людям о высших духовных нравственных ценностях, защитить их, спасти от коррозии, от оползня жизни: “Так сажают кустарник на слабой земле и воюют за каждую пядь” (А. Кушнер). Стихи начинает отличать, как заметил еще в самом начале периода критик Лев Аннинский, “поразительное ощущение округлости, завершенности мира. Никаких углов, никаких воплей. Созерцание и тишина, словно очерченная плывущим звоном колоколов. Всё суетное уходит. Остается вечное: мудрость и достоинство”… “Тишина”

продержалась в нашей поэзии около 20 лет, да и сейчас, как видим, сдает свои позиции крайне неохотно… Проповеднический, учительный и побудительный пафос стиха растворился в исповедях… Оптимистичность казалась уже наивной и глуповатой на фоне всеобщего скепсиса, разочарования и “мировой скорби”, а такие замечательные качества, как скромность и сдержанность, резко возвысились над такими, ничуть не менее почтенными, как дерзость, “пиитический восторг”, лирическая отвага… Надвременность или, лучше сказать, вневременность, внесоциальность стиха осознались как его достоинства, как знак его истинности» [Чупринин: 174—176].

Хотя другой выдающийся представитель «тихой поэзии», Николай Рубцов, не родился в Ленинграде, как Кушнер, его поэтическое становление происходило именно в Ленинграде, где он жил и работал после флота. Вот его характерное произведение этого периода «Приезд Тютчева»: «Он шляпу снял, чтоб поклониться / Старинным русским каланчам… / А после дамы всей столицы / О нем шептались по ночам. / И офицеры в пыльных бурках / Потом судили меж равнин / О том, как в залах Петербурга / Блистал приезжий дворянин. / А он блистал, как сын природы, / Играя взглядом и умом, / Блистал, как летом блещут воды, / Как месяц блещет над холмом! / И сны Венеции прекрасной, / И грустной родины привет — / Всё отражалось в слове ясном / И поражало высший свет» [Рубцов: 189]. По словам еще одного представителя «тихой поэзии» ленинградца Глеба Горбовского, «Николай Рубцов еще раз хотел убедиться, что путь через Тютчева и Фета, то есть не столько через прошедшее, минувшее, сколько через вечное, истинное, выбран им правильно, путь как средство, единственно утверждавшее его в правах российского стихотворца. Николай Рубцов был не просто поэтом русской деревни или города на Неве, а поэтом всей России, ее подлинным сыном» (цит. по: [Соколов: 17]).

Имена Тютчева и Фета часто встречаются на страницах книги Кушнера «О поэтах и поэзии». Оказываются они и в центре стихотворения из сборника «Земное притяжение. Книга новых стихов»: «Так ветер куст приподнимал, / Такой клубился белый цвет, / Плеча касаясь моего, / Как если б Тютчев мне сказал: / зайдите, будет только Фет / И вы, а больше никого. / Так в темноте белел жасмин, / Что полуночник, проходя, / Как в круг магический входил — / И жизнь без следствий и причин / Вдыхал, как вечность, обретя / Прилив счастливых, юных сил. / О чем мы будем говорить? / Что могут мне они сказать, / И что сказать смогу я им? / О двух столетьях, может быть? / Зачем же так их огорчать? / И Тютчев скажет: помолчим» [Кушнер 2015: 28]. Слово поэта-филолога Кушнера (филология — *греч.* ‘любовь к слову’) было близко слову поэта Тютчева, для которого молчание — поэтично («мысль изреченная есть ложь»). Таково же и стихотворение Кушнера: «Нет утешенья, оправданья, прощенья ужасам земным, / Но есть глубокое молчанье, и мы его не предадим, / Не разменяем на унынье и малодушные слова. / Есть небосвод над нами синий и благосклонная листва. / Они ни в чем не виноваты, к ним и на кладбище готов, / Превозмогая боль утраты, прильнуть. Слова? Не надо слов. / И пустословье суетливо, и обольщенье ни к чему. / Стихотворенье молчаливо. Прочти, прислушавшись к нему» [Там же: 79].

Впрочем, наивно думать, что поэтическая установка Кушнера так уж совсем отделена от установки поэтов социальной активности, от проблем земного бытия. Именно на это намекает литературный критик Н.Б. Иванова в сборнике статей переходной эпохи 1980-х годов «В своем Отечестве пророк?». Обсуждая отражение в литературе актуальных проблем эпохи, она

приводит стихи Кушнера: «Легко быть ангелом — ведь к ангелам не шлют / Инструктора с последней установкой. / На бой, на подвиг и на труд / Не вдохновляют их ни словом, ни винтовкой…». И далее критик добавляет свой актуальный комментарий: «Одни сейчас мучительно задумываются над проблемами сего дня, пришедшими к нам из дня вчерашнего. Другие… другие в эти раздумья привносят, так сказать, свой колорит, особые оттенки и краски» [Иванова: 167—168]. Как раз к этим «другим» и относится Кушнер, его поэтическое слово. В этот период он уже вполне осознает свой дар поэтического слова, посланный ему свыше. Вот одно раннее стихотворение с характерными знаками поэтического самосознания молодого поэта-филолога, причем адресованное другой — в будущем известной в стране и в мире — литературной фигуре Ленинграда, Андрею Битову: «Два мальчика, два тихих обормотика, / Ни свитера, / Ни плащика, / Ни зонтика, / Под дождичком / На досточке / Качаются, / А песенки у них уже кончаются, / Что завтра? Понедельник или пятница? / Им кажется, что долго детство тянется. / Поднимется один, другой опустится. / К плечу прибилась бабочка / Капустница. / Качаются весь день с утра и до ночи. / Ни горя, / Ни любви, / Ни мелкой сволочи. / Всё в будущем, за морем одуванчиков. / Мне кажется, что я — один из мальчиков» [Кушнер 2023: 12]. Характерные для Кушнера черты — лирическая интонация, внимание к визуальному контексту, метонимическая поэтика, диалогичность и текстовая динамика времени и пространства. Всегда всё тот же поэт-филолог, где актуальность времени вплавлена в вечные темы Бытия. Это снова послание не только к обозначенному Битову, сверстнику, но послание и в будущее, и даже в вечность (вспомним в качестве параллели образ качели-колыбели в первой фразе великих мемуаров «Другие берега» Набокова: «Колыбель качается над бездной»). Этот контекст Предвечного Слова объединяет литературно-поэтические труды и Набокова, и Кушнера. И этот же контекст навсегда отделяет Кушнера, его поэтическое наследие от большинства социально-ориентированных его современников (о некоторых из них уже шла речь выше). Понятно, что этот же контекст, в свою очередь, объединяет творчество и Кушнера, и Набокова, и Пушкина.

Вот еще одно раннее стихотворение из сборника «Первое впечатление» 1962 года. Здесь также зафиксирован момент поэтического открытия мира Кушнера-филолога, работающего со словом, здесь даже с именем. Мир — чудо, но он метонимичен, всё в нем живет по законам некоего сходства, неких всеобщих связей. Это тоже взгляд поэта, это тоже «первое впечатление». Например, в стихотворении «Графин», где речь идет прежде всего о мировых стихиях, воздухе и воде, главным образом о воде (о ней в петербургском контексте и первое процитированное в данной статье стихотворение о Неве и каналах города): «Вода в графине — чудо из чудес, / Прозрачный шар, задержанный в паденье! / Откуда он? Как очутился здесь? / На столике, в огромном учрежденье? / Какие предрассветные сады / Забыли мы и помним до сих пор мы? / И счастлив я способностью воды / Покорно повторять чужие формы. / А сам графин плывет из пустоты, / Как призрак льдин, растаявших однажды, / Как воплощенье горестной мечты / Несчастных тех, что умерли от жажды. / Что делать мне? Отпить один глоток, / Подняв стакан? И чувствовать при этом, / Как подступает к сердцу холодок / Невыносимой жалости к предметам? / Когда сотрудница заговорит со мной, / Вздохну, но это не ее заслуга. / Разделены невидимой стеной, / Вода и воздух смотрят друг на друга» [Кушнер

2023: 15]. Кстати, это стихотворение поэт прочитал при первой встрече с Анной Ахматовой и заслужил ее благосклонный отзыв.

В*и*дение и вид*е*ние здесь опять сопряжены силой поэтического дара. Его, как уже говорилось, рано осознает в себе Александр Кушнер. А вот о миссии поэта в мире он рассуждает уже в зрелом возрасте, в сборнике «Земное притяжение. Книга новых стихов» 2015 года. Здесь есть смысл процитировать три стихотворения, где Слово поэта, его поэтический Дар обозначены как смысл Жизни, но и удел Творения. Одно из них имеет эпиграф из М.В. Ломоносова «…Не просишь ни о чем, не должен никому…»: «Учитель, врач, механик, офицер, / Садовник… Есть с кого нам брать пример / Достоинства, и скромности, и чести. / Не надо обольщений и химер, / А также поклонения и лести. // И слава — дым, не стоит жить в дыму. / Мирская власть ни сердцу, ни уму / Не служит, и в богатстве счастья нету. / Зато и впрямь не должен никому Кузнечик, — как люблю я фразу эту! // Земная жизнь… Среди ее даров / Один из лучших — стройный лад стихов. / Не заносись! Ты скромным занят делом. / И хорошо бы съездить в Петергоф / И побродить по травам запотелым…» [Кушнер 2015: 68].

И еще одно стихотворение о самосознании поэта, о его творческом даре Слова, о миссии поэта в мире: «Кого бы с полки взять? Всех знаю наизусть. / Не Лермонтова же, не Пушкина, не Блока… / Мрачнеет Мандельштам. Обиделся? И пусть. / А может быть, он рад, что потускнел немного, / Как Тютчев или Фет, — и значит, что ничем / Теперь не хуже их и, скажем, Пастернака. / Я сам себе чуть-чуть смешон и надоем / В топтании своем, средь сна и полумрака; / В рассеяние рука потянется опять / К кому-нибудь из них: не к Кузмину ли? — мимо. / Задумаюсь, вздохну: мне нечего читать! / И в Анненском все так знакомо и любимо! / И я гляжу в окно, и я тянусь к местам, / Укутанным во тьму, с подсветкою по краю: / Ах, может быть, у них за это время там / Написаны стихи, которых я не знаю?» [Кушнер 2015: 72].

Как и в первом цитированном в статье стихотворении, здесь концовка выходит за границы земного мира, в мир поэтической Вечности, место реализации поэтического Дара. «Поэзия — явление иной, / Прекрасной жизни где-то по соседству / С привычной нам земной…», — признается поэт [Кушнер 2018: 464]. Кушнер в своих стихах, как настоящий поэт-филолог, часто признается в любви к русскому поэтическому Слову, его богатству, природе (как, впрочем, и к Природе вообще, что характерно для многих русских поэтов — таких, как Н. Заболоцкий, Б. Пастернак, А. Пушкин и многие, многие другие). Характерно типичное для Кушнера признание: «Шум листвы за окном (как слово Божье. — *Г. Ф.*) удлиняет стихотворную строку» [Кушнер 2018: 314], — впервые эту мысль он озвучил в одной из своих многочисленных литературно-публицистических статей в журнале «Вопросы литературы» [Кушнер 1986].

Возвращаясь в заключение статьи к «внимательности» Кушнера-поэта-филолога и человека, рассуждая о нем как о выдающемся русском поэте, приводя его признания о богатстве поэтического ресурса, концептосферы русского языка [Аскольдов-Алексеев; Лихачев 1997], разумно вспомнить о богатстве языкового гнезда «внимание, внимательный, внятный, внимать, внимающий и т. д.» [Словарь древнерусского языка: 179—183; Ожегов: 92]. Визуальный контекст (столь характерный для поэтики Кушнера) выходит здесь на глобальный контекст «понимания» (Д.С. Лихачев и С.С. Аверинцев не случайно считали филологию наукой понимания) [Лихачев 1989: 204—207].

«На голом месте стихи не растут, — говорит Кушнер, — без оглядки на любимых поэтов (Батюшков, Пушкин, Баратынский, Лермонтов и т. д., и Пастернак, конечно, и Мандельштам, и Заболоцкий…), без опоры на великую традицию сказать в стихах что-то новое, не сказанное до тебя, вообще невозможно. Любовь к стихам делает человека счастливей тех, кто к ним равнодушен». Признания Кушнера относятся прежде всего к поэтическим богатствам, резервам и возможностям русского языка: «Русский язык с его падежными окончаниями, свободным порядком слов в предложении (“Редеет облаков летучая гряда”), полными и краткими прилагательными, длинными и короткими словами, ударением, которое в одних словах падает на первый, в других на второй, третий, любой слог — всех чудесных особенностей языка не перечислить, кажется мне как будто нарочно созданным для стихов» [Кушнер 2023: 8—9]. Таких стихов, например:

Дерево, облако, поле, окно,
Озеро, море, волненье, колено,
Дело, призванье, панно, полотно,
Княжество, царство, пространство, полено,
Чтенье, сомненье, неверие, зло,
Зарево, марево, платье, объятье,
Знанье, сиянье, лукавство, весло,
Зодчество, отчество, рукопожатье,
Множество, мужество, пламя, клише,
Чувство, искусство, пространство, болото,
Пенье, смятенье — довольно уже
С нас существительных среднего рода!

Сам удивляюсь себе: что за бред?
Боже мой, чем я строфу заполняю!
Но, например, во французском их нет
И в итальянском, насколько я знаю.

Или безличные формы: пришлось,
Таяло, вспомнилось, вышло, случилось,
И не сиделось, и так повелось,
И посчастливилось или помнилось,
Капало с крыши, смеркалось, мело,
Снилось, жилось, вечерело, светало,
Веяло, дуло, томило, влекло,
Верилось, думалось, — тоже немало! [Кушнер 2022b: 6].

Остаются справедливыми слова Иосифа Бродского, сказанные им о творчестве Александра Кушнера: «На этих страницах вы окажетесь tête-à-tête с поэзией в чистом виде, чистейшем из всех, какие существуют в русском языке» [Бродский: 3].

Список источников

Бродский И. Форма существования души // Кушнер А.С. Избранное: Стихотворения. СПб.: Художественная литература, 1997. С. 3—4.

Взгляд: Критика. Полемика. Публикации. Вып. 2. М.: Советский писатель, 1989. 512 с.

Кушнер А. Неиссякаемый сюжет поэзии // Вопросы литературы. 1986. № 7. С. 173—200.

Кушнер А. Земное притяжение. Книга новых стихов. М.: Время, 2015. 96 с.

Кушнер А. О поэтах и поэзии. СПб.: Союз писателей Санкт-Петербурга; Геликон Плюс, 2018. 639 с.

Кушнер А. Меж Фонтанкой и Мойкой. Книга стихов. СПб.: Арка, 2022a. 287с.

Кушнер А. Новые стихи // Звезда. 2022b. № 9. С. 3—6.

Кушнер А. Избранное. М.: Эксмо, 2023. 400 с.

Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1990. 920 с.

Паустовский К. Золотая роза. СПб.: Азбука, 2026. 990 с.

Рубцов Н. Подорожники. М.: Молодая гвардия, 1985 (1976). 318 с.

Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). Т. 2. М.: Русский язык, 1989. 495 с.

Трава после нас: Книга-интервью журналиста Феликса Медведева с деятелями советской литературы и искусства. М.: Агентство печати Новости, 1988. 258 с.

Список литературы / References

Аскольдов-Алексеев А. Концепт и слово // Русская словесность. Антология. М.: Academia, 1997. С. 267—279.

(Askol'dov-Alekseev A. Concept and word, *Russian Literature. An Anthology*, Moscow, 1997, pp. 267—279. — In Russ.)

Иванова Н. Зеркало или Зазеркалье // В своем Отечестве пророки? Публицистика Перестройки: лучшие авторы 1988 г. М.: Книжная палата, 1989. С. 150—169.

(Ivanova N. Mirror or Looking-Glass, *Prophets in Their Own Country? Perestroika Journalism: The Best Authors of 1988*, Moscow, 1989, pp. 150—169. — In Russ.)

Лихачев Д.С. О филологии. М.: Высшая школа, 1989. 210 с.

(Likhachev D.S. On Philology, Moscow, 1989, 210 p. — In Russ.)

Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. Антология. М.: Academia, 1997. С. 280—287.

(Likhachev D.S. The conceptual sphere of the Russian language, *Russian Literature. An Anthology*, Moscow, 1997, pp. 280—287. — In Russ.)

Соколов А. Ленинградское время «поэта долгожданного» // Литературная газета. 2026. № 1—2. С. 17.

(Sokolov A. The Leningrad time of “the long-awaited poet”, *Literary Gazette*, 2026, no. 1—2, p. 17. — In Russ.)

Чупринин С.И. После затишья. Поэзия конца 80-х: опыт и перспективы // Перспектива—89. Советская литература сегодня: Сборник статей. М.: Советский писатель, 1989. С. 171—186.

(Chuprinin S.I. After the lull. Poetry of the late 80s: experience and prospects, *Perspective—89. Soviet Literature Today: A Collection of Articles*, Moscow, 1989, pp. 171—186. — In Russ.)

A POET-PHILOLOGIST (TO THE ANNIVERSARY OF ALEXANDER KUSHNER)

German Yu. Philippovsky
Yaroslavl state pedagogical university named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl, Russian Federation, fil.gerr@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the creative heritage of Alexander Kushner, an outstanding poet of our present times. Early in life, at the age of 10, he began to write verses, his first poetic book published in 1962 was called “First impressions”. Graduated from Herzen pedagogical institute, he taught Russian language and literature in a Leningrad

school for 10 years. Profound feeling and love for a Russian word helped A. Kushner, philologist and poet, to attain unique and profound qualities of his poetic lyrical expression. Alexander Kushner is an author of many collected books of poems, earned the most prestigious literary rewards, maintained his creative talent and intrinsic poetic diction for many years. His poetic heritage competes with the best world's specimens. As Bella Akhmadulina called it, A.Kushner's "quiet poetry" may be compared with poetic works by Nikolay Rubtsov, one of the most outstanding Russian poets of XX century. Being first and most of all in love with his native city S.-Petersburg, Kushner at the same time managed to contribute a lot to the world poetic masterpieces. In keeping with the best traditions of Russian poetry, Alexander Kushner-poet may be honored today as belonging both to the present life and Eternity.

Keywords: Alexander Kushner, lyrical poet-philologist, collected books, prestigious literary rewards, Pushkin and Tyutchev's traditions

***For citation*:** Philippovsky G.Yu. A poet-philologist (to the anniversary of Alexander Kushner), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2026, Special issue, pp. 178—187.

Статья поступила в редакцию 03.06.2026; одобрена после рецензирования 06.07.2026; принята к публикации 30.07.2026.

The article was submitted 03.06.2026; approved after reviewing 06.07.2026; accepted for publication 30.07.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Филипповский Герман Юрьевич — доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия, fil.gerr@yandex.ru, SPIN: 6487-0509

Philippovsky German Yurievich — Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Russian Literature, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl, Russian Federation, fil.gerr@yandex.ru

Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2026. Специальный выпуск. С. 188—198.
Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Special issue. P. 188—198.

Научная статья
УДК 070.4:316.344.32
EDN https://elibrary.ru/mdfsul
DOI: 10.46726/H.2026.5.20

ЖУРНАЛУ «ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР» ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА

Владимир Вячеславович Комиссаров
Верхневолжский государственный агробиотехнологический университет,
г. Иваново, Россия, cosh-kin@mail.ru

Николай Георгиевич Юркин
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Ивановский филиал, г. Иваново, Россия, yurkin-ng@ranepa.ru

Аннотация. Статья посвящена истории научного журнала «Интеллигенция и мир» и приурочена к 25-летнему юбилею издания. Авторы — члены редколлегии журнала, причастные к его созданию. Рассматривается предыстория журнала, обстоятельства его создания, основные этапы развития. Особое внимание уделяется роли В.С. Меметова как организатора ивановской школы интеллигентоведения и первого главного редактора. Авторы делают краткий обзор тематики издания за прошедшие 25 лет. Отмечаются основные дискуссионные вопросы современного интеллигентоведения, нашедшие отражение в издании. Это проблема дефиниций, проблемы «интеллигенция и власть», «интеллигенция и интеллектуалы», роль интеллигенции в современном цифровом мире. Анализируются публикации ведущих специалистов по истории интеллигенции, выделяются основные точки зрения, наиболее дискуссионные моменты. Подчеркиваются достижения журнала и перспективы дальнейшего развития.

***Ключевые слова*:** журнал «Интеллигенция и мир», научная печать, интеллигенция, интеллектуалы, ивановская школа интеллигентоведения, Межвузовский Центр, Ивановский университет

***Для цитирования*:** Комиссаров В.В., Юркин Н.Г. Журналу «Интеллигенция и мир» четверть века // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Специальный выпуск. С. 188—198.

Памяти Учителя,
Заслуженного работника высшей школы РФ,
профессора В.С. Меметова

В текущем году общероссийскому научному журналу «Интеллигенция и мир» исполняется 25 лет. Инициатором издания первого в России научного журнала, посвященного изучению проблем современного интеллигентоведения, стал доктор исторических наук, заслуженный работник высшей школы РФ, профессор Валерий Сергеевич Меметов. Поскольку авторы данной статьи как раз в то время работали над кандидатскими диссертациями под научным руководством В.С. Меметова, то при подготовке этого материала они опирались не только на документы и публикации анализируемого издания, но и на собственные воспоминания.

© Комиссаров В.В., Юркин Н.Г., 2026

Казалось бы, четверть века не такой значительный срок для научного издания, тем не менее, как нам представляется, он позволяет говорить о некоторых достижениях в развитии журнала.

Другой аспект, на котором авторы хотели бы остановиться в статье, — это вопрос о том, какие темы активно обсуждаются на страницах нашего издания. Здесь нужно сказать, что именно Меметову принадлежит идея использования опубликованных в журнале статей в качестве своеобразного барометра по определению актуальных проблем современного интеллигентоведения [Меметов, Юркин: 106]. В этом смысле сегодня мы выступаем продолжателями его дела. При этом мы, во избежание повторений, сделаем акцент на анализе тех статей, которые были опубликованы в журнале в период с 2014 по 2025 год. Оговоримся, что эта статья не претендует на полноценный историографический обзор опубликованных материалов. Мы обозначим наиболее интересные, на наш взгляд, дискуссии, одновременно отметим наиболее перспективные направления интеллигентоведческих исследований.

На пути к интеллигентоведческому журналу. «Звездным часом» отечественной интеллигенции стал период второй половины 1980-х гг., когда на волне Перестройки именно интеллигенты стали движущей силой общественных процессов, публиковали критические статьи, создавали неформальные движения и первые партии, активно участвовали в выборах Съездов народных депутатов СССР и РСФСР и др. Именно поэтому в те годы в общественных науках усилился интерес к изучению жизни и деятельности данной социальной группы.

Конечно, интеллигенция была предметом анализа и прежде. Но в советский период негативное влияние оказывала марксистская концепция, которая рассматривала ее исключительно как общественную прослойку, не имевшую собственных интересов, а игравшую роль интеллектуальной обслуги больших антагонистических классов. Отсюда и возникли представления о «буржуазной», «пролетарской», «крестьянской» интеллигенции. Попытка пересмотреть этот подход в недолгий период оттепели оказалась неудачной. Тем не менее интеллигентоведам советского времени удалось раздвинуть границы узкоклассового подхода.

Только на рубеже 1980—1990-х гг. исследователи интеллигенции смогли говорить о ней как о самостоятельной политической силе. Именно эту идею озвучил создатель журнала В.С. Меметов на самой первой конференции по проблемам интеллигенции в апреле 1991 г.: «Интеллигенция сегодня — это вторая по численности после рабочего класса социальная группа советского общества <...> Мне близка точка зрения авторов, которые отмечают, что на нынешнем этапе развития общества интеллигенция обладает явно выраженными признаками класса» [Меметов 1991: 3]. Уже в 1980-е гг. возникли три центра изучения интеллигенции: Ленинградский, Уральский (Свердловский) и Новосибирский. В начале 1990-х годов к ним присоединился Ивановский, вскоре занявший лидирующее положение. Изначально интеллигентоведческие исследования в ИвГУ сосредоточились на кафедре истории и культуры России, которую с 1988 г. возглавлял Меметов. В 1991 г. благодаря его организаторским усилиям был образован Межвузовский центр Российской Федерации «Политическая культура интеллигенции: ее место и роль в жизни общества» при Ивановском госуниверситете (с 2004 г. — Межвузовский Центр гуманитарного образования по политологии, политической культуре и мировой политике).

Также с начала 1990-х гг. при ИвГУ стал действовать Проблемный Совет РФ «Интеллигенция, культура, власть». Он объединил усилия ведущих отечественных специалистов, занимавшихся вопросами жизни и деятельности интеллигенции. Среди них В.Р. Веселов (Кострома), В.С. Волков (Санкт-Петербург), М.Е. Главацкий (Екатеринбург), М.И. Кондрашёва (Екатеринбург), В.Л. Соскин (Новосибирск), Г.Г. Халиулин (Кемерово) и многие другие. Работу Проблемного совета также возглавил Валерий Сергеевич. Деятельность Межвузовского центра и Проблемного Совета стали надежным фундаментом для создания нашего журнала, а члены центра и Совета составили ядро редколлегии и редсовета этого издания.

Рождение журнала. Концепция будущего журнала была предметом обсуждения на заседаниях межвузовского центра. В нем удалось объединить представителей самых разных научных направлений: филолога В.П. Ракова, философа Г.С. Смирнова, специалиста по информационным системам А.А. Белова, политолога Ю.М. Воронова [Сибиряков 2024: 63] и, конечно же, историков А.А. Данилова, С.С. Садину, О.Ю. Олейника и многих других. Несмотря на то что большинство членов центра горячо поддержали идею Валерия Сергеевича, дискуссии о будущем научном издании были весьма жаркими. Об этом вспоминал сам Меметов в беседах со своими учениками, среди которых были и авторы данной статьи. К сожалению, многих из тех, кто стоял у истоков журнала, сегодня уже нет в живых. Ушли из жизни В.С. Меметов, В.П. Раков, С.С. Садина, А.А. Данилов. Тем ценнее воспоминания других участников данного обсуждения. В этой связи обратим внимание, что по решению редакционной коллегии журнала в 2026—2027 гг. планируется опубликовать серию воспоминаний тех людей, которые были сопричастны к изданию нашего журнала на различных этапах его существования.

Первым главным редактором журнала стал, естественно, В.С. Меметов и оставался на этом посту до дня своей смерти — 12 августа 2019 года. При этом он не только выполнял роль руководителя, но и активно выступал с публикациями на страницах журнала. Авторов всегда поражала невероятная работоспособность и широта интересов нашего Учителя [Меметов 2012; Меметов, Будник; Меметов, Комиссаров; Меметов, Усманов]. Здесь мы сознательно привели лишь несколько примеров статей, опубликованных в нашем журнале, если же говорить об общем числе научных трудов Валерия Сергеевича, то только в eLIBRARY.RU индексируется свыше 180 его работ. Особо мы бы хотели подчеркнуть, что, будучи сторонником междисциплинарного подхода в изучении проблем интеллигентоведения, он активно проводил эмпирические исследования [Меметов 2017].

Заметную роль в выпуске первых номеров журнала сыграли деловые связи и административные возможности Ю.М. Воронова, который до 2000 г. занимал пост заместителя главы Ивановской области. Благодаря этому первые журналы отпечатали в Ивановской областной типографии в очень высоком качестве. Затем редакция стала искать альтернативные варианты издания. Менялся технологический процесс — от тиражирования фотопечатным способом с пленок (фотоформ) перешли к цифровой печати с электронного макета, изменили формат. С 2008 г. электронные варианты статей стали размещаться в электронно-библиотечных системах. Так журнал постепенно приобрел свой уникальный и узнаваемый образ. Создание и развитие «Интеллигенции и мира» было бы невозможно без содействия редакционно-издательского отдела, а затем Издательства ИвГУ и его директора

Л.В. Михеевой, а также редакторов И.С. Сибирёвой, М.Б. Балябиной, М.В. Серебряковой, О.В. Батовой, Э.В. Кромер, в разное время работавших с журналом.

Важной чертой педагогического стиля В.С. Меметова было вовлечение в научно-организационную работу аспирантов и соискателей. Таким образом, в работе над первыми номерами журнала, пусть и в третьестепенных ролях, приняли участие Н.Г. Юркин, В.В. Комиссаров, А.Е. Кабанов, В.В. Тепикин, Д.А. Столяров и некоторые другие.

После смерти Меметова на посту главного редактора журнала в 2020 году его сменил доктор исторических наук, профессор Василий Львович Черноперов. Несмотря на горечь утраты Учителя, сегодня, по прошествии пяти лет, нужно признать, что приход нового талантливого организатора придал новый импульс развитию журнала.

Отметим, что на первых этапах издания журнала редакционный портфель был не очень значителен. Порою членам редакционной коллегии приходилось принимать решения о выпуске «спаренных» номеров. Однако по мере роста узнаваемости данного журнала наполнялся и редакционный портфель. Особенно значимым стало то обстоятельство, что в 2010 году ВАК включил наше издание в перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук. Причем журнал находится в постоянном развитии. Если первоначально, по результатам проведенного анализа наукометрических показателей, «Интеллигенция и мир» был отнесен к категории «К 3», то с 1 января 2024 г. его категория повысилась до «К 2». Своеобразным подарком журналу к 25-летию стало его включение в так называемый «Белый список» научных изданий. Полагаем, что эти успехи помогут нам открыть новые имена и, возможно, расширить круг проблем, которые обсуждаются на страницах журнала.

К вопросу о дефинициях. Одним из актуальных направлений современного интеллигентоведения мы считали и считаем уточнение основных его дефиниций. Пожалуй, наибольшее число авторов разделяет убеждение, что русская интеллигенция является специфическим продуктом русской культуры. Например, С.М. Усманов подчеркивает, что «типологические черты русской интеллигенции — это в значительной степени сущностные основы интеллигенции как таковой» [Усманов 2014: 29].

В этой связи отметим, что авторов всегда интриговал один вопрос: почему западная культура с ее глубокими и древними университетскими традициями не привела к появлению интеллигенции как более-менее массовому явлению? Как нам представляется, мы нащупали ответ на данный вопрос, размышляя совместно с коллегой из Москвы о причинах различного восприятия Второй мировой войны российской интеллигенцией и западными интеллектуалами [Аршавская, Юркин: 36—55]. В мировоззрении отечественной интеллигенции, причем как советской, так и эмигрантской, она воспринималась как «общая национальная трагедия», требующая единения всех сил для организации отпора агрессору. В этих условиях большинство российских интеллигентов, демонстрируя такие моральные качества, как любовь к Родине, осознание исторической преемственности различных поколений русских людей, способность к самопожертвованию ради сохранения Отечества, присоединилось к этой борьбе.

В сознании же западного интеллектуала это был лишь один из эпизодов европейской истории, который не изменил привычного образа жизни

значительной части интеллектуальной элиты. Причины подобного отношения западных интеллектуалов нам видятся в том, что в «основе западной культуры лежит индивидуализм, то есть она ориентирована на человека, который рассматривается как первичная и приоритетная ценность. Поэтому он живет для самого себя, а не для того, чтобы служить какому-нибудь высокопоставленному человеческому существу или сверхъестественной силе» [Аршавская, Юркин: 49]. Поэтому интеллектуал, воспитанный в подобной общественной парадигме, в первую очередь нацелен на реализацию своего интеллектуального потенциала, оставляя свои моральные убеждения за «дверями кабинета офиса».

В основе же развития отечественной культуры всегда доминировали идеи общинности, соборности, коллективизма. Поэтому и человек, в том числе и интеллектуал, воспринявший эти доминанты в процессе социализации, ориентирован скорее на решение общественно значимых проблем, а не на «продвижение» себя. В результате именно в России сформировалась интеллигенция как «новый социальный слой автономных интеллектуалов, имеющих особый моральный комплекс служения идеалу» [Усманов 2014: 29]. Однако высказанные соображения вовсе не претендуют на истину в последней инстанции, это скорее гипотеза, нуждающаяся в дальнейшем уточнении. Поэтому сегодня по-прежнему актуальной остается задача сравнительного анализа мировоззрения русского интеллигента и западного интеллектуала.

Что касается самих дефиниций «интеллигент» и «интеллектуал», то этот вопрос по-прежнему остается открытым. В целом большинство исследователей соглашается с необходимостью разграничивать понятия «интеллигенция» и «интеллектуал», хотя, как совершенно справедливо подчеркивает В.В. Порозов, границы между этими понятиями размыты. Мы склонны согласиться с его мнением, что «всякий интеллигент — интеллектуал <…>, но не каждый интеллектуал — интеллигент» [Порозов 2024: 144]. Но, к сожалению, детального разграничения этих понятий на страницах нашего журнала мы не видим. И это несмотря на то, что в последнее время обсуждение данного вопроса активизировалось. Обратим внимание на дискуссию, которая развернулась в 2024—2025 гг. в анализируемом журнале [Порозов 2024; Порозов 2025; Усманов 2024]. Эти же вопросы обсуждались и на круглом столе «Интеллигенция и интеллектуалы: вариации самосознания на вызовы окружающего мира», который был проведен в рамках одной из Ивановских интеллигентоведческих конференций [Калинин, Усманов]. Но в большинстве своем авторы скорее сосредоточены на критике ранее выдвинутых теорий. Ситуация усугубляется введением в интеллигентоведческий дискурс новых понятий «прединтеллигенция», «прединтеллектуалы», «интеллектный слой», «интеллектуальная элита», «креативный класс» и т. п. Это также не вносит ясность в терминологический аппарат интеллигентоведения. Единственное, что солидаризирует всех исследователей, — уверенность в необходимости продолжения научных изысканий по данному вопросу. Убеждены, что накопление информации, которое происходит в настоящее время, впоследствии приведет к «прорыву», когда количество перерастет в качество и нам удастся уточнить дискуссионные понятия.

Интеллигенция и власть. Тема конфликта между интеллигенцией и властью достаточно часто изучается при проведении конкретно исторических исследований, в том числе и на страницах нашего журнала [Курасов; Пестерев, Кондрашёва; Хлопаева; Цумарева]. Тем не менее, отрадно отметить, что от идеи об оппозиционности интеллигенции по отношению к власти как сущно-

стной черте российской интеллигенции отказывается большинство интеллигентоведов. Всё больше публикаций, в которых обосновывается мысль о том, что такое противопоставление власти свойственно лишь части интеллигенции. Например, один из авторов данной статьи, изучая развитие российского государства в период Перестройки, не сбрасывая со счетов непростые отношения интеллигенции и партийной власти эпохи позднего социализма, тем не менее показывает, что часть интеллигенции была представлена и внутри властных структур. И в целом проблема противопоставления интеллигенции и власти носит во многом спекулятивный характер [Комиссаров: 24—25]. Таким образом, можно констатировать, что интеллигенция на всех этапах отечественной истории более или менее активно вовлекалась в политико-управленческий процесс.

Наиболее масштабно вопрос о неоднозначности положения интеллигента / интеллектуала в обществе проработан главным редактором нашего журнала В.Л. Черноперовым, С.М. Усмановым и другими коллегами [Черноперов, Усманов, Буданова: 12—15]. Ими было выделено три модели участия интеллигенции в политической и общественной жизни. Это «*хождение во власть*», когда интеллигенты вовлекаются во властные структуры или отстаивают их интересы; «*вечное противостояние*», представляющее борьбу интеллигенции против власти; «*башня из слоновой кости*», когда интеллигенты дистанцируются как от власти, так и от народа.

Этими же авторами были предложены модели участия в политической жизни западных интеллектуалов. В данном случае речь идет о таких образцах поведения, как «*бессильные люди*» (осознание невозможности перейти существующие границы); «*независимые эксперты*» (знатоки своего дела, признаваемые наиболее влиятельными властными кругами); «*аутсайдеры-нонконформисты*» (отказ от следования общепринятым нормам и правилам).

Думается, модель можно расширить за счет еще одного сценария поведения интеллигенции в советской и современной России, обозначив его как «*кухонная интеллигенция*». Это те представители интеллектуальных профессий, которые в своей практической деятельности выполняют профессиональные задачи, в том числе и в государственных структурах, но, возвращаясь домой, превращаются в «непримиримых» оппозиционеров и критиков власти. Такая стратегия поведения, на наш взгляд, сближает их с западными интеллектуалами, которые, как указывалось выше, оставляют свои моральные убеждения за «дверями кабинета офиса». Впрочем, и без этого уточнения предложенная авторами классификация участия интеллигентов / интеллектуалов в общественной жизни позволяет «выявить реальные альтернативы включения этих социальных групп в социально-политические трансформации современного мира и оценить их конкретные результаты», о чем пишут сами авторы [Черноперов, Усманов, Буданова: 28]. По нашему мнению, она может стать основой для дальнейшего сравнительного анализа сущностных черт интеллигенции и интеллектуалов. Кроме того, ее можно использовать при проведении просопографических исследований, направленных на выявление побудительных мотивов интеллигентов и интеллектуалов, выбирающих ту или иную модель, отказывающихся от одного сценария поведения в пользу другого пути.

Обратим внимание, что некоторые исследователи, анализируя взаимодействие интеллигенции и власти, двигаются схожим образом. А.В. Зябликов, например, рассматривая взаимодействие художественной интеллигенции и власти на рубеже XIX—XX столетий, выявляет следующие типы сознания интеллигенции: лица, настроенные на конфронтацию с властью; интеллигенты,

ориентированные на сотрудничество с ней; лица, дистанцирующиеся от участия в делах власти [Зябликов]. Здесь уместно вспомнить прозвучавшие на одной из интеллигентоведческих конференций слова нашего главного редактора о некотором «равнодушии» российских интеллигентоведов к результатам исследований друг друга и к новым направлениям научного анализа [Юркин 2024: 175—176]. По нашему мнению, проведение фундаментальных исследований взаимодействия интеллигенции, власти и общества невозможно силами одного и даже группы ученых; здесь необходимо участие больших коллективов авторов, что в свою очередь придаст новый импульс развитию интеллигентоведения.

В лабиринтах цифровизации. Цифровая трансформация общества, происходящая в настоящее время, отражается на любом направлении научного поиска. Все больше ученых пытаются задуматься над вопросом о том, что может предложить цифровая среда современному интеллигентоведу. В качестве примеров можно привести несколько публикаций в нашем журнале. Еще в 2013 г. доктор исторических наук, профессор, представитель Южно-Уральского государственного университета Игорь Вячеславович Сибиряков обратил внимание на специализированный ресурс, появившийся в сети Интернет: «Intelligentia.ru. Энциклопедия интеллигентизации отношений». Хотя Сибиряков делает не очень позитивный вывод о том, что возможность «свободного изложения своих взглядов и огромная скорость передачи информации не стали решающим фактором творческого познания и самоидентификации новой российской интеллигенции» [Сибиряков 2013: 96], тем не менее он признает, что подобные платформы имеют большой потенциал в направлении интеграции представителей интеллигентных профессий для решения локальных задач. В частности, они могут выступить «в роли “своеобразных” лоцманов в стремительно растущем информационном пространстве» [Сибиряков 2013: 95—96].

К схожим выводам пришли и исследователи, которые изучали существующий опыт взаимодействия интеллигенции, власти и общества в условиях цифровой трансформации. Авторы отмечают, что, как это ни странно, именно российская интеллигенция «интегрируется в новую цифровую реальность труднее других социальных групп», в том числе и вследствие определенного предубеждения, связанного с тем, что долгое время интеллигенция «издержки и риски тотальной цифровизации оценивала выше ее преимуществ и возможностей» [Ахунзянова и др.: 20]. Однако в последнее время, как считают авторы, ситуация начинает меняться. Большая часть интеллигенции начинает осознавать, что цифровизация, наряду с рисками и угрозами, открывает «перед думающим, говорящим и пишущим человеком почти безграничные возможности» [Там же: 21]. В заключении авторы делают вывод о необходимости более активного включения интеллигенции «в цифровую публичную сферу, имея и предлагая позитивную программу действий» [Там же: 21].

Иначе попытался взглянуть на интернет-ресурсы один из авторов данной статьи. Мы обобщили собственный опыт по поиску редких дореволюционных изданий и исторических источников, посвященных истории государственного управления России в XVI—XVII вв. [Юркин 2016; Юркин 2017]. Одной из целей, которая ставилась в публикациях, было оказание методической помощи студентам неисторических специальностей в поиске литературы и нормативно-правовых актов при подготовке к семинарским занятиям по дисциплине, которую мы ведем в Ивановском филиале РАНХиГС, «История государственного управления» [Юркин 2017: 115]. Как показало время, прошедшее с момента публикации этих статей, частично поставленная задача была достигнута.

В этой связи отметим, что, на наш взгляд, один из разделов журнала, на который члены редакционной коллегии изначально возлагали большие надежды, оказался необоснованно забыт. Речь идет о рубрике «Учебно-методические вопросы современного интеллигентоведения». В рассматриваемый период она лишь дважды появлялась на страницах журнала. Редколлегия, учитывая, что большинство авторов и читателей журнала «Интеллигенция и мир» являются действующими преподавателями, рассчитывала, что наше издание сможет предоставить возможность для обмена опытом не только в преподавании интеллигентоведческих курсов, но и в целом стать платформой накопления лучших практик обучения дисциплинам социально-гуманитарного цикла. Надеемся, в будущем эта ситуация выправится.

Журнал «Интеллигенция и мир» задумывался как междисциплинарное издание, освещающее широкий спектр вопросов изучения жизнедеятельности интеллигенции. Часть поставленных перед ним задач удалось выполнить, журнал не только сохранился, но и действительно стал точкой притяжения ученых-интеллигентоведов. Не всё задуманное получилось воплотить в жизнь. За прошедшие 25 лет заметно поменялись требования к научным изданиям, они стали более формальными и дисциплинарно очерченными. Серьезная реформа вузовского образования и его гуманитарного раздела не позволила в полной мере реализоваться интеллигентоведению как учебной дисциплине, что и стало одной из причин забвения соответствующей рубрики. «Интеллигенция и мир» — это живой организм со своими достоинствами и недостатками, достижениями и провалами. Но следует признать главное: журнал живет, совершенствуется и обладает большим потенциалом развития.

Список литературы / References

Аршавская Е.А., Юркин Н.Г. Восприятие Второй Мировой войны российской интеллигенцией и западными интеллектуалами (К постановке проблемы) // Интеллигенция и мир. 2017. № 1. С. 36—55.

(Arshavskaya E.A., Yurkin N.G. Perception of World War II by the Russian intelligentsiya and the western intellectuals (to the statement of the problem), *Intelligentsia and the World,* 2017, no. 1, pp. 36—55. — In Russ.)

Ахунзянова Ф.Т., Зайцев А.В., Зябликов А.В., Максименко А.А. Место и роль интеллигенции в эпоху цифровых трансформаций // Интеллигенция и мир. 2024. № 1. С. 9—36.

(Akhunzyanova F.T., Zaitsev A.V., Zyablikov A.V., Maksimenko A.A. The place and role of the intelligentsia in the era of digital transformation, *Intelligentsia and the World,* 2024, no. 1, pp. 9—36. — In Russ.)

Зябликов А.В. Политическое позиционирование российской художественной интеллигенции на рубеже XIX—XX веков: тенденции и стратегии // Интеллигенция и мир. 2018. № 1. С. 7—17.

(Zyablikov A.V. Political positioning of Russian artistic intelligentsia on the verge of the XIX—XX centuries: trends and strategies, *Intelligentsia and the World,* 2018, no. 1, pp. 7—17. — In Russ.)

Калинин А.К., Усманов С.М. «Комплекс интеллигента» в контексте университетской традиции // Интеллигенция и мир. 2025. № 1. С. 172—173.

(Kalinin A.K., Usmanov S.M. The “intelligentsia complex” in context of university tradition, *Intelligentsia and the World,* 2025, no. 1, pp. 172—173. — In Russ.)

Комиссаров В.В. Управленческий потенциал советской интеллигенции: возвращение к старой дискуссии // Интеллигенция и мир. 2025. № 3. С. 9—29.

(Komissarov V.V. The managerial potential of the Soviet intelligentsia: a return to an old discussion, *Intelligentsia and the World,* 2025, no. 3, pp. 9—29. — In Russ.)

Курасов С.А. Случай на лекции: столкновение в повседневности «старой» интеллигенции и «нового» студенчества в первые годы советской власти // Интеллигенция и мир. 2014. № 3. С. 74—82.

(Kurasov S.A. Episode at the lecture: collision in daily occurrence of the “old” intelligentsia and the “new” students in the first years of the Soviet power, *Intelligentsia and the World*, 2014, no. 3, pp. 74—82. — In Russ.)

Меметов В.С. Интеллигенция и политика (Вступительное слово на открытии конференции «Интеллигенция и политика») // Интеллигенция и политика: тезисы докладов межрегиональной научно-теоретической конференции, 18—19 апреля 1991 г. Иваново: Ивановский государственный университет, 1991. С. 3—6.

(Memetov V.S. Intelligentsia and politics (Opening remarks at the opening of the conference “Intelligentsia and Politics”. April 18—19, 1991), *Intelligentsia and politics: theses of reports of the interregional scientific and theoretical conference, Ivanovo, April 18—19, 1991*, Ivanovo, 1991, pp. 3—6. — In Russ.)

Меметов В.С. Философия, интеллигенция и власть // Интеллигенция и мир. 2012. № 3. С. 149—155.

(Memetov V.S. Philosophy, intelligentsia and power, *Intelligentsia and the World*, 2012, no. 3, pp. 149—155. — In Russ.)

Меметов В.С. Экспертный опрос «Такая разная интеллигенция: исторический опыт отечественной интеллигенции в 1917—2017 гг.» и его результаты // Интеллигенция и мир. 2017. № 3. С. 9—32.

(Memetov V.S. Expert survey “Such diverse intelligentsia: historical experience of the Russian intelligentsia in 1917—2017” and its results, *Intelligentsia and the World*, 2017, no. 3, pp. 9—32. — In Russ.)

Меметов В.С., Будник Г.А. Высшее образование в России: традиции, преемственность, перспективы развития // Интеллигенция и мир. 2018. № 3. С. 9—22.

(Memetov V.S., Budnik G.A. Higher education in Russia: traditions, continuity, development prospects, *Intelligentsia and the World*, 2018, no. 3, pp. 9—22. — In Russ.)

Меметов В.С., Комиссаров В.В. Научное наследие Э.А. Араб-оглы через призму современности // Интеллигенция и мир. 2015. № 2. С. 9—16.

(Memetov V.S., Komissarov V.V. Scientific heritage of E. A. Arab-oglou through the prism of the present-day, *Intelligentsia and the World*, 2015, no. 2, pp. 9—16. — In Russ.)

Меметов В.С., Усманов С.М. В лабиринтах техногенной цивилизации // Интеллигенция и мир. 2012. № 1. С. 108—113.

(Memetov V.S., Usmanov S.M. In the labyrinths of technogenic civilization, *Intelligentsia and the World*, 2012, no. 1, pp. 108—113. — In Russ.)

Меметов В.С., Юркин Н.Г. Листая страницы журнала (основные тенденции современного интеллигентоведения) // Интеллигенция и мир. 2013. № 1. С. 105—119.

(Memetov V.S., Yurkin N.G. “Thumbing through magazine pages” (The main tendencies of the modern intelligentsia studies), *Intelligentsia and the World*, 2013, no. 1, pp. 105—119. — In Russ.)

Пестерев Е.В., Кондрашёва М.И. Выдвиженчество как проблема в работе уральских органов юстиции в 20-е годы XX века // Интеллигенция и мир. 2014. № 1. С. 93—104.

(Pesterev E.V., Kondrasheva M.I. The system of the workers nomination on the senior authority positions (“vidvizhenchestvo”) as a problem in the work of justice agencies of the Ural region in the 1920s, *Intelligentsia and the World*, 2014, no. 1, pp. 93—104. — In Russ.)

Порозов В.А. Развитие понятия «интеллектуал» в отечественном интеллигентоведении // Интеллигенция и мир. 2024. № 1. С. 124—155.

(Porozov V.A. Development of the concept of “intellectual” in Russian intelligentsia studies, *Intelligentsia and the World*, 2024, no. 1, pp. 124—155. — In Russ.)

Порозов В.А. Термин «интеллигенция / интеллектуалы» в российском интеллигентоведческом контексте // Интеллигенция и мир. 2025. № 2. С. 112—148.
(Porozov V.A. The term “intelligentsia / intellectuals” in the context of Russian intellegentsia studies, *Intelligentsia and the World,* 2025, no. 2, pp. 112—148. — In Russ.)

Сибиряков И.В. Феномен «Intelligentia.ru» // Интеллигенция и мир. 2013. № 4. С. 89—96.
(Sibiriakov I.V. Phenomenon of “Intelligentia.ru”, *Intelligentsia and the World,* 2013, no. 4, pp. 89—96. — In Russ.)

Сибиряков И.В. Научная школа профессора В.С. Меметова // Интеллигенция и мир. 2024. № 1. С. 59—71.
(Sibiriakov I.V. Scientific school of professor V.S. Memetov, *Intelligentsia and the World,* 2024, no. 1, pp. 59—71. — In Russ.)

Усманов С.М. Интеллигенция и интеллектуалы в современном мире: дискуссии о проблемах и тенденциях самоопределения // Интеллигенция и мир. 2014. № 4. С. 20—32.
(Usmanov S.M. Intelligentsia and intellectuals in the modern world: discussions about the problems and tendencies of self-determination, *Intelligentsia and the World,* 2014, no. 4, pp. 20—32. — In Russ.)

Усманов С.М. Этос интеллектуала: трудные вопросы, неясные ответы // Интеллигенция и мир. 2024. № 3. С. 123—155.
(Usmanov S.M. The ethos of the intellectual: difficult questions, unclear answers, *Intelligentsia and the World,* 2024, no. 3, pp. 123—155. — In Russ.)

Хлопаева Н.А., Хлопаева М.Е. Власть и интеллигенция: реконструкция коммуникационной стратегии по материалам советской прессы 1922 года // Интеллигенция и мир. 2025. № 4. С. 131—155.
(Khlopaeva N.A., Khlopaeva M.E. Toward an understanding of bolsheviks —intelligentsia communication strategy (based on the Soviet press materials of the 1922), *Intelligentsia and the World,* 2025, no. 4, pp. 131—155. — In Russ.)

Цумарева Е.П. К вопросу о борьбе либеральной интеллигенции за отмену смертной казни в российской империи в период Первой русской революции // Интеллигенция и мир. 2023. № 2. С. 50—67.
(Tsumareva E.P. The struggle of the liberal intelligentsia for the abolition of the death penalty in the Russian Empire during the First Russian revolution, *Intelligentsia and the World,* 2023, no. 2, pp. 50—67. — In Russ.)

Черноперов В.Л., Усманов С.М., Буданова И.А. Российские интеллигенты и европейские интеллектуалы XX столетия: особенности взаимодействия с обществом и властью // Интеллигенция и мир. 2015. № 4. С. 9—31.
(Chernoperov V.L., Usmanov S.M., Budanova I.A. Russian intelligentsia members and European intellectuals of the 20th century: features of interaction with society and the authority, *Intelligentsia and the World,* 2015, no. 4, pp. 9—31. — In Russ.)

Юркин Н.Г. Историки российской провинции и интернет-ресурсы: вопросы историографии // Интеллигенция и мир. 2016. № 4. С. 81—96.
(Yurkin N.G. Historians of the Russian province and Internet resources: historiography questions, *Intelligentsia and the World,* 2016, no. 4, pp. 81—96. — In Russ.)

Юркин Н.Г. Интернет «на службе» историка-медиевиста: вопросы источниковедения // Интеллигенция и мир. 2017. № 4. С. 115—135.
(Yurkin N.G. The Internet “on the service” of the historian-medievalist: source study questions, *Intelligentsia and the World,* 2017, no. 4, pp. 115—135. — In Russ.)

Юркин Н.Г. Интеллигенты и интеллектуалы: опыт многомерного исследования // Интеллигенция и мир. 2024. № 1. С. 172—193.
(Yurkin N.G. Intelligentsia and intellectuals: experience of multidimensional research, *Intelligentsia and the World,* 2024, no. 1, pp. 172—193. — In Russ.)

QUARTER CENTURY OF "INTELLIGENTSIA AND THE WORLD" JOURNAL

Vladimir V. Komissarov
Upper Volga State Agrobiotechnological University, Ivanovo, Russian Federation, cosh-kin@mail.ru

Nikolay G. Yurkin
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ivanovo Branch, Ivanovo, Russian Federation, yurkin-ng@ranepa.ru

Abstract. The article is devoted to the history of the scientific journal "Intelligentsia and the World" and is timed to coincide with the 25th anniversary of the publication. The authors are members of the editorial board of the journal involved in its creation. The background of the magazine, the circumstances of its creation, the main stages of development are considered. Particular attention is paid to the role of V.S. Memetov as the founder of Ivanovo school of intelligentsia studies and the first editor-in-chief. The authors give a brief overview of publication topics over the past 25 years. The topics covered in the journal focused on the main issues of modern intelligentsia studies: the problems of "intelligentsia and power", "intelligentsia and intellectuals", the role of intelligentsia in the modern digital world. The authors analyze publications of leading experts on the history of the intelligentsia, outlining the main points of view as well as finding the most controversial points. The article pinpoints the quality of the journal as well as its development potential.

***Keywords*:** journal "Intelligentsia and the World", scientific press, intelligentsia, intellectuals, Ivanovo school of intelligentsia studies, Interuniversity Center, Ivanovo University

***For citation*:** Komissarov V.V., Yurkin N.G. Quarter century of "Intelligentsia and the World" journal, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2026, Special issue, pp. 188—198.

Статья поступила в редакцию 26.05.2026; одобрена после рецензирования 28.08.2026; принята к публикации 15.09.2026.

The article was submitted 26.05.2026; approved after reviewing 28.08.2026; accepted for publication 15.09.2026.

Информация об авторах / Information about the authors

Комиссаров Владимир Вячеславович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры землеустройства и ландшафтной архитектуры, Верхневолжский государственный агробиотехнологический университет, г. Иваново, Россия, cosh-kin@mail.ru, SPIN: 4674-4432

Komissarov Vladimir Vyacheslavovich — Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Professor of the Department of Land Management and Landscape Architecture, Upper Volga State Agrobiotechnological University, Ivanovo, Russian Federation, cosh-kin@mail.ru

Юркин Николай Георгиевич — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ивановский филиал, г. Иваново, Россия, yurkin-ng@ranepa.ru, SPIN: 5868-6823

Yurkin Nikolay Georgievich — Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Head of the Department of Management Theory, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ivanovo Branch, Ivanovo, Russian Federation, yurkin-ng@ranepa.ru

ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Гуманитарные науки»
2026. Специальный выпуск

12+

директор издательства *Л.В. Михеева*
корректор *О.С. Горелов*
компьютерная верстка *О.С. Горелов*

Дата размещения на сайте 24.11.2026 г.
Формат 70 × $108^{1}/_{16}$. Уч.-изд. л. 15,82. 7,38 МБ

✉ 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Ермака, 39
☏ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Вестник Ивановского государственного университета

Научный журнал
Гуманитарные науки

Адресован преподавателям,
научным сотрудникам,
студентам вузов

Распространяется по предварительным заявкам и подписке

Освещает результаты
фундаментальных и прикладных исследований,
осуществляемых по гуманитарным наукам

Журнал основан в 2000 году

Выходит 4 раза в год